Я. Н. ГОРБОВ

АСУНТА

РОМАН

ПАРИЖ
1967

АСУНТА

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

по-французски

Les Chemins de l'Enfer. Nouvelles. Editions Lardanchet. 1947.

Les Condamnés. Roman. Editions Pierre Horay. 1954.

Le Second Avènement. Roman. Editions Pierre Horay. 1955.

Madame Sophie. Roman. Editions Pierre Horay. 1956.

Ne parlons plus du passé. Editions Emmanuel Vitte. 1957.

Разсказы: *Les Kabas, La Chance de Monsieur Schrecker, Les Platanes de l'oncle, Une favorite platonique* были помѣщены в «Confluences», «Nouvelles Littéraires», «Les Quatre Dauphins», «Œuvres Libres».

по-русски

Всѣ Отношенія, роман. Изд. Flore, 1964.

Второе Пришествіе, роман. "Возрожденіе", 1960.

Разсказы: ("Возрожденіе" 1956-1962):

Скверна.

Плавающіе и путешествующіе.

Раскаяніе.

Умершія минуты.

Майским утром.

Василій и Аннушка.

Ева Алядова.

Готовятся к печати русскія версіи романов *Les Condamnés* (лит. премія 4 Jurys 1955) и *Madame Sophie.*

Я. Н. ГОРБОВ

АСУНТА

РОМАН

EDITIONS DE FLORE
P A R I S (6e)

1. — БРАК ПО РАСЧЕТУ

Во второй половинѣ девяностых годов Франсуа Крозье унаслѣдовал от родителей большую механическую мастерскую, которую вскорѣ ему удалось еще увеличить и расширить. Когда грянула война 1914-1918 г.г. Крозье мобилизировали и отправили на фронт. Но так как он был не первой молодости и располагал связями, то его вернули в тыл, поручив приспособить мастерскую к военным нуждам. Шрапнельныя дистанціонныя трубки — которыми он занялся — потребовали от него много вниманія и сил, но, зато, мастерская превратилась в фабрику. Фабрикой же она осталась и послѣ Версальскаго договора, с той разницей что трубки были замѣнены желѣзнодорожной сигнальной аппаратурой. Вскорѣ стали обозначаться контуры мірового экономическаго кризиса и Франсуа Крозье рѣшил принять охранительныя мѣры. Из них самой надежной ему казался брак его сына Филиппа с Мадлэн Дюфло, единственной дочерью и наслѣдницей Фердинанда Дюфло, владѣльца завода "Моторы внутренняго сгоранія Эфде", которая ни красотой, ни стройностью, ни, вообще, какой бы то ни было привлекательностью не отличалась. Обстоятельство это — хотя и второстепенное — все-таки могло привести к затрудненіям.

За воспитаніем Филиппа было установлено, с самых ранних пор, тщательное наблюденіе. Рано овдовѣвшій и вторично не женившійся отец хотѣл, чтобы у сына не возникало сомнѣній в том, что он предназначен вести и развивать фамильное предпріятіе. В таком смыслѣ и давались указанія всѣм, от учивших Филиппа грамотѣ гувернанток до педагогов, готовивших его к поступленію в лицей. Он был потом опредѣлен в высшее техническое училище, отбыл военную службу, вернулся в родной Вьерзон, продѣлал стаж в каждом цехѣ, потом в отдѣлах административном и коммерческом, и теперь состоял при дирекціи. Преданность молодого человѣка дѣлу казалась безусловной.

"Все это так, — говорил себѣ Франсуа Крозье, — все было сдѣлано. Но можно ли быть вполнѣ увѣренным? Правда, вѣдь эта Мадлэн совсѣм уродка".

Тѣм болѣе он сомнѣвался, что как раз Филипп был в полном расцвѣтѣ всѣх сил. Он входил в тот возраст, когда перед молодыми людьми открываются разнообразнѣйшія возможности.

Сомнѣнія отца оказались напрасными. Как только он сообщил сыну о своем планѣ и объяснил ему сколь великими могут оказаться,

в связи с кризисом, трудности и даже опасности, тот немедленно согласился.

Сейчас же послѣ разговора с отцом, он предпринял обход фабрики, побывал во всѣх цехах, поговорил с инженерами и техниками, со старшими мастерами, с рабочими и работницами, со служащими. Всѣ ему, сыну хозяина, вѣжливо и привѣтливо улыбались. В бюро, куда он вернулся, Филипп попросил разрѣшенія задать всего один вопрос. Когда отец, слегка удивившись, это разрѣшеніе дал, Филипп спросил, не был ли и его брак, в свое время, тоже подчинен финансовым соображеніям?

— Да, — сказал Франсуа Крозье, — я женился на твоей матери потому, что ея приданое позволило мнѣ расширить дѣло.

Наступило молчаніе.

— Ты знаешь, — прибавил тогда Франсуа Крозье, вдруг испытавшій что-то похожее на потребность оправдаться, — что твоя мать умерла когда тебѣ было три года и через пять лѣт послѣ нашего брака?

— Знаю. Оставшись вдовцом вы всецѣло посвятили себя дѣлу?

— Да. Всецѣло.

— Благодарю вас, — произнес сын, — и прошу меня извинить, если этот вопрос показался вам излишним.

Он вышел и нѣсколько мгновеній простоял у двери, в неподвижности. Ему казалось, что он что-то взвѣшивает. Результат повѣрки был положительным: признаніе отца, которое он мысленно воспроизвел, приняло облик моральнаго узаконенія его брака с Мадлэн. Все точно соотвѣтствовало требованіям семейной традиціи, интересам дѣла.

2. — НА БЕРЕГУ СЕНЫ

Но через нѣкоторое время послѣ свадьбы ему пришлось признать наличіе просчета. Если вдовцу легко посвятить себя цѣликом фабрикѣ, то человѣку женатому, хотя бы только по расчету и к женѣ равнодушному, уйти с головой в работу трудно. Как бы ни были условны семейныя обязательства, они остаются семейными обязательствами, за выполненіем которых, к тому же, ревниво слѣдят всевозможные соглядатаи и блюстители морали. Из-за этого у Филиппа возникли такія домашнія непріятности, что он испытал потребность, хотя бы время от времени, от семейной жизни ускользать. Он предложил отцу открыть сборочную мастерскую в Парижѣ и получив согласіе, создал себѣ таким образом повод для частых отлучек.

Как-то раз, в концѣ 1933 года, он задержался в столицѣ на большій чѣм обычно срок. В субботу он пообѣдал в хорошем ресторанѣ с одним из своих инженеров, побывал в театрѣ, вернулся в гостиницу и лег. Сон его был, как всегда, спокойным. Когда, на утро, раздвинув штору, он увидал негрѣющіе лучи осенняго солнца, то подумал, что площади,

скверы, бульвары и парки могут быть красивыми. Он удивился этой мысли, так как и к очарованію природы, и к притягательности городских пейзажей всегда был равнодушным. Но тут же сказал себѣ, что раз его потянуло присмотрѣться к тому, от чего он до сих пор отворачивался, то почему бы это желаніе не удовлетворить?

Так вот и вышло, что он предпринял утреннюю прогулку по Парижу, в Тюильери, гдѣ стыли богини и музы, гдѣ ноябрь раскрашивал листву деревьев. Гдѣ зеленѣл газон, поблескивала вода в бассейнах, гдѣ скрипѣл под ногами гравій. Пересѣкши Площадь Согласія, Филипп оказался близ конной статуи Короля Бельгійцев. Там, у самой почти набережной, были скамьи, на одной из которых сидѣла женщина, с ребенком на руках. Рядом стояла дѣтская колясочка. Филипп прошел сзади скамьи, и лица сидѣвшей не видѣл. Но в позѣ ея было что-то что привлекло его вниманіе и заставило вернуться. Приблизившись, он поразился и сосредоточенному выраженію очень черных глаз и презрительной складкѣ губ. Да и каждому могло притти на ум спросить себя, что эта поза, эти глаза, эта усмѣшка обозначают, почему так судорожно прижат к груди ребенок?

— Что с вами? — проговорил Филипп, подчинившись неясному побужденію, но почти тотчас поняв, что просто поставил в связь позу женщины с ребенком со стремительным теченіем близкой Сены: конечно, если бы молодая женщина проявила намѣреніе броситься в воду или бросить в нее ребенка, то помѣшать этому было бы его прямым долгом. Она, между тѣм, молчала, как будто давая понять, что просит оставить ее в покоѣ.

"Я, кажется, поспѣшил", — подумал он. Но так как ничего предосудительнаго в его вопросѣ не было и задал он его подчинившись чувству простой человѣчности, без всякаго скрытаго замысла, то он испытал нѣкоторую досаду. Уйти не произнеся ни слова, значило бы принять незаслуженный упрек.

Он, тѣм болѣе, колебался потому, что молодая женщина оставалась в той же неподвижности и взгляд ея был таким же сосредоточенным. Филипп подумал, что, может быть, надо предложить ей помощь? Но какую? Он знал, конечно, о магической силѣ денег, но что́ позволяло думать, что налицо — пусть даже драматическія — но только матерьяльныя затрудненія? Моральная поддержка? В чем могла бы она выразиться?

Не зная что сказать, он вѣжливо приподнял шляпу, намѣреваясь удалиться. Но как раз сосредоточенное и надменное выраженіе молодой женщины уступило мѣсто веселой и чуть-чуть иронической улыбкѣ. Оглянув Филиппа она произнесла:

— Еще немного и вы мнѣ милостыню подали бы.

Это его задѣло за живое.

— У вас вид такой, точно вы собираетесь броситься в Сену, — пробормотал он, не без раздраженія.

— Не может быть! — воскликнула она. — Вы значит меня не

за нищенку, а за готовую к самоубійству приняли? Разрѣшите вам сказать, что я ни то, ни другое. Проницательности вы не проявили никакой. Ни-ка-кой!

— А Никакой? — произнес он, заинтересовавшись.

— Ни-ка-кой. Признаюсь, однако, что ваши слова насчет самоубійства меня разстроили. Никак не думала, что мысли о практических трудностях могут так отразиться на моем выраженіи.

— Практическія трудности могут быть весьма серьезными.

— О! Мои трудности банальныя из банальных. Безработица, неувѣренность в завтрашнем днѣ. И домашнія неурядицы, из этого вытекающія. Тѣм болѣе, что мой муж фантазер и причудник.

— Фантазер и причудник?

— Да. И большой.

— А какая у него профессія?

— У него нѣт профессіи. Он все время повторяет, что надо ко всему относиться по философски и брать жизнь такою, какая она есть. В концѣ концов можно и обозлиться.

— В этом и заключена причина вашего состоянія?

— Именно в этом.

В чертах ея обозначились и иронія, и требовательность.

— У вас, — спросил Филипп, — есть профессія?

— Я неопытная стено-дактилографка, — промолвила она, со сдержанной досадой.

Наступило короткое молчаніе, послѣ котораго Филипп вынул из бумажника визитную карточку, написал на оборотѣ адрес сборочной мастерской, дал ее ей и сказал:

— Зайдите через мѣсяц. Возможно, что у меня найдется для вас работа.

Затѣм он слегка поклонился, приподнял шляпу и пошел прочь, чувствуя неопредѣленное, но пріятное, удовлетвореніе. “Не оттого ли, — говорил он себѣ, — что ничего нѣт общаго у этого разговора с тѣми, которые затѣвают на улицах с незнакомыми дамами охотники за приключеніями?”, и думал, что у встрѣчи этой должно получиться продолженіе.

3. — СТОРОНА ДѢЛОВАЯ

На другой день Филипп уѣхал в Вьерзон, провел там недѣлю и вернулся в Париж. Когда утром он просматривал в бюро сборочной мастерской текущую переписку, ему доложили о приходѣ посѣтительницы, дав, при этом, заполненную ею фишку: имя, цѣль визита и т. д. Имя ему не говорило ничего. Ни о какой Асунтѣ Болдыревой он никогда не слышал. Кромѣ того, что оно было незнакомо, оно показалось ему странным, едва ли не претенціозным, похожим на псевдоним, выбранный начинающей кинематографической актрисой. Филипп освѣ-

домился о внѣшнем видѣ просительницы, но служащій, который впустил ее в ожидальню — лишь мельком ее оглянувшій, — мог только сказать, что она "производит впечатлѣніе брюнетки".

— Развѣ что глаза блестящіе очень, — добавил он.

Тогда Филипп понял, что это незнакомка, с которой он недѣлю тому назад заговорил на берегу Сены, и которой дал карточку.

Подосадовав на себя за неосмотрительность, он все же рѣшился ее принять.

— Я вас просил притти через мѣсяц, — сказал он недовольно, едва она переступила через порог, — а вы являетесь через недѣлю.

Она стала шарить до странности настойчивым взглядом в глубинѣ его зрачков и ничего не отвѣтила.

"Что ей нужно?" — спрашивал он себя, не зная, что сказать и раздражаясь.

— Я пришла спросить нѣт ли у вас работы, — проговорила наконец Асунта. — Я никак не думала, что разница в три недѣли может быть так важна.

— Напрасно вы так думали.

— Но развѣ не от вас зависит придавать времени и срокам ту или иную степень важности?

— Вы очень нервны, мадам. Новыя непріятности с мужем?

— Ничего подобнаго.

Глядя на нее и ее слушая, он подумал, что в голосѣ ея звучат нотки, отражающія независимость характера и сужденій. Взгляд же ея проникал в его глаза, точно бы с нѣкоторым правом. Мысленно он сравнил этот взгляд со взглядом Мадлэн, который показался ему, при мысленном этом сравненіи, довольно таки тусклым.

— Дайте мнѣ ваш адрес, — промолвил он, — и когда у меня будет работа, я вас извѣщу.

— Скажите лучше прямо, что работы для меня у вас нѣт и не будет. Обѣщаній извѣстить я получила достаточно, чтобы понять, что они значат.

— Думали ли вы, что я явлюсь к вам на дом, чтобы предложить должность? — проговорил он, иронически.

— Почему бы нѣт? — отозвалась она с совершенной естественностью.

— Ваш адрес. Я заѣду к вам сегодня вечером, — пробурчал он и недовольно, и смущенно, снова, как то уже раз было на берегу Сены, не понимая, какому он подчиняется импульсу. — Мы обсудим.

— Что мы обсудим?

— Чѣм я могу быть вам полезным.

— Улица Байар, номер пятнадцать, — сказала Асунта.

— Это в каком кварталѣ? — освѣдомился Филипп, плохо знавшій Париж.

— Елисейскія Поля. Недалеко от набережной.

4. — УЛИЦА БАЙАР

Дом номер пятнадцать по улицѣ Байар был старым и низким, по обѣим сторонам его высились многоэтажныя зданія, скорѣй роскошнаго вида. В элегантном этом кварталѣ, он был очевидным анахронизмом. Поднимаясь по лѣстницѣ, Филипп, с неудовольствіем, отмѣтил нѣкоторую поспѣшность своих шагов.

"Любопытство?" — спросил он себя и тотчас же нашел отвѣт: увидать обстановку, в которой она ссорится с мужем, может быть дѣйствительно довольно любопытно.

У края его сознанія промелькнул образ Мадлэн. Счастье при бракѣ по расчету вообще проблематично; то же, что Мадлэн с каждым мѣсяцем все больше и больше к мужу привязывалась, и все больше и больше была охвачена очарованіем его молодости, было для него источником дополнительных трудностей.

— Уж лучше бы она меня ненавидѣла? — пробурчал он, ища кнопку звонка. Но кнопки не было и он постучал. Дверь открыла Асунта. На Филиппа пахнуло спертым воздухом и при первом же бѣглом взглядѣ он обнаружил, что чистота помѣщенія весьма сомнительна.

— Добрый вечер, входите пожалуйста, — сказала Асунта. — Савелій, м-сье Крозье, о котором я тебѣ говорила, оказывает нам честь своим визитом.

И прибавила, обратившись к гостю:

— Простите за безпорядок. Мы живем в тѣснотѣ. Кромѣ того, моя дочка больна и в такую холодную погоду я опасаюсь растворять окна.

Филипп колебался, снимать ли ему пальто? Не снять — значило быть готовым уйти, снять — предполагало визит болѣе длительный. Тѣм временем дверь в сосѣднюю комнату отворилась и в ней показался Савелій. Это был человѣк средняго роста, широкоплечій, с неправильными чертами лица, выдающимися скулами, узкими, окруженными морщинами, глазами, с жидкими, бѣлесоватыми волосами. Он молча поклонился и застыл в ожиданіи.

— Добрый вечер, — сказал Крозье. — Рад с вами познакомиться.

— Счастлив вас видѣть у нас, — послѣдовал отвѣт, — надѣюсь, что некомфортабельность нашей квартирки вас не испугала.

— Какое это может имѣть значеніе?

— Значеніе это может имѣть, разумѣется, ничтожное, да и то, если допустить мысль, что таким вещам можно вообще придавать хотя б какое-нибудь значеніе. Бывает, однако, что и пустяки оказываются принятыми во вниманіе и вліяют на мнѣніе гостя о хозяевах. Мое замѣчаніе было, слѣдовательно, не больше чѣм предосторожностью. Я вѣдь не мог знать вашей точки зрѣнія? Не правда ли?

— Я вас предупредила, — вмѣшалась Асунта, — что он философ и причудник.

— Философія... — начал было немного растерявшійся Крозье.

— Один очень извѣстный мудрец, — перебил его Савелій, — довольствовался бочкой. Я не достигаю таких высот и сознаюсь, что немного больше комфорта меня устроило бы. Я сожалѣю, что всѣ усилія, мной сдѣланныя для улучшенія условій нашего существованія, ни к чему не привели. Возможно, что это результат того, что я фантазер и причудник, как говорит жена.

Он сдѣлал два шага, приблизился к Филиппу и пожал ему руку. Приблизилась к нему и Асунта, так что они, всѣ трое, оказались как раз под висѣвшей на проволокѣ, довольно сильной, электрической лампой. Тѣни на лицах их соотвѣтственно удлинились. Из стоявшей в углу кроватки донесся не то плачь, не то хрип дочки Асунты, Христины. Безпорядок и спертый воздух, странныя слова Савелія, все это совсѣм не соотвѣтствовало привычкам Филиппа. Он испытал род незнакомаго ему до той поры внутренняго смятенія, которое еще возрастало оттого, что Асунта не сводила с него глаз. "Здѣсь не настоящая жизнь, — подумал он с тоской, — здѣсь только ея предмѣстіе". И, спохватившись, добавил: "не проник ли я в область, гдѣ здравый смысл не полноправен? и реальность не безусловна? Во всяком случаѣ не может быть и рѣчи, чтобы предложить этой дамѣ мѣсто в моем бюро. Надо быть очень осторожным. Мало ли что за всѣм этим кроется".

Савелій, между тѣм, продолжал:

— Я не щадил усилій и проявлял большую предпріимчивость. Послѣ того как мнѣ пришлось, вслѣдствіе революціи, покинуть Петербург, я перебрался во Францію, гдѣ и стал учиться рисованію и живописи.

— Вы тоже из Петербурга? — спросил Филипп Асунту.

— Я там родилась.

— Но развѣ Асунта русское имя?

— Нѣт, конечно, испанское. И моих сестер зовут Нурія и Марія-Пилар. Онѣ остались в Петербургѣ, в "Ленинградѣ", как теперь говорится. Но мы даже не переписываемся. Из-за террора.

— Ея отец, — вмѣшался Савелій, — был одним из секретарей императорскаго посольства в Мадридѣ. Он очень полюбил Испанію, женился на испанкѣ и назвал своих дочерей испанскими именами. Как вы можете судить, он уклонился от принятаго порядка: сначала полюбить женщину и потом, если все хорошо складывается, полюбить ея страну. В случаѣ отца моей жены все было навыворот: сначала страна, потом женщина.

— Я рада была бы вас чѣм нибудь угостить, — промолвила Асунта, — но у меня как раз вышли всѣ запасы. Даже сахару нѣт.

— Разрѣшите вас пригласить пообѣдать со мной в ресторанѣ?

— Мы вас благодарим. Но нам нельзя оставить Христину одну. Она больна.

— Вас могло удивить, — вставил Савелій, — что у моей жены и ея сестер испанскія имена. А что мою дочь зовут Христина вас не удивляет?

— Я об этом не подумал.

— Дочь русских родителей должна была бы быть Катей, Машей, Наташей, Таней, Женей, Олей, Соней... А мы нашу назвали Христиной. Это оттого, что она родилась во Франціи, гдѣ, вѣроятно, проживет всю жизнь. Французское имя напрашивалось. Она француженка и выйдет замуж за француза.

— Да, — оборвала его Асунта, — но душа дѣвочки моей осталась русской и французское имя ничего не перемѣнит.

— Ну пусть ея душа осталась русской, — отозвался, слегка насмѣшливо, Савелій. Обратившись к Филиппу он прибавил:

— Читали ли вы дневник Льва Николаевича Толстого?

— Нѣт.

— Так вот он там часто повторяет: моя душа счастлива, моя душа счастлива, моя душа счастлива. Не говорит: я счастлив, а именно говорит: моя душа счастлива. Вот этого я и желаю Христинѣ: чтобы ея душа была счастливой. А что она останется или не останется русской, неважно. Сверх того перемѣны подданств на души не распространяются. Эти перемѣны касаются только тѣл. Русская душа во французском тѣлѣ? Да если это может способствовать счастью этой души, чего же больше желать? Я часто думал о том, чтобы выразить это в красках и линіях, но рѣшительно не знаю, как взяться.

— Дѣйствительно. И сомнѣваюсь в том, что такое полотно увеличило бы ваши доходы и поспособствовало бы укрѣпленію счастья души Христины. Живопись заработок невѣрный. За нѣкоторыми исключеніями, конечно.

— Да, я знаю. Ради этого самаго заработка мнѣ пришлось быть чернорабочим у мистера Сальмсона и у м-сье Рено, грузить по ночам мѣшки и ящики на товарном вокзалѣ; мыть автомобили; замѣшивать известь на постройках. Эта послѣдняя работа мнѣ особенно ясно дала почувствовать, что насущный хлѣб достается в потѣ лица. Замѣшивать известь в іюльскую жару! Мать честная! С той поры я обхожусь пособіями.

— Я вам говорила, что он причудник и фантазер, — сказала Асунта.

— Фантазер? Просто манера выражаться.

— Рынок труда довольно узок в настоящее время, — замѣтил Филипп, — и найти подходящую работу не всегда возможно. Но в общем к иностранным рабочим рукам во Франціи относятся благожелательно. На вашу долю выпали нѣкоторыя испытанія. Считаю, что вы имѣете моральное право на помощь.

Так говоря Филипп думал: "Навѣрно все то, что я вижу и что я слышу, и есть прославленный charme slave».

Монгольскія черты лица Савелія и не в мѣру блестящіе глаза его жены — полу-русской, полу-испанки — подсказывали какія-то, весьма расплывчатыя догадки о невозможности точных этнических разграниченій, а безпорядок и валявшаяся на стульях нечищенная

одежда что-то говорили о природной безпечности, лѣни, или склонности к меланхолическому безразличію. На всем стояла печать временности, почти кочевья. Что до бесѣды, порой почти смѣхотворной, то она была в естественном сочетаніи с рамками, в которых протекала.

— Почему же мы, однако, стоим? — спросил Савелій. — У нас четыре стула, а нас всего трое. Можно сѣсть.

Асунта подошла к кроваткѣ Христины, ея муж помог гостю снять пальто. Ярко освѣщенная лучами лампочки группа распалась, все становилось по мѣстам, приходило в равновѣсіе. Но Филипп уже отдавал себѣ отчет в том, что между ним и четой Болдыревых протянулись какія-то нити, которыя мѣшали распрощаться и уйти. Он спросил себя, не ждет ли от него Асунта не предложенія работы, а чего-то другого? Например, болѣе прочнаго знакомства, может быть дружбы? И так размыслив, он обнаружил, что таково именно его собственное желаніе и что предложеніе должности в мастерской не болѣе, не менѣе чѣм уловка, хитрость, предлог.

— Вы давно женаты? — спросил он.

— Скоро три года.

— Ранній брак.

— Не совсѣм, — сказала Асунта, — мнѣ не было и двадцати. Но Савелій на восемь лѣт меня старше.

Привыкшій к умственному счету, Филипп тотчас же отмѣтил:

— Ваш муж, значит, родился в 1903 году?

— Совершенно точно, — сказал тот, — я только успѣл увидать Божій свѣт и начал задумываться над законами бытія, как отовсюду стала угрожать смерть. Чтобы не быть убитым или растерзанным, как это случилось с моими родителями, надо было прятаться, бѣжать. И знаете по какой причинѣ их убили? Потому, что отец был жандармским полковником, а мать женой полковника. Первые уроки жизни: ненависть, зависть, месть, жестокость и, больше всего, глупость, глупость и глупость. Отличная школа, судите сами.

Филипп знал в общих чертах о том, как протекала русская революція и считал, что всѣ ужасы, о которых ему пришлось слышать, хотя и прискорбны, но свойственны всякой революціи. Возмущаться ими можно, но удивляться тут нечему. Бѣлых русских, бѣжавших в Европу, по большей части считали за баловней стараго режима, так что нѣкоторая рѣзкость в их отношеніи со стороны сбросившаго иго народа была понятной. И, сверх того, от Вьерзона до Россіи так далеко! Случайная встрѣча с жертвами соціалистическаго произвола побуждала его отнестись к этим заключеніям с бо́льшим вниманіем.

— Во Франціи, — говорил между тѣм Савелій, — все протекло в должном порядкѣ: война, побѣда, мир. У нас порядок был противуестественный: пораженіе, революція, гражданская война, террор. Мира мы так никогда и не заключили.

Филипп хотѣл было возразить: “а Брест-Литовск?” — но Савелій не дал ему времени.

— Я далеко не один утверждаю, что мир умер в Россіи с началом войны 1914-го года. С той поры все у нас протекает срочно, экстренно, напряженно, все продолжает быть мобилизованным.

— Я не думаю, — вставила Асунта, — что это может интересовать м-сье Крозье.

— Напротив, напротив...

Но Асунта настаивала:

— Вы слишком снисходительны. Если надо обо всѣх этих вещах подробно говорить, давайте лучше дождемся подходящаго случая. Я не хочу, чтобы у вас осталось впечатлѣніе, что на вас обрушились с лавиной жалоб. И это тѣм болѣе, что я ни на что не жалуюсь. Наоборот, я очень рада, что мнѣ удалось спастись.

— Я тоже ни на что не жалуюсь, — прибавил Савелій, — я всего на всего разсказываю, как все было.

— А я предпочитаю про это даже не думать. Я хочу, чтобы все было хорошо там, гдѣ я нахожусь, и больше ничего.

— Постараюсь вам помочь, — сказал Филипп.

— Видишь, Савелій? — обратилась Асунта к мужу. — Не говорила ли я тебѣ, что если м-сье Крозье к нам не придет — ничего с мѣста не стронется; и что, наоборот, его приход внесет перемѣны. И к лучшему. Вот он наш гость. Знаете ли вы, м-сье Крозье, что ваш визит это хорошая примѣта? Я вѣрю в примѣты. Но только в хорошія. В плохія — нѣт.

— Счастлив узнать, что я хорошая примѣта. И польщен. Готов допустить, что наша встрѣча принесет прекрасные плоды.

Лед таял. Сначала робко, потом с увѣренностью стали звучать шутки. Савелій отбросил свои ужимки, отмѣнил оригинальничанье, Асунта же оживлялась все больше и больше. Раза два или три она залилась румянцем, голос и смѣх ея звенѣли.

Филипп покинул своих новых знакомых довольно рано, — с облегченіем ли? с удовлетвореніем ли? — он не знал. На улицѣ он на мгновеніе пріостановился и поймал себя на мысли о Мадлэн. Он отстранил ее с легкостью, замѣнив размышленіями о предстоявших на завтра дѣловых встрѣчах и разговорах.

5. — УЛИЦА ВАСКО ДЕ ГАМА

Спустя нѣсколько дней Савелій нашел работу, — скромную, плохо оплаченную, ни в чем не соотвѣтствовавшую его вкусам, — но все-таки работу. Парикмахерская, куда он поступил, находилась на окраинѣ и ѣхать до мѣста службы надо было по метро, с нѣсколькими пересадками. Савелій подметал, вытирал пыль, чистил, мыл, бѣгал в лавки за покупками. А так как хозяин сразу его предупредил, что он должен быть как можно болѣе незамѣтным, то Савелій и старался все дѣлать безшумно и проворно. Посѣтители были по большей части служащіе

и появлялись или до, или послѣ закрытія контор и магазинов. Соотвѣтственно парикмахер открывал рано и закрывал поздно, послѣ чего Савелію надо было провести еще час в дорогѣ.

Навѣстившій Болдыревых двумя недѣлями позже Крозье был доволен. Как раз он имѣл в виду предложить Савелію работу, намѣреваясь даже, спеціально для него, создать какую-нибудь третьестепенную должность. Теперь эта забота отпадала. А с должностью для Асунты тоже можно было, пока Савелій работает, не спѣшить. Когда он высказался в этом смыслѣ, Савелій принял свой парадоксально-поучительный тон.

— Ожиданіе перемѣн к лучшему, — сказал он, — один из главных стимулов населенія земного шара. Оно поощряет предпріимчивость, каковая, в перспективѣ ожиданія перемѣн к худшему, была бы несуразностью.

Крозье поморщился и промолчал.

— Савелій, Савелій, — пробормотала Асунта.

— Не хотите ли с нами откушать? — отнесся Савелій к Крозье. — Ѣда скромная. Но всѣ ингредіенты качества превосходнаго.

Немедленное согласіе Крозье его удивило. Но почти сразу он понял, что цѣль Крозье, задержавшись, задать нѣсколько вопросов, чтоб лучшее себѣ о Болдыревых составить представленіе. Савелій охотно пояснил, что покинул Петербург в 1920 году, еще до того, как кончилась гражданская война. Ему было семнадцать лѣт. До этого времени отец его скрывался. Добыв подложныя бумаги он устроился в окрестностях города в продовольственном складѣ.

— Служащіе там были многочисленны, и неопытны, — говорил Савелій. — Прятаться за вымышленными должностями и подложными бумагами было тогда единственным выходом для цѣлых категорій граждан. Но, конечно, слишком долго тянуться это не могло. В частности, мой отец, опознанный одним из посѣтителей, был арестован и разстрѣлян. Нѣсколькими днями позже та же участь постигла мою мать. Я уцѣлѣл случайно, так как в тѣ дни находился не дома, а у друзей, и был своевременно освѣдомлен. Надо было бѣжать. Ничего другого я себѣ представить не мог. Но был я молод и неопытен, и куда бѣжать не знал. Хорошо, что нашлись люди, которые помогли совѣтом...

Савелій попросил разрѣшенія опустить подробности и не перечислять хитростей, опасностей, предательств и самоотверженій, которыя ему пришлось видѣть. В результатѣ усилій друзей и своих собственных он оказался в Финляндіи, откуда перебрался в Швецію, гдѣ у него была родственница: троюродная сестра матери, давно вышедшая замуж за Стокгольмскаго коммерсанта.

Она взяла его под свое покровительство и, при участіи разных бѣженских комитетов, добыла ему визу во Францію и скромную стипендію. Но двумя годами позже стипендія кончилась. В теченіе нѣкотораго времени стокгольмская родственница высылала в Париж пособія. Но она скоро умерла, а муж ея ни о каком пособіи и не подумал,

— он, вообще, вычеркнул Савелія Болдырева из своей памяти. Так вот и вышло, что послѣ нѣскольких неудачных попыток найти в своих способностях к живописи и рисованію источник заработка, Савелій стал брать какую угодно работу. Тогда-то он и познакомился с Асунтой.

— В Парижѣ? — удивился Крозье.

Савелій подтвердил, что в Парижѣ, пояснив, что Асунта покинула Петербург дѣвочкой. Она родилась в 1910 году. Вся ея семья готовилась потом, во времена Нэпа, эмигрировать, что, однако, не состоялось.

— Должен ли я дать уточненія насчет того, что значит слово НЭП? — спросил Савелій.

Но Филипп Крозье был в курсѣ.

— Насколько мнѣ извѣстно, — сказал он, — НЭП был признаніем провала соціалистических методов и единственным средством избѣжать всеобщей катастрофы. Чего, признаться, я не понимаю, так это терминологіи. Новая экономическая политика? Почему новая, когда это было как раз возвратом к старой?

— Да, конечно. Но прямо к моему разсказу это не относится. Относится к нему то, что в эти годы в Россіи стало нѣсколько свободнѣй, чѣм родители Асунты и хотѣли воспользоваться, чтобы уѣхать. Младшую дочь, здѣсь присутствующую мою супругу Асунту, они отправили с друзьями. Родители же, и двѣ старших сестры Нурія и Марія-Пилар задержались, чтобы распродать уцѣлѣвшія цѣнности: мебель, картины, книги, ковры, столовое серебро, мѣха. Почему-то распродажа очень затянулась. Тѣм временем были введены новыя строгости и формальности. Получить паспорта, несмотря на взятки и связи, родителям и сестрам Асунты не удалось. Они остались в Петербургѣ, а младшая их дочь оказалась в Парижѣ от всѣх родных отрѣзанной. Но свѣт не без добрых людей. Друзья, которые привезли с собой Асунту, не только ее не бросили, но, насколько им позволяли их собственные скромные ресурсы, помогли ей учиться. Позже она стала дактилографкой, что ей совсѣм не пришлось по душѣ. Ее тяготили и долгіе часы присутствія, и среда, совсѣм не похожая на ту, в которой она выросла... Если этих справок мало, я готов их расширить и пополнить. Только...

— Только?

— Только мнѣ пришлось бы для этого вступить с самим собой в нѣкоторое, если можно так сказать, моральное противорѣчіе. Всѣ наши исторіи бѣгств, опасностей, лишеній, страхов, удач и неудач — одинаковы. Онѣ никого больше не интересуют. И всѣ онѣ — частные случаи. К чему же их перебирать? Сверх того я увѣрен в невозможности выразить скрытый в них подлинный ужас. Что до того, что расположено в плоскости "объективной", то журналисты, синдикалисты, партійные лидеры, депутаты, эксперты и прочіе, им подобные, тут как тут и всегда готовы к анкетам, к анализу статистик, к сравненію с прецедентами, к идеологическим выводам. Удаленіе в пространствѣ и во времени придает вѣсу выкладкам, уточняет данныя, способствует от-

сѣву личных побужденій, упраздняет искаженія... Что еще? Ресурсы здраваго смысла? Методическое сомнѣніе?

Порывисто встав, Савелій сдѣлал нѣсколько шагов и воскликнул:

— К чорту всѣ эти ослиныя головы, ничего не понявшія и которыя никогда ничего не поймут!

Наступило коротенькое молчаніе, послѣ чего Савелій, садясь, прибавил:

— Извините, пожалуйста. О! Извините, прошу вас!

— Хотите еще кусок яичницы? — спросила Асунта Филиппа.

Филипп отказался.

— Потом будет только сыр. И кофе.

— Но я не разсказал главнаго, — вставил Савелій.

— Я слушаю.

— Самое главное это моя встрѣча с Асунтой. Она гораздо интереснѣй исторій о разстрѣлах, безработицах и паспортах. Признаюсь, что часто себя спрашиваю: в чем основная сила очарованія, которое меня внезапно охватило? И, не находя точнаго отвѣта, начинаю подозрѣвать, что все дѣло в жарѣ и в фонетикѣ.

— Не понимаю.

— Перечисленіе обстоятельств, разумѣется, совершенно необходимо. Без него никакое сужденіе невозможно. Но вот факты. Мнѣ надо было пойти по дѣлу в 15-ый округ. Стояла жара. Небо казалось раскаленным. Ни малѣйшаго вѣтерка. И в полдень — никакой тѣни: солнце как раз над головой. Асфальт полурасплавлен. Точно в пеклѣ. Я искал нужный мнѣ дом и для этого читал названія улиц, на синеньких дощечках. Одна из улиц называлась Васко де Гама. Почему в демократическом пятнадцатом округѣ Парижа одна из улиц носит имя португальскаго мореплавателя, впервые обогнувшаго Мыс Доброй Надежды? В жаркій этот и душный полдень, в этом кварталѣ ровно ничего не было поэтическаго. И вдруг удивительной звучности имя и самого моряка, и африканскаго мыса. Далекаго, пустыннаго, таинственнаго, страшнаго! Парусные корабли. Невѣдомыя моря, туманы, бури, скалы, волны... Сама поэзія такія имена, такія названія...

— Навѣрное есть точная причина, побудившая городской совѣт выбрать это названіе для этой улицы. Какая нибудь годовщина, связанная с ней церемонія...

— Без сомнѣнія. Но ни поэзіи, ни звучности названія эта причина не умаляет. Слова Мыс Доброй Надежды, которыя приходят на ум послѣ слов Васко де Гама, магическаго своего притяженія не утрачивают. И противорѣчіе между этими именами и невзрачной банальностью улицы остается. Я тогда это противорѣчіе — больше того: противупоставленіе — переживал с болѣзненной остротой. Передо мной шла барышня, с литром краснаго вина в рукѣ. На головѣ ея ни шляпы, ни берета, ни даже платочка. Меня поразила чернота ея волос. Это вот тѣ волосы которые вы, м-сье Крозье, не могли не замѣтить.

— Савелій! Прошу тебя!

— Мадам Болдырева, дѣйствительно, брюнетка.

— Повторяю: солнце того дня было особенно жарким. Мадемуазель Гарьевой — теперешней мадам Болдыревой — сдѣлалось дурно. Она покачнулась, оперлась о стѣну и упала раньше чѣм я успѣл подбѣжать. Бутылка, которую она несла, разбилась и красное вино растеклось по тротуару. Когда я стал пробовать ее поднять или взять на руки, напротив распахнулось окно и до меня донеслись восклицанія: Асунтѣ дурно, Асунта упала в обморок! По-русски! Повторяю: безжалостное солнце, потоки свѣта, синее небо, какой-то неподвижный пожар в пространствѣ! 15-ый парижскій округ. Размякшій тротуар, по которому, как кровь, течет красное вино. Васко де Гама. Мыс Доброй Надежды. Русскія восклицанія. Испанское имя... Я помог пожилому господину, вышедшему из двери, перенести м-ль Гарьеву в квартиру. Ее уложили на диван, натерли ей виски одеколоном. Солнечнаго удара не было, — был просто обморок, вызванный духотой, жарой, общей слабостью. Через нѣсколько дней я зашел чтобы справиться о здоровьи, потом зашел еще и еще, и возникло настоящее знакомство. Мы стали совершать совмѣстныя прогулки, посѣщать музеи, достопримѣчательности, древности. Подружились и поженились. И, прошу вас вѣрить, м-сье Крозье, что считал тогда, и считаю теперь случай на улицѣ Васко де Гама и все то, что из него вытекло, много болѣе интересным чѣм могут быть разсказы сына жандармскаго полковника о хитростях и уловках, понадобившихся для бѣгства из Петербурга, и о самом бѣгствѣ, хотя б и пришлось ему на все это пуститься по причинѣ очень серьезной, именно для того, чтобы избѣжать насильственной смерти.

— Да-а, — протянул Филипп Крозье, и прибавил: — все это гораздо романтичнѣй, чѣм если бы вас представили теперешней вашей супругѣ на каком нибудь вечерѣ или в театрѣ.

Говоря так, он думал о встрѣчѣ с Асунтой на берегу Сены. О "встрѣчѣ" с Мадлэн он думать не мог, ея никогда не было, они знали друг друга с дѣтских лѣт. А брак? Рѣшившій этот брак расчет был лишен и намека на поэзію, а сам он был отрицаніем всякой поэзіи. Медаль у которой двѣ обратных стороны... Все было противуположным тому, что связало Савелія и Асунту на улицѣ Васко де Гама.

— Хотите сыру? — спросила она.

— С удовольствіем.

— Всякій раз как я говорю о том, как состоялось наше знакомство, моя жена недовольна, — сказал Савелій. — Она сердится и пробует перемѣнить разговор. Можно подумать, что ей стыдно. Между тѣм, чего ж тут стыднаго? Казалось бы, наоборот? Такія обстоятельства украшают жизнь.

— Может быть для тебя это так, — воскликнула она, порывисто, с гнѣвом, — но мнѣ-то все казалось другим. Я ни о Васко де Гама, ни о Мысѣ Доброй Надежды, ни о том, что вино на тротуарѣ похоже на кровь, и не думала. У меня кружилась голова, меня тошнило. Отвратительно все было. Потом все потемнѣло и когда я очнулась на диванѣ

меня еще больше тошнило. Кофточка и лифчик были разстегнуты, юбка поднялась выше колѣн. Для тебя этот день полон поэзіи. Для меня нѣт. О! совсѣм нѣт!

По мѣрѣ того, как она говорила, ея раздраженіе росло. При этом она явно не дѣлала никакого усилія, чтобы с собой совладать. Порывисто встав она принялась собирать со стола, вышла в кухонку, хлопнув при этом дверью, почти тотчас же вернулась, приблизилась к кроваткѣ Христины, поправила подушечку, одѣяло. На глазах ея блестѣли слезы.

— Асунта, — сказал Савелій ласково и мягко, — не надо разстраиваться. Вѣдь все это пустяки.

— Оставь меня в покоѣ, — почти крикнула она.

"Как ни глупо и как ни тягостно мое положеніе, — думал между тѣм Филипп Крозье, — положеніе Савелія Болдырева еще глупѣй и еще тягостнѣй".

Но совсѣм искренним с собой он не был, так как испытывал и род удовлетворенія: выходка Асунты была очевидным результатом его присутствія! Сверх того ея гнѣв, ея рѣзкія движенія были полны непосредственности. Как раз это было обратно грустным вздохам Мадлэн. Филипп попросил разрѣшенія удалиться. Сердито сверкнув в его сторону глазами, Асунта вышла в коридор.

— Мадам Болдырева нас покидает? — удивился Крозье.

Савелій пояснил, что она навѣрно пошла к сосѣдкѣ, которую считает своей подругой.

— Сожалѣю, — прибавил он, — что семейная сцена нарушила наше благорасположеніе. Надѣюсь, что это не отразится на наших отношеніях.

— Конечно нѣт. Как бы это могло на них отразиться? Это вѣдь все нервы, не больше. Благоволите передать вашей супругѣ мой почтительный привѣт.

На лѣстницѣ он помышлял о нѣкоем равновѣсіи и о нѣкоторой симметріи: не условна ли его жена, в то время как муж Асунты причудник и фантазер? До присвоенія себѣ права сдѣлать вывод оставался небольшой шаг. Припомнил он и то, как установил, в свое время, соотношеніе между ранним вдовством отца и своим согласіем на брак по расчету. Потом, с досадой, он подумал, что романтизм Болдырева на него уже повліял, расположив к ненужным мыслям. Подробности же семейной сцены, к которым он вернулся, заставили его улыбнуться.

Асунта, между тѣм, вернувшись от пріятельницы, не обратила никакого вниманія на попытки мужа возстановить мир, не кончила даже убирать со стола и легла, отвернувшись к стѣнкѣ.

6. — МОЛЧАНІЕ

Савелій лег с ней рядом и, утомленный суетливым днем в парикмахерской и вечерними впечатлѣніями, забылся сразу. Как то часто

с ним бывало, — он проснулся в серединѣ ночи. Ему хотѣлось чтобы в комнату, невидимо и неслышно, проник кто-то благожелательный, готовый помочь подобрать слова для какой-то неясной мысли. "Надо, — сказал он себѣ, — найти точку опоры. Или отправную точку. Но опоры для чего? какую отправную точку? Только бы не почувствовать себя потерянным. И какія другія слова, кромѣ слов молитв, могли бы мнѣ быть в подмогу?".

Молитв он знал мало, только тѣ, которым мать его научила в дѣтствѣ. Он прислушивался к дыханію Асунты и сердце его сжималось от жалости и от желанія хоть чѣм-нибудь, хоть как нибудь ей помочь. Он допустил, что если все понять, то измѣна может стать источником не муки, а еще большей нѣжности: "Если ей хорошо с другим, то хорошо и мнѣ, так как ея счастье мнѣ всего дороже". В теченіе нѣскольких минут он испытывал спокойствіе и ему показалось, что он достиг полной с самим собой откровенности.

— Исповѣдь себѣ, самоисповѣдь, не то же ли самое, чѣм может быть исповѣдь священнику перед смертной казнью, когда всякое умалчиваніе очевидно безцѣльно? — думал он.

Но все это было только вереницей образов, мало один с другим связанных, и Савелій вернулся к реальности. — "Обычныя, даже обязательныя правила, тѣ, которыя ограждают право на исключительное обладаніе, вытекают из учета ревности. Но она упраздняет способность размышлять! Она чувство животное и позорное. Ссылаться на нее, как на непреодолимую силу, — лицемѣріе", — думал он. Несмотря на такіе выводы представить себѣ Асунту в объятіях Филиппа ему было почти непереносимо.

"Нѣт любви большей, чѣм отдать свою жизнь за других, — припоминал он, как мог, тексты Писанія. И, сомнѣваясь, добавлял: "Доказать любовь смертью значит не довѣрять любви. Послѣ смерти вѣдь ея больше не будет".

Но настоящій — исчерпывающій — отвѣт все ускользал и ускользал. Не находил Савелій настоящаго слова!

Асунта слегка застонала. Это причинило ему острую боль. Почему-то он поставил этот стон в связь с ея признаніем, что встрѣча на улицѣ Васко де Гама оставила в ней воспоминаніе о тошнотѣ, — признаніем сдѣланным в присутствіи Филиппа, почти самому Филиппу, а не ему, Савелію.

"Болѣзнь и печаль", — припомнил он другія слова и подумал, что вперед соглашаясь на невѣрность Асунты он устраняет всякую надобность во лжи и — в будущем — угрызеній, если бы угрызенія возникли.

Тихонько, осторожненько он вылѣз из-под одѣяла, пробрался, на ощупь, к письменному столу, зажег электричество и достал из ящика толстую тетрадь, свой дневник. Он открывал его очень рѣдко, и было там заполнено всего двадцать или тридцать страниц. Савелій проставил дату и стал искать слов, чтобы придать облик тому незримому и благо-

желательному присутствію, котораго он тщетно ждал нѣсколькими минутами раньше. Как бы свидѣтельство было ему нужно, или свидѣтель, который позже подтвердил бы: "Да, я видѣл. Все сущая правда".

Но не приходило освобождающее слово. Тогда Савелій написал: "молчаніе". Он сунул тетрадь в ящик, потушил свѣт и снова тихонько-тихонько направился к спальнѣ. Но как ни был осторожен, все-таки зацѣпился за ручку двери.

— Что такое? Кто там? — проговорила полупроснувшаяся Асунта.

— Я ходил на кухню выпить воды, — солгал Савелій.

— Ты разбудил Христину?

— Нѣт. Она спит и навѣрно видит сны. Как узнать, какіе?

— Нельзя узнать.

— Да, да, конечно невозможно, так же, или почти так же невозможно, как узнать, что думают другіе. Хорошенько вѣдь не знаешь и того, что думаешь сам. Так что дѣтскіе сны? Да и не она видит сны, а ея душа.

— Я хочу спать.

7. — ТРУД

На другой день, рано встав, Савелій сбѣгал за молоком и хлѣбом и сварил кофе.

Асунта продолжала лежать и ему это было непріятно, так как обычно утренній завтрак она готовила сама.

"Допущу, — подумал он с грустной ироніей, — что у нея возникло нѣкоторое право на нѣкоторую свободу". — И ушел.

Погода была свѣжей и свѣтлой и дойти до метро могло быть живительным упражненіем. Но Савелій не воспользовался случаем и не вдохнул полной грудью. Зато спертый воздух в подземных коридорах и толпа его раздражили. С отвращеніем подумал он о предстоявшем вытаскиваніи на тротуар мусорных ящиков, о подметаніи, вытираніи пыли, о всей той домашней работѣ, которую он считал если не за унизительную, то за досадную. Его настроеніе немного улучшилось когда появились первые посѣтители, так как начиная с этого времени он должен был находиться в задней комнатѣ, ожидая вызова. Но чтобы он не оставался незанятым жена хозяина поручила ему разныя постирушки, починочки и уборочки.

— Все это скучно, — говорил он себѣ, — но, по крайней мѣрѣ, тут нѣт зеркал в которыя, хочешь не хочешь, все время видишь свою рожу. Он приписывал постигавшія его неудачи отчасти своему слегка калмыцкому виду, полагая, что при таких чертах лица, частыя увольненія неизбѣжны, и никакая карьера, пусть даже самая скромная, не возможна; что его внѣшность внушает в естественном порядкѣ недовѣріе, и что из-за всего этого он, будучи обойденным природой, оказы-

вался вынужденным, для достиженія поставленной себѣ цѣли, дѣлать втрое больше усилій чѣм другіе.

"В практической жизни, — говорил он себѣ, — всѣ эти недостатки кажутся людям признаками глупости, ея, так сказать, составными частями. Конечно, это огульно, я вѣдь не совсѣм дурак. Но что подѣлать?"

И он мыл стаканы, кружки, тазики, бритвенныя кисточки, подметал волосы, гладил салфетки, бѣгал в лавки... Часы тянулись. Но то, что его ожидало дома, что теперь становилось готовым развалиться семейным очагом, казалось ему не лучшим, если не худшим.

8. — ПАЛОМНИЧЕСТВО

Послѣ его ухода Асунта провалялась в постели еще довольно долго и великолѣпен был безпорядок едва ее прикрывавших простынь и разметавшихся по подушкѣ черных локонов. Встав, она, прежде всего, подошла к зеркалу. Ночныя тѣни, застывшія в глубинѣ зрачков, разсѣялись тотчас же, и на Асунту глянули два требовательных, почти жадных глаза. Она, с удовлетвореніем, ощутила свое преизбыточествующее женское естество. Мысленное сравненіе тусклаго существованія, которое она вела до сих пор, с тѣм иным, полным всяких удовлетвореній, которое, как ей казалось, готовилось принять ее в свои объятья, нисколько ее не пугало. Наоборот: такая возможность не была ли она доказательством насильственнаго нарушенія ея природных прав? "Васко де Гама", — прошептала она, презрительно. Всяческія разрѣшенія поступали отовсюду и никаких возраженій против такого сообщничества никто не высказывал.

Между тѣм проснулась Христина, и Асунтѣ пришлось вернуться к мелочам повседневности. Дочери она удѣлила в это утро минимум времени и вниманія, но своим туалетом занялась с большой тщательностью! Платьев было всего два, так что выбор ее не затруднил. Но надо было хорошенько выгладить, кое-что измѣнить, подшить, поправить. Прическа, пудра, губная помада, раскраска ногтей, подрисовка бровей — все это заняло время. Асунта выпила чашечку чернаго кофе и съѣла сухарик. Обычно прекраснаго утренняго аппетита на этот раз не было.

— На набережной, — сказала она себѣ, — навѣрно очень красиво. Там много деревьев. Там чистый воздух. Христинѣ все это полезно, Христина слишком много времени проводит взаперти.

Блѣдное ноябрьское солнце на солнце улицы Васко де Гама не походило совсѣм. Оно ласково гладило умиравшіе на вѣтвях разноцвѣтные листья, осенніе газоны, слегка золотило камни, гравій, асфальт и серебрило кое-гдѣ подымавшіеся к небу дымы. Согласіе между при-

родой и доведенным до предѣлов совершенства городским пейзажем было и успокоительно, и многообѣщающе. Асунта полюбовалась тихо бѣжавшей под арками Моста Инвалидов водой, послѣдила глазами за автомобилями, в утренніе часы немногочисленными, оглянула нѣсколько прохожих; время от времени она останавливалась, чтобы поправить одѣяльце Христины и, не спѣша, шла дальше. Ей было почти весело, почти радостно и от ясной тишины утра, и от бодрящаго воздуха, и от нѣжности голубого неба. И пришлось ей признаться самой себѣ, что она направляется к той самой скамьѣ, гдѣ с ней заговорил Филипп, и что ей непремѣнно хочется еще раз на этой скамьѣ посидѣть. Конечно, ни о какой вторичной встрѣчѣ она не помышляла. Но ей казалось, что повтореніе приблизит сроки. Она взяла Христину на руки и сѣла как раз так, как сидѣла в то памятное утро, без труда отбросив нѣкоторый возникшій было упрек себѣ в излишнем романтизмѣ.

"Он мнѣ понравился сразу, с перваго взгляда, с первых слов, — думала Асунта, — и теперь мнѣ кажется, что я тогда его тут ждала, что я не совсѣм случайно была на этой скамьѣ". И, перебирая воспоминанія, сравнивала встрѣчу на набережной с встрѣчей на улицѣ Васко де Гама. "Какая разница, — говорила она себѣ. — Одна на расплавленном жарой тротуарѣ. Другая тут, гдѣ так красиво, гдѣ такой чудесный воздух. На Васко де Гама произошло недоразумѣніе. Не больше! Или нѣт, больше: глупое недоразумѣніе. За глупым недоразумѣніем послѣдовало глупое же увлеченіе... Вот и все..."

Теперь она хотѣла найти свое настоящее мѣсто под солнцем, то, гдѣ за ней оставались всѣ права, которыя дает женская красота в великолѣпном этом городѣ, но гдѣ ей, с самаго начала, пришлось вступить в вереницу рабочих или безработных дней, гдѣ дома ее ждала усталость, гдѣ доступныя развлеченія были жалки, или пошлы, гдѣ почти все было для других.

И думала о Филиппѣ. Какой он, кто он? Какими могут быть его будни? О чем он может мечтать? Она замѣтила, что он носит обручальное кольцо, — значит, он женат. Все позволяло предположить, что он богат: и его одежда, и размѣры сборочной мастерской, гдѣ она его видѣла в роли директора, а может быть и владѣльцем. Но этим все ограничивалось, дальше была неизвѣстность, кромѣ, развѣ, того, что Филипп Крозье показался ей сразу увѣренным в вѣскости и точности своих рѣшеній, — чего так недоставало Савелію, всегда во всем сомнѣвавшемуся, всегда колебавшемуся.

Как бы там ни было, Крозье на нее обратил вниманіе и рѣшил к ней пріѣхать.

— Конечно, — иронически улыбнулась она, — все дѣло в том, что он захотѣл помочь бѣдной русской бѣженкѣ.

И совсѣм ей не было непріятно припомнить что тут, на этой вот самой скамьѣ, она призналась ему, котораго впервые видѣла, в домашних трудностях и в том, что ея муж фантазер и причудник.

9. — ПЛОХОЕ НАСТРОЕНІЕ

Савелій вернулся поздно и пока он закусывал наскоро зажаренным кусочком мяса с вареным картофелем она, глядя на него, чувствовала, что рѣшительно все в нем ее раздражает. Так как в этих случаях каждое его слово бывало истолковано как оскорбительный намек, или как глупость, он предпочитал молчать.

В глубинѣ души он хотѣл разбить лед, но рѣшительно не знал, как за это взяться. Твердыни женской логики несокрушимы. К тому же за ними кроется не размышленіе, а что-то лишь слегка на него похожее.

"Никакой бреши я все равно не пробью, — думал он. — О! Если б я был поэтом! Поискал бы рифм и ритмов, в которые мое состояніе вошло бы естественной поступью. Мрачное, конечно, получилось бы стихотвореніе, но и мрачные стихи могут быть хорошими".

— Можно подумать, что от работы и парикмахерской у тебя отнялся язык, — сказала Асунта.

— Я очень устал, — пробормотал он, — это сейчас пройдет.

— И тогда ты возобновишь разглагольствованія?

— Разглагольствованія?

— Ну, конечно. Только я могу их выслушивать. Не хозяин же твой, и не хозяйка, и не тѣ, которых там бреют и стригут.

— А вот представь себѣ, что сегодня я там слушал "разглагольствованія". И даже очень занимательныя. Только если тебѣ неинтересно, то что ж разсказывать.

— Как я могу сказать интересно или нѣт, не зная, в чем дѣло?

— Ты права. Я неудачно выразился. Мнѣ надо было сказать: я узнал сегодня от одного из посѣтителей парикмахерской о существованіи во Франціи окруженной скалами котловины и о необыкновенной ея фаунѣ. Его разсказ приковал к себѣ мое вниманіе. Если эта тема может тебѣ показаться интересной, то я все, охотно, изложу.

— Не хватало того, что ты сам фантазер. Теперь надо, чтобы ты говорил с каким-то господином насчет странных котловин. Покорно благодарю.

— Но я не настаиваю! Я только потому внес уточненіе, что ты меня упрекнула в недостаточной ясности. Но сама по себѣ тема долины развлекательна.

— Ну хоть бы ты, по крайней мѣрѣ, разозлился! Ты не знаешь как может раздражать это твое спокойствіе. И голос этот ровный.

На глазах ея дрожали слезы.

— Как мнѣ сердиться, если к тому нѣт никаких причин? — замѣтил он, примирительно.

Она стала подметать, убирать и когда он предложил ей свою помощь, она рѣзко отказалась:

— Оставь меня.

— Ты ляжешь?

— Да. Нѣт. Не знаю.

Пройдя затѣм в спаленку она открыла постель, но не легла, а, тотчас вернувшись в комнату, надѣла пальто и берет.

— Мнѣ надо выйти, — бросила она таким тоном, что не только возраженіе, но даже простой вопрос о цѣли этой неожиданной отлучки был немыслим.

10. — КОТЛОВИНА

Когда дверь за ней закрылась, Савелій вынул из ящика стола свою тетрадь и записал: "Станут ли мнѣ эти страницы друзьями? Убѣжищем?" Прочтя написанное ночью "молчаніе" он задумался, хотѣл было отложить тетрадь, но заставил себя продолжать: "Друзья? Убѣжище? Или только подспорье для памяти? Чего мнѣ, в сущности, надо? Развѣ мнѣ уже давно не ясно, что вести дневник занятіе двусмысленное, что вести его для себя одного невозможно, что в нем непремѣнно живет ожиданіе читателя? И что, кромѣ того, даже наединѣ с самим собой, попросту до конца высказать мысль нельзя, что непремѣнно получится какая-то хитрость. Ограничиваться перечнем того, что было за день? И потом, перечитывая, извлекать из этого — что? Поддержку? Удовлетвореніе любопытства? Не напрасно ли все это? Да, да, конечно напрасно, праздно".

— Куда она могла уйти? — спросил он себя. — И когда она вернется?

Он стал шагать по комнатѣ, постоял перед кроваткой Христины, собрался было лечь, но не лег, а сѣл к столу и застыл в неподвижности, в молчаніи, ожидая, надѣясь, прислушиваясь: не раздадутся ли шаги в коридорѣ? Сам того не замѣтив он задремал, потом заснул. И вдруг комната наполнилась шумом: заскрипѣл ключ в замкѣ, дверь стремительно открылась, точно ее распахнуло порывом вѣтра, бумаги на столѣ всколыхнулись и легкій абажур слегка задрожал. Асунта, не сняв даже пальто, сѣла рядом с ним. Ему показалось, что он ее спросил: "Гдѣ ты была, что дѣлала?" но тотчас же он понял, что было молчаніе, что не произнес ни слова, что вопрос этот ему приснился в то мгновеніе, как сон его покинул. Асунта его обняла, к нему прижалась, стала плакать, просить не осуждать, сказала, что обо всем знает, во всем себѣ отдает отчет, все понимает, что постарается с собой совладать, что у нея точно раскаленный камень в груди, что ее попутал нечистый... Слезы уступили мѣсто рыданіям. Тихонько взяв за плечи он ее провел в спаленку, раздѣл, уложил в постель, хорошенько укрыл...

— Ложись тоже, — прошептала она, — тебѣ завтра рано вставать.

Когда он лег и почувствовал ея тепло, его охватили и нѣжность, и состраданіе. Сочтя себя во всем виноватым, вѣрнѣй, сказав себѣ, что причины неурядицы и отсутствія счастья кроются в его внѣшности, в

его характерѣ, в складѣ его мыслей, — он готов был просить ее его прогнать. Он прошептал, что в парикмахерской его коснулась поэзія, которой никак там нельзя было ждать, и что он хочет с ней ею подѣлиться, чтобы ей стало легче и проще.

— Поэзія? — спросила она почти засыпая. — Какая поэзія?

— Поэзія в реальной жизни. Настоящая, не выдуманная. Старичок посѣтитель мнѣ разсказал про странную котловину и про пестрых бабочек, которыя там живут.

— Пестрых бабочек? Скажи: каких бабочек?

— Не знаю. Но очень хочу знать. По крайней мѣрѣ хочу повѣрить.

— Повѣрить?

— Да, повѣрить старичку. Он хорошо знает моего хозяина; он всегда ждет очереди в задней комнатѣ, так как там не пахнет одеколоном и пудрой.

— Он маленькій, этот старичок?

— Да, он небольшого роста и ему, навѣрно, уже далеко за восемьдесят. У него странная походка, он слегка кособокій. Я его видѣл сегодня во второй раз. В первый раз он молчал. А сегодня вот разсказал про котловину и про бабочек. Сам он никогда в ней не был и бабочек не видѣл. Но его знакомые утверждают, что онѣ существуют. Он пользовался, говоря о бабочках, научными терминами и пытался их классифицировать.

— Классифицировать? Не говори таких слов, они не подходят. Я так и вижу твоего старичка, с его котловиной и бабочками. Мнѣ непріятно слышать: классифицировал, научные термины...

— Ты права. Подобных слов лучше избѣгать. Но он сам их употребил. А вообще он говорит очень просто. Он так про все это разсказывал, как разсказывают о ночной рыбной ловлѣ, сачками ли, острогой ли, с деревенскими парнями, или с браконьерами; или как объясняют хитрости птицеловов, или как говорят о чутьѣ садовников или о старых пастухах, которые знают звѣзды. Он увѣрял, что не все еще во Франціи вымѣрено и записано, зарисовано, вычислено, не со всего еще сняты планы. Только кажется, что это так. А на самом дѣлѣ есть еще много таинственнаго, живут суевѣрія. Есть мѣста, гдѣ жители хранят древнія вѣрованія, соблюдают древніе обряды, иной раз языческіе. И все это передается устно, из поколѣнія в поколѣніе, и всѣ правила соблюдаются строже самых важных законов.

— А гдѣ живет этот старичок?

— В Парижѣ. Теперь он хочет отыскать котловину бабочек. Но он слишком стар чтобы искать одному. Хозяин ему сказал, что я русскій. А он слышал, что у русских всегда было много повѣрій, что у них есть секты, что они вѣрят в домовых, в сирина, в лѣших, в водяных, в русалок. Он ошибается, он, во всяком случаѣ, очень преувеличивает, но что ж из этого? Так вот он мнѣ предложил поѣхать с ним.

— Куда с ним поѣхать?

— Искать котловину с бабочками. Он увѣряет, что у него собраны

всѣ указанія, всѣ данныя. Надо ѣхать по нацоінальной дорогѣ номер семь до семьсот третьяго километра.

— Километра? Опять нехорошее слово.

— Правда. Но как сказать по другому? Версты? Это не то же самое.

— Все-таки скажи версты. Лучше, даже если не совсѣм точно.

— Там надо свернуть налѣво и дальше ѣхать по мѣстной дорогѣ номер 118 до лѣсной деревни, гдѣ всѣ знают: по какой тропинкѣ итти, гдѣ свернуть с тропинки и продолжать цѣлиной. Что трудно, так это добиться от жителей гдѣ начинается тропинка. Они скрытны и недовѣрчивы. С посторонними про котловину не говорят. Да и между собой говорят мало. Только тогда говорят, когда готовится свадьба.

— Свадьба?

— Да. Свадьба. Потому, что жениху и невѣстѣ положено сходить в котловину и там поймать, подержать в руках и выпустить, сколько удастся, до полудня, пестрых бабочек. Сколько поймают, столько у них будет дѣтей, которых там надо как можно больше, из-за постояннаго недохвата семейных рабочих рук. Считается, что когда ловят бабочек, то это как души будущих дѣтей ловят.

— Странно, как тебѣ все это твой старичок разсказал, — проговорила Асунта, почти засыпая. — Откуда он про это может знать? Если жители деревни не говорят с посторонними.

Савелій тоже почти спал. Одна сторона его сознанія уже покидала дѣйствительность и проникала в свободныя от принужденій области воображенія. Все же он продолжал бормотать, больше, впрочем, отзываясь на подступавшіе к нему сны, чѣм отвѣчая Асунтѣ. Ему казалось, что он бредет по узкой тропинкѣ вдоль горнаго хребта, по одну сторону котораго кипит жизнь, какою он ее знает, а по другую иная, им, на свой вкус, разукрашенная.

— Старичок все узнал от лѣсника, — бормотал Савелій, — с которым они вмѣстѣ жили возлѣ котловины. Но это было шестьдесят лѣт тому назад. Теперь лѣсник помер. Ему было больше ста лѣт. Об этом написали в газетах, что болѣе чѣм столѣтній старец помер. Он провожал невѣст и женихов до котловины, до бабочек. Мой старичок думает там поселиться чтобы продолжать. И хочет сам посмотрѣть, как молодые люди ловят пестрых бабочек.

Но Асунта уже не слышала. Она дышала ровно и спокойно. Да и Савелій все скорѣй и скорѣй скользил по откосам горы туда, гдѣ все ярко, гдѣ всему иная мѣра, гдѣ все течет не само по себѣ, а в соотвѣтствіи с его желаніями...

11. — КРУШЕНІЕ

Фантазеру может притти в голову, что выстроенные вдоль платформ вагоны чутко ждут приказанія тронуться и что тотчас же послѣ отбытія поѣзда рельсы заботливо примут новый состав; что вообще за

механической желѣзнодорожной жизнью скрыты біенія сердца и запросы разума. Мало ли что может почудиться фантазеру и мечтателю?

Но фантазерство и мечтательность были чужды Филиппу Крозье и, направляясь к своему вагону, он ни о чем подобном не помышлял. В купе он прежде всего развернул газету, пробѣжал заголовки, просмотрѣл биржевую сводку. Когда поѣзд пошел, он взглянул на стрѣлку часов, испытал удовлетвореніе оттого что движеніе началось в как раз назначенную минуту, вынул из портфеля папки и приступил к чтенію захваченных в конторѣ писем. Но полностью погрузиться в это занятіе не успѣл, так как дверь раздвинулась чтобы пропустить запыхавшагося человѣка в разстегнутом пальто, со сдвинутой на затылок шляпой, со слегка сбившимся на бок галстуком.

— В послѣднюю секунду, — промолвил он, ни к кому не обращаясь, — да еще пришлось бѣжать, как студенту.

— А-а, — отозвался Крозье, равнодушно.

— Вот именно. Поѣзд уже шел и я вскочил на ходу. И пришлось итти по коридорам, чтобы добраться до перваго класса... Ба! Да это ты, Крозье! Какая пріятная встрѣча!

Крозье оторвался от своих бумаг и узнал во вновь вошедшем товарища по техническому училищу, Марселя Ламблэ, котораго не видал уже нѣсколько лѣт и о котором слышал, что он служит на гидро-электрических станціях гдѣ-то в колоніях. Никакой особенной близости между Крозье и Ламблэ никогда не было. Но студенческіе годы в извѣстном смыслѣ связывают и располагают к разговорам. Крозье поинтересовался условіями работы инженеров в заокеанских странах, разспросил о рынкѣ, о капиталовложеніях, о строительных перспективах, о жизни под тропиками: переносим ли климат, привозят ли инженеры и администраторы с собой семьи, каковы отношенія с туземцами, с властями, с администраціей предпріятій, чѣм заполнены досуги? Ламблэ отвѣчал умѣло и точно: ничего особо красочнаго в колоніальной жизни нѣт. Конечно, тамошнее общество от столичнаго и провинціальнаго отличается, но разница не огромна. Довольно скоро все становится привычным. Со своей стороны Крозье разсказал, что занят на фабрикѣ во Вьерзонѣ, что часто бывает в Парижѣ, гдѣ открыл сборочную мастерскую. Так говоря, он почувствовал в глубинѣ души что-то похожее не то на горечь, не то на зависть. Хоть и банальной была, по словам Ламблэ, колоніальная жизнь, она все-таки могла быть не так монотонна, как та — сплошь заполненная техническими и коммерческими заботами — которую он вел в Вьерзонѣ и в Парижѣ. Коснулись они и обстоятельств семейных. Ламблэ — сам Вьерзонец, хорошо знавшій и семью Крозье, и семью Дюфло, — освѣдомился о Мадлэн.

— Благодарю, — отвѣтил Крозье, — жена здорова.

В нѣдрах его сознанія шевельнулось в это мгновеніе что-то похожее на подозрѣніе: не утвердилось ли, в сущности говоря, в его семейной жизни нѣкое затемнѣніе? Но подозрѣніе это так же быстро улетучилось, как возникло.

— А ты, — спросил он у Ламблэ, — женат?

С нѣкоторым усиліем — или это только так показалось Филиппу Крозье? — Марсель Ламблэ повѣдал, что увез с собой молодую жену и что она, вскорѣ по прибытіи к мѣсту службы, заболѣла и умерла.

— О, — произнес Крозье, — какое тягостное испытаніе. Далеко от семьи, в чужой землѣ.

Ламблэ промолчал. И нѣсколькими минутами позже, как бы рѣшившись и почти со злобой, проговорил:

— Мое горе было таким, что у меня осталось только одно средство борьбы с ним: отрицаніе. Думая о нем, я шел к самоубійству. Мнѣ пришлось, чтобы уцѣлѣть, вписать смерть жены в графу обычных обстоятельств. Это было трудно, но горевать было еще труднѣй. Так вот я с собой совладал.

— Воля, — прошептал Крозье.

— Не знаю. Может быть не воля а нѣкій удар, который кто-то мнѣ нанес. Как, знаешь, бывают удары по головѣ, от которых вдруг все сразу видишь и все понимаешь? Я думал тогда, не возвратиться ли мнѣ во Францію, чтобы начать новую жизнь. Но нѣт! Сравнивая нашу провинціальную жизнь с тамошней, я говорил себѣ и повторял: нѣт, нѣт и нѣт. Мысль о прозябаніи в старых домах, о семейных связях и обязательствах, о сплетнях, обидах, зависти была устрашающей. И надо было бы искать другую работу, приноровиться к другой зависимости, начать заново пробивать себѣ путь. Естественнѣе, легче, проще было остаться на мѣстѣ. Вскорѣ послѣ вдовства я побывал во Франціи и уѣхал назад даже не дождавшись конца отпуска.

Теперь Ламблэ говорил спокойно и размѣренно, точно читал офиціальное какое-то сообщеніе, и интонаціи его голоса отлично совпадали с ритмическими шумами колес. За окном, пригороды смѣнили поля, луга, перелѣски, рѣчки. Капли начавшагося дождя попадали на стекло.

— Погода, кажется, портится, — замѣтил Крозье.

— У нас, — отозвался Ламблэ, — пасмурные дни большая рѣдкость. У нас все протекает под солнцем, про которое можно сказать, что оно безжалостно. Не смѣйся, не смѣйся, это не просто романтическое восклицаніе. Солнце там освѣщает одинаково ярко и веселое, и грустное. Никаких оттѣнков и никаких полутѣней. Так вот точно на блюдѣ все и лежит...

Крозье вернулся к мыслям о царившем у него дома моральном полумракѣ. Не только у него дома не свѣтило исключающее полутона солнце, но не было и противуположнаго, то-есть густой темноты. "Пожалуй, — сказал он себѣ, — ночь и та была бы лучше двадцатичетырехчасовых сумерок, с которыми мнѣ приходится мириться".

— Потом, — продолжал Ламблэ, — молодость напомнила о своих правах. Тоже сразу, без постепеннаго перехода, без подготовки.

— А-а, — протянул Крозье.

Теперь он думал о том, как Савелій Болдырев разсказывал про небо и солнце улицы Васко де Гама, в пятнадцатом Парижском округѣ,

и о встрѣчѣ с Асунтой на берегу Сены. Мысли эти были ему скорѣй пріятны и он спросил себя, не было ли в знакомствѣ с Болдыревыми напоминанія о правах молодости, тѣх самых, которыми он пренебрег вступая в брак по расчету?

Без всякой постепенности пространство вдруг наполнилось грохотом, скрежетом, звонами. Все окружающее подчинилось отовсюду врывавшимся, нелѣпым силам. Подпрыгиванія, толчки, вздрагиванія пошли сплошной чередой. Вагон наклонялся, выпрямлялся, снова наклонялся, то порываясь вперед, то пріостанавливаясь. Потом он подскочил, задрожал, застонал, стал падать. Крозье хватался за все, что мог, и видѣл, как то же самое дѣлал Ламблэ. Крозье швырнуло на пол. Его правую ступню что-то стиснуло и ему показалось, что он слышит хруст своих костей. Он напряг волю, чтобы не застонать от неимовѣрной боли и, точно в отвѣт на его усиліе, все пришло в неподвижность.

Грохот и скрежет уступили мѣсто тишинѣ, из которой доносились крики, жалобы, мольбы о помощи, хрипы, ругательства. Крозье подумал, что опасность миновала и попробовал высвободить ногу. Но неподвижность оказалась недолгой. Находившійся в шатком равновѣсіи вагон вдруг шевельнулся, стал наклоняться со все большей скоростью. Мелькнули и скрылись за скользнувшей в сторону перегородкой испуганные глаза Ламблэ. От боли, страха, нелѣпой неожиданности, от почти мгновеннаго перехода из состоянія полнаго самообладанія в состояніе столь же полной безпомощности Крозье почувствовал не то, что отчаяніе, а готовность подчиниться напиравшему хаосу, отречься от привычной власти разсудка. В это мгновеніе, не выдержавшая прогиба стальная стойка лопнула и ударила его по темени. Наступила тьма.

Когда Крозье очнулся, то боль и в головѣ и в ногѣ была так нестерпима, что непоправимая неподвижность смерти показалась ему почти желанной. Но все же он выкарабкался к краю сознанія и понял, что лежит на санитарных носилках. Шел дождь. Кто-то, наклонившись к нему, назвал его по имени.

Он узнал Ламблэ, но тошнота помѣшала ему отозваться. Так все горѣло в головѣ, так раздирало ступню, так его мутило, что он тихонько застонал. Чьи-то осторожные пальцы щупали его пульс, чья-то нѣжная рука поправляла повязку на лбу и на темени. Мір начинал, как будто, принимать знакомыя черты, но был еще и далеким, и враждебным. Точно из тумана донеслось:

— Лежи спокойно, тебя сейчас повезут в госпиталь, санитарные автомобили прибыли. По счастью я не ранен, три или четыре синяка, так что могу тебѣ помочь.

Носилки качнулись и Крозье потянуло на рвоту. По сосѣдству кто-то громко застонал.

— Я отправлю телеграмму Мадлэн, — услыхал он голос Ламблэ и понял, что тот стоит у дверцы автомобиля. Он вспомнил о домашнем моральном затемнѣніи, о безпощадном колоніальном солнцѣ, о солнцѣ

улицы Васко де Гама, которое он точно сам когда-то видѣл, и спросил себя, не по ошибкѣ ли, не по недоразумѣнію ли в тот день там оказался не он, а другой и не по ошибкѣ ли, не по недоразумѣнію ли эти лучи опалили не его, а того, другого? Он напряг силы, — и внятно произнес:

— Сообщи Асунтѣ Болдыревой.

И назвал улицу и номер дома.

Нѣсколько удивившійся Ламблэ хотѣл спросить, кто это, но не спросил. Плохо разслышав фамилію, да еще иностранную, он, записывая, ее исказил. Дверцу задвинули, автомобиль тронулся. Боль охватила Крозье со всѣх сторон, как колыбель охватывает младенца. Он весь был в боли. Но дух его, освѣщенный ожиданіем встрѣчи, которую он уже полагал за спасительную, прояснялся.

12. — ИСПОЛНЕННОЕ ПОРУЧЕНІЕ

Хотя Ламблэ отдѣлался одними ушибами, все же крушеніе его порядочно взбудоражило. А послѣ нѣскольких часов, проведенных в госпиталѣ в ожиданіи конца операціи Крозье, он ощутил серьезный упадок сил. Это не помѣшало ему вернуться в Париж, гдѣ он, пообѣдав, часам к девяти вечера попал на улицу Байяр. Но если номер дома был в его книжечкѣ четок, то имя и фамилія — которыя он к тому же плохо разслышал — нѣсколько расплылись от попавшей на бумагу капли дождя.

— Тут ли проживает мадам или мадемуазель Анунсіата Больдепьер, или Больдепез? — спросил он у швейцарихи, с нѣкоторым опасеніем: не получится ли, что порученіе Крозье останется невыполненным? Но все обошлось благополучно:

— Мадам Асунта Болдырева, вѣроятно, — отозвалась швейцариха. — Русская дама? Третій этаж, вторая дверь по лѣвую руку.

Ламблэ стал подниматься. Он совсѣм не мог себѣ представить, какая его ждет встрѣча. Будут ли восклицанія, слезы, обморок? Или ледяное спокойствіе? Или драматическая неподвижность? Извѣстія, которыя он готовился передать, были не из веселых, но не так уж и плохи: черепная коробка не треснула, долго продлившаяся, из-за множества поломанных мелких косточек, операція прошла удачно и ампутація ступни не угрожала. Все-таки извѣщать, что знакомый попал в желѣзнодорожное крушеніе, не слишком развлекательно.

Плохо освѣщенный и унылый коридор его непріятно удивил.

— Частная жизнь, — попытался он найти этой невзрачности объясненіе, — должна быть секретной, хотя бы потому, что о ней заранѣе судят с недоброжелательностью, с враждой, с подозрѣніем. Насмѣшки и издѣвательства всегда готовы. И мало кто не поддается искушенію позубоскалить. Нужно было крушеніе, чтобы Крозье рѣшился попросить меня сюда заглянуть.

Впрочем, вѣдь мадам Болдырева могла быть и не любовницей Крозье, а его сотрудницей, или секрстаршей, которую слѣдовало срочно освѣдомить, в интересах дѣла. В этом случаѣ вопрос о частной жизни отпадал. Но проще порученіе не становилось и так или иначе разговор обѣщал быть затруднительным.

— Если Крозье тут ожидали, по вечерам, нѣжныя объятія, то не надушенныя и не розовыя, — думал Ламблэ перед грязной дверью. Он постучал. Дверь отворилась и первое, что он услыхал, был дѣтскій плач.

— Я хотѣл бы видѣть мадам Болдыреву.

— Мою жену? — сказал Савелій, нескладная фигура и азіатскія черты котораго показались пришедшему точно бы неумѣстными.

— А вот... да... у меня для нея извѣстіе, сообщеніе. Я не хотѣл бы ее взволновать, или испугать, даже если это извѣстіе ей покажется не вполнѣ... обнадеживающим...

Ламблэ путал и бормотал, сам на себя досадуя, сам не понимая, что могло быть причиной замѣшательства.

— Все обошлось благополучно, хорошо. Все, что хорошо кончается — хорошо, — продолжал он и издал звук, который мог походить на смѣшок.

Савелій широко распахнул дверь и попросил войти.

— Асунта, тебя спрашивают, — сказал он, громко.

Асунта вышла из кухни, сдѣлала два шага и застыла. Ламблэ замѣтил, как горят ея глаза и прочел в них и вопрос, и опасеніе. Что-то почти магическое было в этом необыкновенно выразительном взглядѣ. Рѣсницы дрогнули, опустились, и поднялись нѣсколько раз подряд; но пропущенный ими луч был упорен и требователен.

"Понимаю, — подумал Ламблэ, ловя этот взгляд, — что Филипп о ней вспомнил в минуту, которая ему могла казаться послѣдней. Я сам на его мѣстѣ вспомнил бы...".

Он оглянул Асунту и, внутренне отмѣтив стройность, поймал себя на чувствѣ похожем на зависть... "Какая женщина, — сказал он себѣ, — какая волнующая женщина". Наличіе любви было явно. Но присутствіе Савелія, по всѣм видимостям мужа, и ребенка и царившая в комнатѣ неряшливость ставили какіе-то вопросы. Ламблэ допустил, что в бѣдное это жилье проникла та страсть, которая сама собой довольствуется, которой безразлична обстановка, которая ни с кѣм и ни с чѣм не считается. И казалось ему, что он, в каких-то старых книгах, о такой всезаслоняющей страсти читал, что она "как жизненный элексир". — "В наше время, — подумал он, — это должно быть исключеніем. Но и в наше время это может случиться". Не зная с чего начать, опасаясь причинить боль или оскорбить, он заговорил, сам не узнавая своего голоса:

— Я друг Филиппа Крозье.

Он опасливо взглянул на Савелія, который, вытянувшись в струнку, стоял возлѣ пріоткрытой двери.

— Да, — продолжал он, — мы вмѣстѣ учились. Теперь мы вмѣстѣ ѣхали в поѣздѣ и произошел несчастный случай. Он поручил мнѣ извѣстить вас.

— Несчастный случай?

— Да. Поѣзд сошел с рельс.

— Он ранен? — глухо спросила Асунта и скрестила руки на груди.

— Это крушеніе, о котором стоит в вечерней газетѣ? — вмѣшался Савелій. — Недалеко от Парижа? Двѣнадцать убитых и семьдесят раненых, из которых пятнадцать тяжело?

— Именно. Я сам выбрался каким-то чудом. Отдѣлался нѣсколькими синяками. Но прошу вас, не тревожьтесь о Крозье. Ему лучше. Он сам попросил меня извѣстить вас.

— Как он ранен? Гдѣ он?

Асунта протянула было руки, но тотчас снова их прижала к груди.

— Он ранен в ногу, — произнес Ламблэ. — Его перевезли в госпиталь (Ламблэ назвал пригородную мѣстность) и там оперировали. Я его проводил и дождался конца операціи.

Об ударѣ по головѣ Ламблэ предпочел, пока, не говорить. В глазах Асунты промелькнуло что-то темное, похожее на угрову. Савелій продолжал стоять прислонившись к теперь закрытой двери и глядѣл на пол. Водворилось тягостное молчаніе, которое нарушил плач дѣвочки. Асунта подошла к кроваткѣ и над ней склонилась.

“Кажется, горе бродит тут поблизости”, — подумал Ламблэ. От мысли, что он может оказаться замѣшанным в исторію, которая его не касается, у него возникло желаніе поскорѣй удалиться.

— Какая операція? — рѣзко обернулась Асунта. — Ему отрѣзали ногу?

— Нѣт. Сначала хирург сомнѣвался, не придется ли ампутировать ступню. Но оказалось, что можно не ампутировать. В худшем случаѣ Крозье будет немного хромать.

— Он очень мучился?

— Нѣт... да... нѣт. Он был часа два без памяти, пришел в себя только когда его укладывали в санитарный автомобиль и сейчас же поручил мнѣ вас извѣстить. Его рана болѣзненная, полное заживленіе потребует времени, но, в общем, ничего опаснаго нѣт. Завтра его перевезут в клинику в Нейи, владѣльца которой он знает.

— Страшно быть в крушеніи? — спросила Асунта.

— Да. Страшно. Кажется, что настает послѣдняя минута. И когда начинаешь понимать, что не только остался в живых, но что даже не ранен, думаешь о чудѣ. И благодарным кому-то дѣлаешься... Богу, навѣрно.

— О чудѣ, да, о чудѣ, — проговорила она, в отвѣт на какую-то свою мысль, — о чудѣ...

— Я думаю, — продолжал Ламблэ, — что чувство чуда должно быть еще сильнѣй у того, кому раздавило ступню, кого ударило по го-

ловѣ, кто почти два часа пробыл без памяти и как бы ожил...

— Ударило по головѣ? Два часа без памяти? Ожил?

Она взглянула на Ламблэ с ненавистью и казалось вот-вот начнет кричать.

— Почему вы сразу не сказали? Что вы от меня скрываете?

— Удар по головѣ второстепенен. Только ступня по-настоящему изранена.

— Удар по черепу, от котораго остаются два часа без памяти, второстепенен? Что вы говорите? Вы не знаете, что вы говорите.

— Увѣряю вас, что все именно так. Черепная коробка не треснула. В этом отношенiи доктора категоричны...

Ламблэ начинал испытывать нетерпѣнiе.

— Можно его навѣстить? Завтра?

— Не знаю, допустят ли вас до него. Кромѣ того он хотѣл завтра переѣхать в клинику, в Нейи, и вы рискуете разминуться.

— Вы мнѣ всю правду говорите? Вы ничего от меня не скрываете? Вы не лжете? Вы хотѣли меня подготовить к худшему и потому разсказываете постепенно. Сначала нога, потом удар по головѣ. Два часа без памяти...

— Я ничего не скрываю.

— Все правда? Все сущая правда? — почти простонала Асунта.

Ламблэ оглянулся на Савелiя. Тот все не двигался. Во всей его позѣ, в том, что глаза оставались упорно опущенными, было или смиренное мученiе, или тщательно скрытая угроза. "Как догадаться, как проникнуть в чужую душу?" — спросил себя Ламблэ. И почувствовал, что во всяком случаѣ не желанiе прiятно проводить досуги могло привести Крозье к этим бѣдным людям, к этой странно привлекательной женщинѣ.

Он рѣшил, что порученiе выполнено.

— Все, что я сказал, голая правда, — произнес он, скорѣе сухо. — Я ровно ничего от вас не утаил. Повторяю: Крозье внѣ опасности. Вы сами в этом убѣдитесь, когда его увидите. Теперь же прошу разрѣшенiя удалиться. Я немного устал.

Он уже хотѣл повернуться, но, прочтя в глазах Асунты и вопрос, и страх, и ожиданiе, прибавил:

— Даю вам слово, что Крозье внѣ опасности. Как мог бы я, если б было иначе, взять на себя передать вам его пожеланiе?

— Пожеланiе?

— Да, пожеланiе. Он мнѣ сказал: извѣсти Асунту Болдыреву.

— И ничего больше?

— Ничего.

Ламблэ поклонился и шагнул к выходу. Савелiй посторонился, распахнул перед ним дверь и коротко на него взглянул.

— До свиданiя, — произнес он тихонько. — Мы вас благодарим и просим извинить за причиненное вам всѣм этим безпокойство.

— Без вас, как мы обо всем узнали бы? — прибавила Асунта.

— Так или иначе он вам дал бы знать. Есть телеграф, есть пневматическая почта.

— Телеграмма! Пневматичка! Это всегда слишком кратко, или непонятно. А вы живой свидѣтель. Я вас благодарю.

— Право, не за что. Все, что я сдѣлал, совершенно естественно вытекало...

Он вышел больше недоумѣвающим, чѣм удовлетворенным. Ничего не оставляющее в тѣни тропическое солнце казалось ему предпочтительнѣй.

13. — ПРОСЬБА

На утро, как только дверь за Савеліем закрылась, Асунта откинула простыни, вскочила, подошла к окну и растворила его. Все было по старому: и дом по ту сторону улицы, и блѣдный свѣт. Утренній воздух, который она вдохнула полной грудью, показался ей, послѣ того, как всю ночь ее терзали или безсонница, или безсвязные сны, особенно живительным.

— Любовь? — спросила она себя, навѣрное зная, что отвѣт может быть один: "да, конечно". И добавила: "Едва очнувшись он подумал обо мнѣ. Теперь я ему скажу, что согласна на все, что стоит ему меня позвать".

Она стала поспѣшно умывать и одѣвать Христину, послѣ чего, с такою же поспѣшностью, занялась своим туалетом. Посмотрѣвшись в зеркало она нашла себя непомѣрно блѣдной и подумала, что плохой вид может испугать больного, затруднить выздоровленіе, послужить причиной отсрочки, — хотя бы и небольшой.

Одно за другим стали тогда вырисовываться затрудненія: кому поручить Христину? Как ѣхать? Друг Крозье ничего не сказал о средствах сообщенія, он всего только назвал мѣстность, в которой находится госпиталь. Взять такси? Но денег оставалось в обрѣз на провизію, такси было явно недоступно.

— Метро и автобус, — повторяла она, — и вот еще Христина.

До друзей, живших на улицѣ Васко де Гама, было далеко, а другіе ея знакомые жили в Левалуа и в Біанкурѣ, т. е. еще дальше. Попросить сосѣдку? Сосѣдка по утрам занималась хозяйственным священнодѣйствіем, чистила, натирала, наводила блеск. В лучшем случаѣ она могла согласиться посмотрѣть за дѣвочкой послѣ завтрака, о том же, чтобы она из-за нея отмѣнила натираніе пола, вытряхиваніе простынь и одѣял, наващиваніе мебели, не могло быть и рѣчи. Ждать до послѣ завтрака Асунта не могла, — о нѣт! — ей это было просто не по силам. Она разсердилась на Савелія, который, с удивительной для него непреклонностью, всегда запрещал отдавать Христину в дѣтскій сад.

— Это противорѣчить материнским обязанностям, — говорил он.

Все больше разстраиваясь, нервничая, видя, что время бѣжит и бѣжит, Асунта подчинилась роду истинкта, исключающаго размышленіе. Она провела гребешком по волосам, чуть-чуть накрасила губы, надѣла пальто, оглянула неубранную комнату, закутала дѣвочку в теплый платок, взяла ее на руки и стремительно вышла, бормоча:

— Тяжело, ну пусть тяжело! Тѣм хуже, если оторвутся руки.

На улицѣ она обратилась к первому встрѣченному полисмэну, прося указать какія нужны линіи метро и пригороднаго автобуса. Чтобы дать справку полисмэн довольно долго рылся в указателѣ. В подземных коридорах была толпа, Асунтѣ, к тому же, пришлось пересаживаться, подниматься и спускаться по лѣстницам. Дули сквозняки. Автоматическія дверцы захлопывались перед носом. Христина становилась все тяжелѣй и тяжелѣй, руки Асунты ныли и затекали. Линій пригородных автобусов было нѣсколько, отыскать нужную было трудно, всѣ спѣшили, не отвѣчали на вопросы или отвѣчали невнятно и неохотно. Афишки с расписаніем были неразборчиво написаны, невразумительно составлены и слишком высоко приклеены. Ей пришлось ждать добрых двадцать минут, потом, проникнув в автобус, шарить в сумкѣ чтобы достать мелочь, держа в то же время Христину, которая принялась хныкать. Безпокойство Асунты начало превращаться в томленіе, она себя спрашивала, что с Филиппом, мучается ли он, ждет ли ее? Как выглядит? Не опоздает ли она, не увезли ли его уже в клинику? Допустят ли ее до него в непріемный час? На какую срочную сослаться причину, если будут отказывать? Но больше всего ее заботило его здоровье. Все ли разсказал вчера его друг? Может быть на самом дѣлѣ он ранен гораздо тяжелѣй, может ему отняли ногу, может он изуродован? Правильно ли она сама поняла значеніе того, что он о ней в первую очередь, едва очнувшись, подумал? Не разсердится ли он увидав ее с дѣвочкой на руках?

— И что еще? — думала она.

И упрекала себя в сомнѣніи, в малодушіи, в невѣріи. Не было ли все опредѣлено, взвѣшено и рѣшено самой судьбой? У края жизни он, в одно мгновеніе, осознал свою любовь и тотчас захотѣл дать ей знать, что для нея остался в живых.

Кондуктор напомнил ей, что на ближайшей остановкѣ надо выходить. Стоя у шоссе она безпомощно озиралась и никого не было, чтобы указать, как пройти до госпиталя. Холодный вѣтер пронизывал ее насквозь. Христина уже не хныкала, а плакала, да и сама Асунта насилу сдерживала слезы. Совсѣм разстроенная она была готова упрекнуть себя в неосмотрительности и легкомысліи, когда замѣтила на фонарном столбѣ стрѣлку с надписью: "Госпиталь". Она пошла тогда по немощеной и прямой улицѣ, которой, казалось, не было конца. Ни одного прохожаго, ни одной лавки, гдѣ можно было бы спросить: далеко ли еще? Вѣрное ли направленіе? Через минут двадцать ходьбы она вышла на перекресток и увидала, немного в сторонѣ, сквер и за ним низкое зданіе с большими окнами, которое показалось ей слишком свѣтлым,

чуть что не ранящим своим нарочито веселым видом. Неумѣстным показался Асунтѣ этот показной оптимизм. "В том ли дѣло, чтобы скрыть за нарядным и пестрым фасадом всяческія мученія, даже если они временны, тѣм болѣе, если они безысходны", — думала она. Когда, проникнув в переднюю, она сказала, что пріѣхала навѣстить больного, ей тотчас же отвѣтили, что в непріемные часы это невозможно. Так как она настаивала, то ее проводили в бюро, гдѣ она, подавив волненіе, объяснила, что хочет видѣть, раненаго во вчерашнем желѣзнодорожном крушеніи, друга. Сестра ее выслушала со вниманіем и довольно сухо подтвердила, что в непріемные часы к больным не допускают никого.

— Но я пріѣхала из Парижа с дѣвочкой на руках, я не могу уйти не повидав м-сье Крозье, я только вчера, поздно вечером, узнала, что он ранен, — почти умоляла Асунта. Сестра протелефонировала какой-то коллегѣ, объяснив в чем дѣло и спросив, нельзя ли сдѣлать исключеніе. Отвѣт послѣдовал через двѣ минуты, которыя, повидимому, были нужны для наведенія справки. Асунту провели тогда по длинному коридору, в концѣ котораго сидѣла за столом другая сестра, с нѣсколькими нашивками на косынкѣ. Она оглянула молодую женщину с ребенком на руках с улыбкой не то соболѣзнующей, не то любопытной.

— М-сье Крозье лучше, — проговорила она, — и сегодня вечером его перевезут в клинику.

Из-за внезапнаго сердцебіенія Асунта не могла выговорить ни одного слова.

— Вы непремѣнно хотите его повидать? — продолжала сестра.

— Он прислал ко мнѣ вчера вечером своего друга, чтобы извѣстить о крушеніи. Он поручил ему мнѣ про это сказать, едва придя в себя...

— У м-сье Крозье сейчас дама, — промолвила сестра. — Она вошла к нему четверть часа назад.

Говоря это, она казалась стѣсненной, почти даже чего-то опасающейся. Но взгляд Асунты был таким выразительным, так темно поблескивали ея глаза, что она рѣшилась и попросила Асунту за ней послѣдовать до двери, которую и распахнула. В глубинѣ довольно просторной комнаты, ближе к лѣвой сторонѣ, стояла кровать и все, что бросилось в глаза Асунтѣ, было бѣлым: и сама комната, и кровать, и простыни, и огромная повязка на головѣ Крозье, доходившая почти до бровей. Из под повязки этой на Асунту блеснул взгляд, выраженіе котораго она опредѣлить не могла: вопрос? боль? тревога? усиліе? может быть упрек?

Асунта крѣпко прижала к груди Христину и, чувствуя, как сердце ея еще раз слишком часто стало биться, молчала. У кровати, спиной к двери, сидѣла полная дама в старомодной шляпѣ. Соскользнувшій с плечей к локтям мѣх обнажил короткую и жирноватую шею. Дама держала Филиппа за руки и повторяла:

— Милый, милый мой, мой бѣдный милый...

Христина вздрогнула и стала хныкать. Тогда дама обернулась и Асунта увидала блѣдныя круглыя щеки, грустные глаза, тонкогубый, широкій рот и слегка вздернутый нос.

На непомѣрно большой груди поблескивали три жемчужных нити. Возраст дамы казался неопредѣлимым и привлекательности в ней не было рѣшительно никакой. Только голос — хотя и незвонкій — был пріятен, как пріятна была и сквозившая в каждой интонаціи искренность.

— Моя жена, — проговорил Крозье. — Мадам Болдырева.

Мадлэн оглянула вновь пришедшую разсѣянно; охваченная потребностью дѣлить боль мужа, она не придала появленію Асунты никакого значенія. Снова наклонившись к Филиппу, она повторила:

— Милый мой, бѣдный, милый, — и замолкла.

Теперь тишину нарушал лишь плач Христины. Сестра затворила дверь.

Тогда произошло нѣчто выходящее за предѣлы обычнаго, цѣликом заполнившее духовный и мысленный кругозор трех участников.

Мадлэн встала, приблизилась к Асунтѣ, робко на нее взглянула и так смиренно улыбнулась, точно просила не осудить. На мгновеніе лицо ея озарили и доброта, и ясность непередаваемыя.

— Я не знаю, кто вы, — тихонько сказала она, — и не хочу догадываться. Но как бы там ни было, я от глубины сердца прошу вас не сдѣлать его несчастным.

Асунта растерялась, Асунта с трудом держалась на ногах, Асунта не знала, куда смотрѣть. Точно щит прижала она тогда к сердцу Христину. Мадлэн замѣтила ея движеніе.

— Его перевезут в клинику, — продолжала она, так же робко. — Если вы его будете навѣщать, помните мою просьбу: не надо, чтобы он был несчастлив. От всего сердца, от всей души прошу вас: не сдѣлайте его несчастным.

Она вернулась к стулу, сѣла, снова взяла руку мужа и больше не двинулась.

"Мнѣ надо с собой совладать, мнѣ непремѣнно надо с собой совладать", — думала Асунта. Она была охвачена доселѣ ей невѣдомым сочетаніем чувств, отчего и душа ея, и сердце были взбудоражены до послѣдняго предѣла. Но когда она сдѣлала шаг в направленіи постели, наступило спокойствіе, столь же внезапное, каким было волненіе. Она встрѣтилась взглядом с Филиппом и поняла, что он не стремится отвести глаза, что ему всего-на-всего мѣшает очень низкая и очень большая повязка. Она видѣла, что он ей улыбнулся.

— Благодарю вас за то, что меня извѣстили так сразу, — сказала она. — Рада найти вас в состояніи лучшем, чѣм опасалась. Ваш друг мнѣ все разсказал, подробно. Что вы спаслись — это просто чудо.

— Я об этом тоже подумал, — промолвил он, — спасибо, что навѣстили меня.

— По словам вашего друга, доктора увѣрены в скором выздоровленіи?

— Не думаю, что придется долго пробыть в клиникѣ. Но увѣрен, что бѣгать смогу еще не скоро.

— А голова?

— Там швы. Покровы порядочно повреждены, я как бы слегка скальпирован, — улыбнулся он, — крови вышло очень много. Оттого и повязка такая большая. Но кость не треснула, это главное.

Водворилось молчаніе. Потом Асунта услыхала свой голос:

— Не хочу вас утомлять. Мнѣ стало немного спокойнѣй. Вчера ваш друг меня очень испугал, рада, что это было напрасным страхом. Поправляйтесь скорѣй.

Внутренне она удивилась собственному хладнокровію, своей выдержкѣ, тому, что смогла не задать шевелившихся вопросов, своему вѣжливо-условному тону, даже своему голосу, который звучал по-иному, чѣм всегда, по-незнакомому. Но она чувствовала, что подошла к самому краю сил, что долго такого напряженія не выдержит, что вот-вот разрыдается и что тогда будет лишняя мука, и ей самой, и ему, и... его женѣ.

— Меня перевезут, вѣроятно, завтра, — произнес он и опустил, потом снова поднял глаза. Она поняла, что он просит ее уйти. Сдѣлав над собой еще усиліе, она молча поклонилась, повернулась и вышла. В коридорѣ сестра задавала ей какіе-то вопросы, но она, ничего не понимая, ничего не отвѣтила. Наружи свѣтило ясное солнце, воздух был чист и свѣж. Цѣликом обращенная к своему сердцу, которое рвалось на части, к душѣ, которая трепетала, к нервам, которые натянулись, к нетерпѣливо напрягавшимся мускулам, к горячему потоку крови, она на это ясное солнце, и на этот чистый воздух, не обратила никакого вниманія.

14. — ВОЗВРАЩЕНІЕ

По дорогѣ домой неудач было гораздо меньше и долго ждать ни на остановках, ни в толпѣ, ни в подземных коридорах не пришлось. Асунта, с досадой, говорила себѣ, что когда спѣшишь, непремѣнно натыкаешься на задержки, а когда спѣшить незачѣм, все складывается удачно: точно указаніе в этом какое-то ей мерещилось, что вот, мол, к дому всѣ пути свободны, а из дому — загромождены. Но перспектива оказаться среди четырех стѣн лицом к лицу с собой подавляла. Пока кругом было движеніе, были чьи-то лица и слышались отрывки каких-то разговоров — можно было не сосредоточиваться на мыслях о Мадлэн, не пытаться вникнуть в смысл ея слов. Дома малѣйшія подробности поѣздки, всѣ оттѣнки интонацій слов Филиппа и слов Мадлэн грозили все себѣ подчинить.

— О чем она меня в сущности просила? — думала Асунта, — и о чем он промолчал? Да и промолчал ли? Что мог он сказать? И что я могла сказать? Ничего, ни он, ни я. Только его жена могла что-то сказать, и сказала. Но что эти слова значат?

Со все больше и больше оттягивавшей ей руки Христиной, поднялась она по лѣстницѣ и, найдя в сумочкѣ ключ, только начала его всовывать в скважину, как дверь открылась: Савелій был дома.

Так как Асунта была очень блѣдной и тяжело дышала, он сказал:

— Я не знал, что лѣстница так тебя утомляет.

Он взял с рук Асунты дочку, донес ее до кроватки и стал раздѣвать, бормоча:

— Придется, кажется, пересмотрѣть вопрос о дѣтском садѣ.

А когда обернулся, то увидал, что жена его сидит у стола, с закрытыми глазами, плотно сжатыми губами, оперев голову на руки.

— Что с тобой? — спросил он. — Ты больна?

— Не обращай вниманія. Это пройдет. Почему ты дома?

— Парикмахерская закрыта по случаю смерти матери хозяина. Но что с тобой? Скажи же?

— Я ѣздила навѣстить м-сье Крозье. С Христиной на руках. Она тяжелая. Я устала.

Савелій промолчал.

— М-сье Крозье лучше, — продолжала Асунта, безразличным голосом. Она думала о словах Мадлэн, которыя ей казались все непонятнѣй, о которых точно мог судить, по ея мнѣнію, только сам Филипп. На фонѣ таких мыслей вопросы Савелія были почти неумѣстными.

— Раненіе, стало-быть, не тяжелое? — освѣдомился он.

— Ступня раздроблена.

— Он останется хромым?

— Не знаю. Я у него пробыла двѣ минуты.

— Я иду за провизіей, — проговорил Савелій. Он выдвинул ящик и увидал, что денег больше нѣт. Он молча обернулся к Асунтѣ.

— Ты должен был получить жалованье, — сказала она.

— Я же объяснил, что парикмахерская закрыта.

— Возьми в сумочкѣ.

Когда он выходил, у него было чувство, что он оставляет в комнатѣ тяжело больную. На улицѣ его вниманіе привлекли автомобильныя колеса и, вскользь, он подумал, что видѣть как приближаются колеса паровоза и ждать, что сейчас-сейчас будешь раздавленным, должно быть довольно страшно.

— Никогда не помышлял о самоубійствѣ, — пробормотал он, и вдруг, точно сорвавшись с нарѣзов, воскликнул:

— Может быть было бы лучше, если бы его убило?

И тотчас признался себѣ, что это невѣрно, что это неправда. Смерть Крозье повергла бы Асунту в отчаяніе, которое, при ея вспыльчивости и порывистости, недисциплинированности было бы катастро-

фой. И без того не слишком радужную совмѣстную их жизнь это отравило бы окончательно. — "Но вот, Филиппа не убило. Филипп, израненный, остался в живых, — думал Савелій, — как теперь все сложится? Любовь Асунты требовательна, любовь Асунты может стать безпощадной. Правда, конечно, и то, что у жизни есть ресурсы, которыми смерть не располагает. Боюсь ли я смерти? Каким может быть послѣдній отрѣзок послѣдняго мгновенія? Что шевельнется в душѣ? Ужас? Возмущеніе? Покорность? Самой-то смерти, вѣроятно, не замѣтишь".

15. — СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ

Сдѣлав покупки, Савелій вернулся домой. Христина хныкала и он, как мог, стал ее утѣшать. Тощій завтрак протек в молчаніи и, едва собрав со стола, Асунта сослалась на головную боль и легла. Время, для Савелія, потянулось с медленностью необыкновенной. Он стал тщательно вытирать пыль, убирать, подметать, попробовал играть с дочкой. Он был немного как в осажденной крѣпости, когда защитникам только и остается, что разсчитывать на прочность укрѣпленій и на склады пищевых и огнестрѣльных запасов.

— Да еще на помощь извнѣ, — сказал он себѣ. — Но мнѣ-то кто и какую может оказать помощь? Совѣты мнѣ, конечно, готовы дать многіе: все выяснить, разставить точки над і, принять энергическое рѣшеніе, вскрыть нарыв, устранить обиняки... что еще? Только разбивать, рубить, ломать, рвать, вскрывать, вытаскивать на освѣщенное мѣсто — к чему это все приводит? Какими могут быть результаты? Развѣ не проще, не лучше, не разумнѣй предохранить, сохранить, избѣжать боли и шума?

Ему очень хотѣлось повидать старичка. Он, внутренне, был совсѣм готов отправиться с ним на розыски котловины с пестрыми бабочками. Старичок произвел на него очень хорошее, даже трогательное впечатлѣніе, хотя внѣшность его и была чуть ли не комической: он был небольшого роста и сгорбленный, но как-то странно, больше с одной стороны, чѣм с другой. Когда ходил, то немного загребал лѣвой ногой. У него были очень густыя брови, из-под которых он словно выглядывал. Он всегда был очень чисто одѣт, платье его было тщательно выглажено, рубашка бѣлоснѣжной, обувь сверкающей, галстук хорошо завязанным. Сначала он представлялся удивительным, располагающим к усмѣшкѣ, может быть даже к ироническому недовѣрію. Но впечатлѣніе это разсѣивалось при первой его улыбкѣ, всегда привѣтливой, и первой встрѣчѣ с его взглядом, всегда добрым, благорасположенным, немного застѣнчивым. Голос тоже был симпатичным. Рѣчь его, часто загроможденная лишними словами, легко принимала характер монолога, который не всегда и не во всем бывал убѣдительным. Но задушевныя интонаціи заполняли пробѣлы в логикѣ и построеніи. Разсказ о котловинѣ и пест-

рых бабочках запомнился Савелію, как запоминаются слышанныя в дѣтствѣ сказки. За бабочками, в воображеніе Савелія, как естественное их продолженіе, проникали мечты о заросших тростниками болотах, ущельях, перевалах, дремучих лѣсах, пещерах, в которых ютятся столь же таинственныя, как души-бабочки, существа, прячущіяся за обликом птиц, ежиков, куниц, змѣй, жаб, ящериц, тарантулов, пауков-крестоносцев, стрекоз — живых носителей тысячелѣтних преданій, устоявших в схватках с разумом и просвѣщеніем, проводников необъяснимых явленій, вдохновителей несокрушимых тайных обрядов и приношеній. И была у Савелія догадка — а может быть только желаніе догадки? — что много, много есть еще во Франціи невѣдомаго, не открытаго, нетронутаго.

— Если, — говорил он себѣ, — надо считаться только с навѣрное установленным, то что же останется? Ничего не останется.

Встрѣча со старичком оживляла надежду на избавленіе от скуки и точности оскопленнаго существованія, была вѣхой на пути к убѣжищу, у порога котораго можно откинуть всѣ недоумѣнія, всѣ заботы.

В таких мыслях текли часы. Раннія сумерки приблизили к окнам пласты мутной сырости и, навстрѣчу им, из углов потянулись тѣни. Христина уснула и из спаленки не доносилось никаких звуков. Противупоставленіе царившаго в комнатѣ тепла со стужей, которую можно было угадать за стеклами, было успокаивающим. Савелій грустил, но несчастным себя не чувствовал и раздраженія в себѣ не находил. Отдаваться теченію непроизвольных мыслей убаюкивало. Савелій и не подозрѣвал, что в двух шагах от него, в спаленкѣ, жена его ни на секунду не забылась, что она напряженно ждала стука в дверь, появленія почтоваго разсыльнаго с пневматическим письмом, или с телеграммой, или того посланца, который уже раз появился, или другого какого нибудь посланца, что она перебирала в памяти малѣйшія подробности посѣщенія Крозье, старалась проникнуть в точный смысл слов Мадлэн. На что ей надо было рѣшиться, чтобы Крозье не был несчастлив? Исчезнуть? Пожертвовать собой, помочь ему ее забыть? Себя пересилить? Или, наоборот, пренебречь всякими условностями, и даже не условностями, а прочно установленными, настоящими правилами, разбить всѣ препятствія и отдать ему все: сердце, душу, все, все, без всяких оговорок, цѣликом? Как проникнуть в то, чего он сам хочет? Как быть увѣренной в том, что он о ней подумал прежде чѣм о других, и что это ему любовь подсказала? Спросить у него завтра, в клиникѣ, прямо, просто, в упор, по-дѣловому, практически, чтобы ничего не осталось в тѣни? И все в ней съеживалось от такой мысли. Вообразимо ли, чтобы женщина была вынуждена ставить такіе вопросы? Он, а не она, должен начать объясненіе. А тут вышло, что первой заговорила его жена и что когда она сказала, ничего не прояснилось.

Когда она, наконец, вышла из спаленки, Савелій сидѣл у стола и писал. Она оглянула его с враждебностью, сказав себѣ, что он ничего

не понял, что он не замѣтил в каком она состояніи и оттого спокоен и равнодушен.

— Что ты пишешь? — спросила она.

Он положил стило, внимательно на нее посмотрѣл: ея разстроенный вид и синяки под глазами причинили ему боль, а то, что она была непричесана, что блузка ея была сбита и юбка измята, было ему непріятно.

— Я пробую, — сказал он, — описать котловину с бабочками. Но ничего не выходит.

— А-а, — протянула она равнодушно и занялась Христиной.

Он смял и бросил в корзину лежавшій перед ним лист бумаги.

16. — АЛЛО! АЛЛО!

На другое утро Асунта дѣлала вид, что спит до тѣх пор, пока Савелій не закрыл за собой дверь. Тогда, вскочив, она стала ходить по комнатѣ босая, в одной рубашкѣ, со спутанными волосами, безцѣльно переставляя предметы с одного мѣста на другое, заглядывая на себя в зеркало и сейчас же отворачиваясь. Христина слѣдила за ней испуганными глазками.

Когда она, наконец, стала хныкать, Асунта обратила на нее нѣкоторое вниманіе. Мысленно она прикидывала, сколько времени может уйти на переѣзд из госпиталя к клинику и когда можно будет рѣшиться протелефонировать. Стоял еще вопрос денег, так как наканунѣ Савелій истратил все, что оставалось, а вѣдь нужно было еще на телефон, на автобус. Она с раздраженіем обшарила всѣ карманы всѣх костюмов и пальто, — но не нашла ни одного сантима. С досады она бросилась в постель, завернулась в простыни, спрятала голову под подушку, стала плакать и только через четверть часа, кое-как с собой совладав, приступила к туалету. Холодная вода хлестнула ея щеки, ея шею, плечи, грудь, и чтобы оживить кровообращеніе, которое и так было отличным, но почему-то казалось ей вялым, она стала тереть себя мохнатым полотенцем. Напрасно! Когда же, на улицѣ, со ставшей совсѣм робкой дочкой своей, она вдохнула полной грудью свѣжій воздух, и он показался ей не живительным, а кислым и затхлым. Иронически усмѣхнувшись она пробормотала:

— Не в тѣлѣ дѣло. В душѣ.

Послѣ этого она стала как бы метаться. Прогуляла Христину, направилась было к лавкѣ, вспомнила, что денег нѣт, разсердилась на Савелія за то, что он так мало зарабатывает, подумала, не лучше ли провести утро на скамьѣ у Сены, чѣм убирать, вытирать, готовить. Но не пошла на набережную, а вернулась домой, проникла в комнату, почувствовала себя до послѣдней степени несчастной, заподозрѣла было мужа в каких-то тайных происках, потом в том же жену Крозье, потом друга Крозье, потом старичка с бабочками.

— Да, да, в бабочках все дѣло, — бормотала она, — именно в бабочках. И всѣ они, и люди, и бабочки, всѣ перемѣшались.

И прибавила:

— Ничего у них не выйдет. Ничего не может у них выйти! Я знаю, что он меня любит. Знаю, знаю, знаю! Немного терпѣнія и все выяснится. Но, Господи Боже мой, до чего же трудно имѣть немного терпѣнія!

Она занялась уборкой, рѣшив сходить за провизіей позже, взять все в долг и занять, сославшись на то, что забыла кошелек, нѣсколько франков на телефон.

— И справлюсь в госпиталѣ насчет точнаго часа переѣзда, — думала она. Она уже совсѣм собиралась выходить, когда заскрипѣл ключ и вошел Савелій.

— Цырюльня все закрыта, — почти извинился он, — из-за похорон, которыя на сегодня.

На лицѣ Асунты отразилась досада, которую он, попросту, объяснил новой задержкой с полученіем жалованія. Несмѣло улыбнувшись он произнес:

— Не безпокойся насчет денег. Я занял. И знаешь у кого? У старичка.

Асунта молчала.

— Представь себѣ, — продолжал он, — что он как раз был у дверей цырюльни, когда я пришел. От швейцарихи мы оба узнали, что похороны сегодня. Я замѣтил тогда, что мнѣ выходят затрудненія из-за запозданія с жалованіем и милый мой старичок сейчас же предложил пятьдесят франков.

— Дома никаких запасов больше нѣт, я иду за провизіей, — отрѣзала она, беря деньги. На порогѣ, испытав нѣкоторое угрызеніе, обернулась и спросила, не купить ли ему иллюстрированный журнал?

— Нѣт, нѣт, не надо, я сегодня приглашен.

— К кому?

— К старичку, — сказал он радостно, но тотчас же огорчился, замѣтив, что Асунта приняла это извѣстіе с полным равнодушіем.

— И когда же ты уходишь? — освѣдомилась она.

— Сразу послѣ завтрака. Он живет далеко.

Она, в это время, обдумывала, как все расположить, спрашивая себя, что лучше: умолчать о предполагаемой поѣздкѣ в клинику, или сказать? И рѣшила умолчать.

— Ты завтракаешь дома? — спросила она.

Он удивился.

— Конечно, дома. Гдѣ бы еще я мог завтракать?

— Я иду за покупками.

До ближайшей табачной лавки, гдѣ был телефон, она почти бѣжала. Каждая секунда казалась ей наполненной особым значеніем: пока Савелій будет толковать со своим старичком о бабочках, она сама произнесет и выслушает слова, от которых все зависит. "Его жена до-

вѣрила мнѣ его счастье, — думала она, — и он теперь ждет меня, с этим счастьем".

На соединеніе ушло нѣсколько минут и сначала было очень плохо слышно. Пришлось повторить сакраментальное "алло" с добрый десяток раз. Наконец, голос в трубкѣ прояснился и Асунта спросила, не перевезли ли м-сье Крозье в клинику, и если нѣт, то когда перевезут, добавив, что рѣчь идет о раненом в голову и ногу в недавнем желѣзнодорожном крушеніи и оперированном. Она старалась все изложить как можно яснѣй. Но там плохо понимали.

— Не кладите трубку, — услыхала она наконец.

Послѣдовало долгое молчаніе.

— Алло, алло, — прозвучало снова.

— Да, слушаю.

— М-сье Крозье покинул госпиталь вчера.

— Вчера? Он мнѣ сказал, что его должны перевезти в клинику сегодня.

— Его увезли вчера.

— В какую клинику?

— Клинику? Не знаю. Алло, алло, не вѣшайте трубки. Как раз подходит палатная сестра.

— Алло, алло, — вновь заскрипѣло в трубкѣ.

— Да, я слушаю.

— М-сье Крозье уѣхал вчера в Вьерзон.

— В Вьерзон?

Потом раздался другой голос:

— Алло, алло! Говорит старшая сестра. М-сье Крозье уѣхал в Вьерзон, я сама его устраивала в санитарном автомобилѣ. Хирург разрѣшил поѣздку, так как у него в Вьерзон есть друг, которому он и поручил наблюденіе и лѣченіе. Кромѣ того, дома вѣдь всегда лучше, чѣм в госпиталѣ, не правда ли?

Сестра вѣжливо посмѣялась.

— Это вы пріѣзжали вчера утром навѣстить м-сье Крозье? С дѣвочкой на руках? — спросила она, благожелательно.

— Да, я.

— Ну, вот видите. Все хорошо, что хорошо кончается. Выбраться живым из такого крушенія, с не слишком большими поврежденіями и так скоро оказаться дома, под отличным присмотром...

— А-а. Да. Благодарю вас. До свиданія.

Асунта повѣсила трубку, расплатилась, вышла на улицу.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — звенѣло у нея в ушах.

Ей хотѣлось итти прямо, не останавливаясь, не обращая вниманія на уличное движеніе, чтобы случилось, само собой, какое-то все уравновѣшивающее несчастье. Ей хотѣлось попасть под колеса, отвѣтить улыбкой на первую двусмысленную улыбку, пуститься в бурное приключеніе, отдаться, пойти на преступленіе, на арест...

— Все хорошо, что хорошо кончается, — повторяла она.

Машинально она зашла в лавку, купила провизію и рѣшительными шагами направилась домой.

Савелій оглянул ее не то с безпокойством, не то с недовѣріем. Она молча прошла в кухонку и вскорѣ вернувшись с яичницей и хлѣбом на подносикѣ, поставила его на стол, попросила Савелія накормить Христину и — еще раз сославшись на мигрень — заперлась в спаленкѣ.

Около трех Савелій постучался.

— Что такое? — услыхал он недовольный голос.

— Я ухожу.

— Хорошо.

— Христина спит.

Отвѣта не послѣдовало.

17. — У МАРКА ВАРЛИ

Унылыя набережныя мутноводнаго канала, газометры, металлическія фермы, безконечныя кирпичныя стѣны вокруг заводов, трубы, дымы и пары, низкое, сѣрое небо, какая-то желтовато-зеленоватая мразь в воздухѣ, угнетающіе звуки — шипѣніе, хрипы, скрежеты, свисты, завыванія — липкая мостовая, подъемные краны, грузовики, баржи, шлюзы и люди, ко всему этому приспособившіеся, в одеждах цвѣта грязи и кала, с повадками рабов, и жалкіе, узкіе, стиснутые фабричными корпусами дома — их пристанища...

"Если он тут может мечтать о своих пестрых бабочках, — думал Савелій, шагая по скользкому тротуару, — то дѣйствительно воображеніе его велико".

Он завернул за угол, прошел еще двѣсти метров, завернул еще раз и перед ним открылась — как в дремучем лѣсу открывается поляна — отлично вымощенная, очевидно недавно проложенная, широкая улица. По краям не слишком высокіе совершенно новые дома, вдоль тротуаров молодыя деревья, нарядныя лавки, послѣдняго образца электрическіе фонари. Было что-то вызывающее в противорѣчіи между этой улицей-аллеей и мрачными набережными и переулками, по которым Савелій только что прошел. Едва войдя к Варли он с ним этим впечатлѣніем подѣлился.

— Совершенно вѣрно, — согласился старичок. — Новые дома, на которые вы смотрѣли, и подчеркивают и оттѣняют фабрично-заводское уродство. Мысль проложить тут улицу-аллею вытекает, я думаю, из погони урбанистов за контрастами... Идите, идите сюда, садитесь, отдыхайте. Я счастлив видѣть вас у себя. Я полагаю, я даже увѣрен, что мы очень многое понимаем одинаково.

Все было привлекательно в квартирѣ Марка Варли. Просторныя комнаты, натертый душистым воском паркет, коврики, дубовая, отдѣланная кожей, мебель, зеркала, многочисленныя книги в отличных переплетах на полках и в шкафах, картины, этажерки, занавѣски... Нигдѣ ни пылинки. Все торжествующе чисто. Сам Марк Варли, хотя и

сгорбленный, хотя и со старомодным черным колпачком на головѣ, хотя и прихрамывающій, вполнѣ гармонировал с этой обстановкой. Савелій даже подумал, что он в ней так же хорошо умѣщается, как удивительный портрет в нарочно для него сдѣланной рамкѣ.

— Садитесь, садитесь, — повторял между тѣм старичок, — я угощу вас кофе. Вы любите кофе? Да, да, вы правы. Новые дома похожи тут на вызов. И противорѣчіе не только в планѣ видимом, оно в глубинѣ, в самой сущности. Наши дома были построены по предварительной подпискѣ и квартиры собственность подписчиков. Вышло, что это как особняки, расположенные не один рядом с другим, а один на другом. Знаменіе времени: толкотня, загроможденіе рѣшительно во всем. За отсутствіем свободнаго пространства горизонтальное замѣнили вертикальным.

Марк Варли посмѣялся.

— Но неба они все равно не достигнут, — прибавил он.

— Неба? — пробормотал Савелій, нерѣшительно.

— О! Небо всегда над нами. И, даже если оно задернуто тучами, оно сіяет. Все прочее незначительно, все прочее болтовня. Но садитесь же, садитесь. Выпьем по чашечкѣ кофе.

— Благодарю. С удовольствіем.

С самаго перваго знакомства Савелій отнес Марка Варли к числу тѣх, которых жизнь и годы вытѣснили за борт, тѣх, которым приходится заполнять досуги каким нибудь невинным занятіем, доступным при скромном бюджетѣ: собираніем вырѣзок из газет, или открыток, или игрой на вышедшем из обращенія музыкальном инструментѣ, или повторными стаканами вина, рюмками кальвадоса, обсужденіем политических вопросов в кафе, шашками и домино. Теперь Савелій увидал, что эта его догадка не вѣрна. Марк Варли отнюдь не казался стѣсненным в средствах. Кромѣ того, порядок и чистота, царившіе в его квартирѣ, позволяли предположить, что за всѣм слѣдит ревностный взгляд или хозяйки, или преданной приходящей прислуги. Это второе предположеніе, как будто, подтвердилось тѣм, что Варли сам занялся приготовленіем кофе.

— Хотите коньяку? — спросил он. — Или рому? Что вы предпочитаете?

Почему-то чувствуя себя стѣсненным, Савелій отвѣтил, что не пьет (что не было правдой).

— У меня отличный коньяк, — настаивал Варли, глядя Савелію прямо в глаза, — так что, хоть вы и не пьете, я налью вам рюмку.

— Я писатель, — продолжал он, довѣрительным тоном, — моему перу принадлежит четырнадцать романов, больше шестидесяти разсказов, нѣсколько сот статей и девять пьес: четыре драмы, одна трагедія и четыре комедіи. Идите сюда. Пока закипит вода я вам покажу мои сокровища.

В серединѣ сосѣдней комнаты — очевидно рабочем кабинетѣ — стоял большой письменный стол; кромѣ него другіе — загруженные

книгами и журналами. По стѣнам — полки. Все было в совершенном порядкѣ.

— Вот мои творенія, — проговорил Варли, указывая на отдѣльный шкаф.

Савелій, с удивленіем, увидал, что в нем лежат только папки, нѣкоторыя толстыя, нѣкоторыя тонкія, и книги нѣт ни одной.

— Я ничего, никогда не напечатал, — пояснил Марк Варли, с легкой ироніей. — От одной мысли, что кто-то меня прочтет, мнѣ стыдно. К чему же опубликованіе? Сами понимаете. Но именно это мнѣ и позволяет утверждать, что я настоящій писатель, чистый писатель, пи-са-тель, — подчеркнул он. — Что до критики?... — Он радостно улыбнулся. — Что сказать о критикѣ? Принять ее всерьез противорѣчило бы здравому смыслу! Критики! Критическія статьи! Критическій разбор! Ха!

Савелій смотрѣл на него с удвоенным вниманіем.

— Я живу один, — продолжал тот, — и порядок, и чистоту, которые вы видите, поддерживала, до сих пор, моя вѣрная служанка Мари-Жанна. Она недавно скончалась, Царство ей Небесное. Но идите, идите же сюда, садитесь, вот коньяк; а я буду варить кофе. Вода закипает.

— Вы любите кофе?

— Да. И много пью. Когда все засыпает, я пью кофе. До поздняго часа. Лѣтом до самой зари. Эти бодрствованія позволяют мнѣ проникать в область фантазіи. Да что я говорю: область! Не область, а царство. И не фантазіи, а видѣній. В царство видѣній! Для начала мнѣ пришлось дѣлать упражненія и себя, в нѣкотором смыслѣ, натаскивать. Но теперь все идет само собой. Нужно только кофе. Неудобство в том, что я ложусь очень поздно и приходится очень поздно вставать. Отдохнуть-то вѣдь все-таки надо.

Невольно Савелій подумал, что большая квартира Варли почти стиснута рабочим кварталом и безличными переулками, не располагающими ни к какому, даже минимальному, помышленію о фантастическом мірѣ и о поэзіи.

Точно угадав его мысли, Варли произнес:

— Только подумать, что в трех минутах ходьбы отсюда люди ютятся в трущобах и проводят дни в зловонных мастерских. Но вѣдь тѣм нѣжнѣй мои сіянія, тѣм прозрачнѣй мои пространства... Вот кофе. Оно превосходнаго качества, а кофейник весьма усовершенствован, так что ничего из аромата не пропадает. Сахару? Я пью без сахара, очень крѣпкое, очень горячее, непремѣнно маленькими глоточками. И потом немного холодной водички из хрустальной рюмки. Очень пріятно. Когда мы выпьем кофе, то перейдем в гостиную и я объясню, что меня навело на мысль вас пригласить. Хотя причина и проста, но кое-какія развѣтвленія у нея есть. Я думаю, что вы уже догадались, что у меня на вас виды. Но, вѣроятно, вы далеки от истины, так как думаете о совмѣстной экспедиціи в котловину бабочек.

Варли громко разсмѣялся и с удивительной для его лѣт и сложенія легкостью пошел в кабинет за папкой.

— Одно названіе! — почти воскликнул он. — Обѣщаю, что чтенія не будет, по крайней мѣрѣ сегодня. Сегодня хватит названія и того, что оно вызовет за собой нужную нам обоим бесѣду. Названіе будет введеніем-иллюстраціей. Вы умѣете рисовать?

— К сожалѣнію, да. Говорю к сожалѣнію потому, что способности свои я развивал в жалких условіях.

— О! Способности! Ничего большаго я не ждал и не желал. Слушайте, прежде всего, названіе.

Варли надѣл пенсне и прочел: "Исторія великобританскаго капитана Кокса и негрскаго полковника Ркчита Ркліоркчита, правдивость которой может быть подтверждена множеством свидѣтелей. В основаніи ея лежит точно установленный факт, что в Африкѣ есть большія, еще необслѣдованныя пространства, на которых расположены королевства и республики; ни один из посѣтивших эти края путешественников никогда ничего о них не сказал. Замолчали их существованіе географическія общества и правительства просвѣщенных стран". Что вы скажете?

Савелій не знал, что сказать. Он был удивлен и не смѣл в этом признаться, что Варли замѣтил.

— Вы молчите, — произнес он, мягко. — Это вполнѣ понятно. Названіе так длинно, что вы спросили себя, не предисловіе ли я прочел?

— Ваше замѣчаніе насчет введенія-иллюстраціи мнѣ кажется вѣрным.

Марк Варли встал:

— Введеніе-иллюстрація, — сказал он слегка торжественно и, сходив за другими папками и разложив их на столѣ, прочел:

"Лиліенталь, Лиліенфельд, Лиліенхэйм, или исторія трех молодых людей влюбившихся в Лиліану, красивую блондинку, которая сама была влюблена, давно и без взаимности, в кораблестроителя Кальберсона. Все это вызвало ряд необдуманных и дерзких поступков. Роман. — Ремень обѣдни, Канат заутрени и Веревка всенощной. Роман. — Нельзя сказать. Іерусалимскія вѣдьмы. Неаполитанскій учитель. Разсказы. — Тайна Одиссея. Романсированная расшифровка древних таблиц, найденных при раскопках в Афинах. Смерть Одиссея от воспаленія легких на пляжѣ близ Харибды. Самозванство гребца Терма, которому удалось достигнуть Пенелопы и раздѣлить с ней, вмѣсто Одиссея, ея ложе. Почти немедленное обнаруженіе обмана Пенелопой, знавшей о существованіи внизу спины мужа большого родимаго пятна, котораго у Терма не было. Наказаніе виновнаго богами, присудившими его к вѣчному бѣгу задом".

— Что же вы скажете? — спросил Варли, сдѣлав паузу.

— Я удивлен, — произнес Савелій.

— Удивлены? Чѣм вы удивлены? Разнообразіе названій не ука-

зывает ли оно на разнообразіе тем? Не приблизились ли мы к міру фантазіи? — проговорил Варли и нервно прибавил: — не к міру фантазій, а к царству видѣній. Слово мір искажает мою мысль. Мір не мой и моим быть не может. А царство — мое. Я хочу вас в него ввести, по меньшей мѣрѣ к нему приблизить. Между фантазіей бездѣльников, праздно суетливых дѣловых людей, банкиров, купцов, строителей и отвѣтственных служащих, которая вся здѣсь, на землѣ, и моими видѣніями — какая разница! Царство видѣній! Там дѣти. Взрослых туда допущено всего нѣсколько человѣк, избранных. О! Как я хочу вас в него ввести.

— Так вѣдь было же условлено, что мы ѣдем искать котловину с пестрыми бабочками.

— Котловину с бабочками.

Варли взял одну из папок и прочел: "Километр 703. Выѣхать из Парижа через Итальянскую заставу на національную дорогу номер 7 значит взять направленіе Средиземнаго моря. А оно колыбель цивилизаціи. Там тысячелѣтіями солнце грѣло черепа как насѣдка грѣет яйца, т. е. ровно в мѣру. В результатѣ из черепов вылупились небывалой точности и ясности мысли. Средиземноморским аборигенам это кажется благопріятным для них законом природы, волею судеб не распространившимся на уроженцев других краев. Удѣл этих послѣдних восхищаться средиземноморцами и признавать свои недостатки. Возможно, что из сознанія такого натуральнаго превосходства вытекло величіе очень полицейской Римской имперіи...".

— Прошу прощенія, — перебил Савелій, — но если я рѣшаюсь вас прервать, то лишь во избѣжаніе возможнаго недоразумѣнія. Должен вам сказать, что мой отец был жандармским полковником.

— Какое это имѣет значеніе?

— Если... например... вы недолюбливаете полицейских и жандармов. В наше время это случается довольно часто.

— Наоборот. Я их старый друг. Они преслѣдуют злодѣев и обезпечивают общественный порядок. Я рад узнать, что вы сын жандармскаго полковника. Продолжаю: "поэтому далеко не всѣм, хотя бы даже в силу рожденія причастным к оставленному Имперіей наслѣдству, она кажется привлекательной. Не была ли она цѣликом распластана по землѣ и не были ли тому причиной как раз ясность и точность мышленія средиземноморцев? Одним от точности и ясности становится страшно. Другіе считают эти свойства оскорбительными. Третьи стремятся переселиться в царство видѣній, или хотя бы как можно чаще туда проникать. Вот этим послѣдним слѣдует на километрѣ 703-м свернуть с національной дороги номер семь и продолжать по департаментальной номер сто восемнадцать. Там лѣс. Неспособные полностью отказаться от спиртных напитков и вина, грубоватые граждане остаются позади, о тѣх же, которых предстоит встрѣтить, позволено пока не думать. В лѣсу — деревья и можно воскликнуть: здравствуй смерть, моя послѣдняя любовница! Знаю, ты улыбаешься. И я тебѣ отвѣчаю улыбкой,

так как мнѣ не страшно, а весело. Я вѣдь вступаю в царство видѣній и в нем смерть то же, что воздух, что свѣт, что тепло или холод, у нея там равныя права с жизнью. Она никакого и никому не кладет предѣла, она сама духовная пища...".

Марк Варли помолчал и прибавил совсѣм другим голосом:

— Я непослѣдователен. Я не соблюл обѣщанія не читать. Конечно, я получил, предварительно, ваше согласіе слушать. Но вот все-таки не соблюл. Идемте в гостиную и давайте поговорим о дѣлах. Кратко. Идите.

В большой комнатѣ, куда они перешли, по стѣнам были развѣшены полотна, а в серединѣ, на высокой подставкѣ, стояла гипсовая копія Донателловскаго Іоанна Крестителя.

— Вот чудо, — сказал Варли, тихонько. — Самое настоящее чудо. Видѣли ли вы это?

Савелій признался, что нѣт.

— Я только успѣл стать на ноги, — проговорил он, — как пришлось скрываться, бѣжать, работать или быть безработным.

— Так смотрите. Постарайтесь представить себѣ, что должно быть в душѣ, в сердцѣ, в разумѣ человѣка, который может изваять такое великолѣпіе?

Савелій смотрѣл долго и внимательно, и когда, отвернувшись, встрѣтился взглядом со старичком, то был тронут свѣтившимися в них добротой и благорасположенностью.

— Да-а, — протянул он. — Поистинѣ великолѣпіе.

— Идите, идите сюда, садитесь в это кресло, оно удобное, — говорил Варли, — я хочу начать дѣловой разговор. И не рѣшаюсь. Я вѣдь мечтатель и диллетант. Эти свойства в практической жизни безполезны, больше того, за них принято осуждать. Но вот: мнѣ проще было от нея отвернуться, чѣм к ней приноравливаться. Всякія в ней вещи, полезныя и вредныя, спасительныя и гибельныя, много там разнообразнѣйших вещей. Но в царствѣ видѣній их еще больше и онѣ гораздо значительнѣй.

— Откровенно говоря — не понимаю.

Савелій искренне недоумѣвал. Он видѣл вокруг себя комфорт, достаток, даже роскошь, и его слегка коробило противорѣчіе между осужденіем дѣлового міра и явным умѣніем хорошо распорядиться своими собственными дѣлами. Больше того: пріятный досуг, который, очевидно, повторялся ежедневно, не увязывался с тѣм, что Савелій оставил дома и это его мучило.

— Конечно вы не понимаете, — произнес Варли, — да и как могли бы вы понять? У меня было отличное служебное положеніе. Представьте себѣ, что я занимал важную должность в таможенном вѣдомствѣ. В результатѣ у меня большая пенсія, к которой прибавьте нѣкоторые личные доходы. Так как я одинок, то и могу себѣ позволить жить совсѣм по-своему, и сравнительно широко. И войти в царство ви-

дѣній. Оно дѣло рук моих это царство, оно, в сущности, мое. И, друг мой, отнынѣ вы в нем.

— Я?

— Да, вы.

Марк Варли почти сбѣгал за папкой.

— Вот, — сказал он, — на этот раз названіе короткое: Хан Рунк. Роман. В нем одно из главных мѣст занимаете вы. Конечно, вы не сам Хан Рунк, а лишь живой экран, на который спроэкцирован образ Хана. Но довольно и этого. И именно из-за этого моего романа я обратил вниманіе на вас у цырюльника. Помните, как, когда вы мыли кисточки и чашечки, я заговорил с вами о котловинѣ бабочек? Все было почти готово. Взаимную зависимость обстоятельств установил я. Она в моем царствѣ видѣній, гдѣ я распоряжаюсь как хочу. В Ханѣ Рункѣ говорится о русском с лицом нѣсколько калмыцким, или монгольским, или татарским, или бурятским, как хотите. И вот вы русскій и у вас именно такое лицо. О самом Ханѣ Рункѣ — проповѣдникѣ и почти пророкѣ — вы узнаете, читая роман. Теперь я только поясню, что он не русскій, и не монгол. Он особенный, он — "подгималайскій". Но вот вы, русскій, с большим вниманіем меня слушали когда я говорил про котловину. Я это замѣтил. И еще замѣтил вашу добросовѣстность. Несложной была ваша работа: мыть, вытирать, разставлять по полкам, выходить в зал по звонку. И все это вы дѣлали скоро и увѣренно, не пропуская, при этом, ни слова из моего разсказа. Я помню, конечно, о вашем согласіи принять участіе в экспедиціи. Но вѣдь котловина у меня дома, в папкѣ с надписью "Километр 703". Понимаете?

Савелію казалось, что он начинает понимать, но если б его спросили, то объяснить в чем дѣло он не мог бы. Марк Варли пришел ему на помощь.

— Моя вѣрная Мари-Жанна скончалась, — сказал он, — и женщина, которая ее замѣняет, болтлива, сварлива, глупа и зла. При этом она ворует. Я, стало быть, рѣшил предложить ея мѣсто вам. Да и то сказать: вы не из цырюльни ко мнѣ явитесь, а живьем сойдете со страниц Хана Рунка.

И так был в себѣ увѣрен Марк Варли, что не нуждался, казалось, в согласіи.

Он унес папку в рабочій кабинет, даже не взглянув на Савелія. Но тот слышал, как укладывая папку, Варли точно ей что-то, слегка нараспѣв, говорил и голос его звучал по особенному.

— Гдѣ я такую интонацію слышал? — спросил себя Савелій.

Густая пелена, разстилавшаяся перед его умственным взором, колыхнулась, разступилась, приподнялась и он увидѣл себя ребенком, бредущим по тропинкѣ, в весеннем, располагавшем к довѣрчивости лѣсу. Савелій был еще молод и нахлынувшее на него воспоминаніе не могло относиться к давно минувшему. Но ему казалось, что оно пробралось сквозь столько лѣт, что вышло из какой-то предшествовавшей

жизни. Он и не попытался разсѣять это впечатлѣніе. Теплый вѣтерок слегка колебал вѣтви. Тропинка кончилась и мальчик стал пробираться меж кустов. Он не знал, куда идет. Он ничего не опасался и ничего кругом не было враждебно. Он не боялся заблудиться, не думал о том, что дома его должны искать. Незадолго до того ему объяснили, что услыхав кукушку ее надо сразу спросить: "Скажи, кукушка, сколько мнѣ осталось жить?". И невидимая, всегда гдѣ-то прячущаяся птица, которая все знает, отвѣтит: один, два, три, четыре... сколько раз прокукует, столько лѣт проживешь. Но маленькій мальчик не понимал, что значит прожить пять, десять, двадцать лѣт. Все-таки, услыхав кукушку, он задал ей вопрос и попробовал считать, но сбился и не помнил когда кукушка перестала куковать: послѣ пяти, шести, десяти раз, или больше, или меньше. И ему захотѣлось добраться до волшебной птицы, посмотрѣть, как она прыгает с вѣтки на вѣтку, как радуется, как счастлива жить в весеннем лѣсу, порхать, подниматься к макушкам, спускаться и снова подниматься. Мальчик перемѣнил направленіе. Все кругом было свѣтло и просто, все благоухало. Но кукушка замолкла. Не было больше кукушки. Потом все померкло, стало темным и он очнулся в постели. Он дрожал, ему было то жарко, то холодно, зубы его щелкали. У постели стоял отец: жесткіе усы, блестящія, орленыя пуговицы, погоны, твердый воротник бѣлаго кителя... "Он приходит в себя", — сказал отец и мягкій, чуть пѣвучій голос этот был точно тѣм, каким Марк Варли обратился к Хану Рунку, в папкѣ.

Савелій встал, тряхнул головой. Думать о концѣ приключенія, о том, как усталый он присѣл у березки, в траву, как долго сидѣл, как ему стало страшно, как задвигались кругом тѣни, как наступила ночь, как его нашли, донесли до дому и уложили в постель, не относилось к вопросу кукушкѣ и ея отвѣтам, было земным, обыкновенным...

Обратившись к Марку Варли Савелій сказал:

— Я приду на работу завтра утром.

Так просто, так естественно было замѣнить цырюльню царством видѣній.

18. — КРОТОСТЬ

Раны Крозье заживали довольно медленно. Теперь он упрекал себя в недостаточном хладнокровіи и в том, что посылая Ламблэ к Болдыревым, поддался побужденію чуть ли не романтическому и не подумал к чему это может привести. Первым послѣдствіем было посѣщеніе его Асунтой, за которым, с полным основаніем, можно было ждать дальнѣйших попыток встрѣч. Возвращеніе же в Вьерзон, тоже поспѣшно рѣшенное, поставило его в положеніе, котораго он не мог не только предвидѣть, но даже и вообразить: дома он оказался окруженным из ряду вон выходящими заботливостью и вниманіем и понял, что обстоя-

тельства исключительныя могут освѣтить свѣтом тоже исключительным области, до тѣх пор остававшіяся в тѣни. Порыв, который он испытал во время погрузки в санитарный автомобиль, казался ему теперь праздным, с той оговоркой, что причины, побудившія его обратиться к Ламблэ, были неожиданными и ранѣе ему невѣдомыми. Во всем этом была стѣснительная двусмысленность. Ни к какому самоанализу он никогда никакого пристрастрія не имѣл и никаким опытом в этой области не располагал. Но совсѣм отогнать мысли о происшедшем, и о продолженіях происшедшаго, он не мог. Бывало, что он составлял в умѣ письмо Асунтѣ, но всегда выходило или недостаточно тепло, или слишком тепло. С другой стороны ступня в гипсѣ и повязка на головѣ мѣшали ему возобновить обычныя занятія. А так как бездѣйствіе было ему в тягость, он распорядился, чтобы в спальнѣ было установлено бюро. Ежедневно, на нѣсколько часов приходила секретарша с письмами и бумагами, которой он диктовал и которая тут же все переписывала. Так длилось часа два утром и столько же послѣ завтрака. Мадлэн казалась удовлетворенной: Филипп не мог ускользать из под ея надзора и — упрекая себя в эгоизмѣ — она надѣялась, что это еще нѣкоторое время продлится. Бывало даже, что она была готова поблагодарить судьбу за крушеніе, так измѣнившее ея мужа. Но тут ей становилось совсѣм страшно: благодарить судьбу за несчастье? Как можно. Когда Филипп начал вставать и дѣлать первые шаги, на костылях, Мадлэн была вся вниманіем, вся предупредительностью, принимая стулья, расправляя складки ковра, прикасаясь к его локтю и повторяя: "тихонько, тихонько, будь осторожным, не утомляйся, не упади...". В нѣдрах сердца ея волны доброты и благодарности смѣняли одна другую, и она почти не смѣла радоваться тому, что Филипп не ворчал и не сердился. Она помогала сестрѣ милосердія, приходившей мѣнять повязку и промывать рану, с такой ловкостью, что та как-то ее спросила, гдѣ она училась ходить за ранеными?

— Может во время войны ?

Мадлэн, смутившись, отвѣтила, что никогда раньше за ранеными не ухаживала.

— В таком случаѣ вы достойны восхищенія, — сказала сестра.

Филипп смѣялся.

— Моя жена не знает своих достоинств, — проговорил он.

Дни шли, раны на головѣ затягивались, на них образовалась новая, нѣжная, розовая кожица, от малѣйшаго напряженія становившаяся красной и воспалявшаяся. Покров был изорван и содран глубоко и на большой поверхности. Шрамы грозили остаться огромными и безобразными. Волосы не отрастали. Глядя на себя в зеркало Филипп раздражался, так как вид у него был почти карикатурный. Таким показаться на фабрикѣ или в Парижѣ было напроситься на слишком много выраженій соболѣзнованія, насчет которых вперед можно было знать, что за ними кроется сдержанный смѣх. Невозможной стала голова Филиппа

Крозье! Не то приплюснутый пѣтушиный гребень на ней образовался, не то огромныя красныя губы. Вынужденное затворничество было тѣм болѣе раздражающим, что ступня, хотя оставалась в гипсѣ, ходить мѣшала все меньше и меньше и костыли ничего смѣхотворнаго в себѣ не заключали.

— Придется носить берет, или колпак, — говорил он себѣ, и как-то спросил Мадлэн, что она об этом думает. Никогда раньше он ей не задавал таких вопросов, и она давно заключила, что ея мнѣніе ему безразлично. Теперь, улыбающаяся и растроганная, почти счастливая она старалась его увѣрить, что хотя шрамы, корки и отдѣльные клочья его и не украшают, — уродства в них нѣт. Когда все затянется, волосы на нетронутых мѣстах отрастут, он сможет их зачесывать на шрамы и почти ничего не будет замѣтно.

— Все равно, — ворчал он, — я похож на бѣглаго каторжника.

— Почему на каторжника? — спрашивала она, и застѣнчиво трогала его локоть.

— У каторжников всегда бритыя головы.

Но для Мадлэн он походил не на каторжника, а на героя.

— Всѣ знают, что ты ранен, — шептала она.

— Конечно, конечно. Но если череп такой, точно его натерли наждачной бумагой, то всѣм смѣшно.

Он примѣрял береты, колпачки, досадовал на себя за то, что такой пустяк пріобрѣл в его глазах столько значенія. Мадлэн же, готовая молить Всевышняго о том, чтобы шрамы оставались красными как можно дольше и волосы отрастали медленно и плохо, старалась его баловать, как и чѣм могла: никогда еще не пекла она таких вкусных и аппетитных тортов, пирогов и лепешек.

"Когда он поправится, — думала она, — он снова будет проводить дни на фабрикѣ и постоянно уѣзжать в Париж".

И робко думала, что теперь, может быть, он будет увозить в сердцѣ своем частичку ея. На большее она не рѣшалась. Засыпая, она улыбалась и молитвы, которым ее научили в дѣтствѣ и которыя она привыкла повторять, заполнились новым и живым содержаніем. Она почти дрожала от суевѣрных опасеній, когда заключала, что все дѣло в душѣ, что надо к душѣ приблизиться и душу приблизить, что сердце послѣдует, что ему, в порядкѣ вещей, отведено не первое, а второе мѣсто. Но образ молодой женщины с блестящими глазами не исчезал. Она, эта брюнетка, с ребенком на руках, была гдѣ-то поблизости, всегда готовая появиться: один невѣрный шаг и она займет несоотвѣтственно большое мѣсто. Кто она?

Догадки Мадлэн не только не были исчерпывающими, но походили на самообман. Довѣренная служащая? Правая рука Филиппа в мастерской? — все это только-только позволяло не терять надежды и далеко не объясняло появленія в госпиталѣ. И Мадлэн упрекала себя в том, что обратилась в незнакомкѣ "со слишком настойчивой просьбой"

(так она опредѣляла свои слова). То, что Филипп был очень болен и что сама она была до послѣдней степени разстроена и взволнована, могло служить частичным объясненіем, но не оправданіем. Оборачиваясь к прошлому, она припоминала подробности замужней своей жизни. Припоминала также, что брак по расчету, в свое время, она сочла за почти оскорбленіе. Вѣдь не было сдѣлано и попытки что нибудь смягчить! Бумага, зарегистрированная у нотаріуса, — вот и все. О сердцѣ, о любви и, тѣм болѣе, о душѣ не возникло и вопроса. От нея потребовали согласія, и, послушная родительской волѣ, она его смиренно дала. А потом, очень скоро, полюбила Филиппа, который остался равнодушным, и вот она стала желать ему счастья, хотя бы с другой. "Оттого, да, именно оттого я так и заговорила", — думала она.

На этот раз она подчинялась не родительской волѣ, а почти сладострастной потребности принести себя в жертву, и, конечно, не понимала всего сокровеннаго смысла тѣх слов, с которыми обратилась к незнакомкѣ. Но от Филиппа внутренній смысл этот, котораго незнакомка не поняла, не ускользнул.

— Позови доктора, — сказал он, как только дверь за Асунтой закрылась.

Когда тот появился, он попросил разрѣшенія выѣхать во Вьерзон. Находя его слишком слабым, доктор возражал. Ему пришлось настаивать. Но своего он добился.

— Но почему, почему? — спрашивала она. — Переѣзд тебя утомит, выздоровленіе затянется. Клинику уже предупредили, задержали комнату. Я останусь в Парижѣ.

— Мы уѣзжаем, — отрѣзал он. — Не задавай мнѣ ненужных вопросов.

И в тот же вечер, в той самой квартирѣ, гдѣ Мадлэн ни разу не почувствовала ни малѣйшаго сердечнаго тепла, гдѣ сам воздух, казалось, был насыщен равнодушіем, вдруг замерцала надежда. Мадлэн дѣлала деликатныя сравненія и тончайшія сопоставленія. Слово тут, улыбка там, небольшое вниманіе, шутка, и все это как бы в результатѣ срочнаго отъѣзда из госпиталя. Все труднѣй и труднѣй становилось Мадлэн скрывать свою — еще непрочную — радость.

С другой стороны Филипп, никогда не задумывавшійся о своей вѣрности Мадлэн, вытекавшей, главным образом, из его равнодушія к женщинам и занятости дѣлами, чувствуя ея влюбленность, ея любовь, почти радовался тому, что у этой вѣрности возникает настоящій смысл. Он стал допускать возможность перемѣны в укладѣ семейной жизни. Но он был противником ложных положеній и недоговоренностей. Между тѣм налицо были признаки путаницы, в которой ему было непріятно разбираться. Не раз, просыпаясь в час, предшествующій разсвѣту, когда всякія в головѣ бродят мысли и разные чередуются образы, он почти видѣл взгляд блестящих глаз, в которых, казалось ему, стоит вопрос. Он испытывал безпокойство и нетерпѣніе. "Пока не

поздно...", — говорил он себѣ. Но что предпринять пока еще было "не поздно", не знал. Он упрекал себя в нарушеніи слова — не обѣщал ли он найти работу? И он терялся. С одной стороны смиренная любовь Мадлэн, с другой... "Что с другой?.." спрашивал он себя в предутренній этот час.

А потом засыпал и когда просыпался, Мадлэн приносила ему на подносѣ утренній завтрак, поджаренные ломтики хлѣба, масло, мед, варенье, — все на красивых тарелочках, в изящных вазочках, и спрашивала, можно ли ей выпить кофе возлѣ него? И раз немного задержалась, чтобы подарить три особо красивых беретика, ея работы. Филипп был тронут больше обычнаго и поцѣловал ее в обѣ щеки. Она смутилась и поспѣшила выйти. Вскорѣ появилась секретарша, с письмами, затрещал телефон. Говорили из Парижа, чтобы сообщить о текущих дѣлах и сказать, кстати, что в мастерскую приходила молодая женщина, справиться о рѣшеніи принятом касательно ея поступленія на работу. Она была в курсѣ крушенія и спросила о здоровьи Крозье, прося ему передать, что продолжает быть без мѣста. Положив трубку, Филипп продиктовал секретаршѣ: "Г-жѣ Болдыревой. 15, улица Байяр. Париж-8. Глубокоуважаемая г-жа Болдырева, мнѣ сообщили о вашем визитѣ и вашем желаніи быть освѣдомленной насчет возможности предоставить вам должность. Как вы знаете, я был ранен во время желѣзнодорожнаго крушенія. Мое здоровье не позволяет мнѣ еще покидать Вьерзон. Надѣюсь однако, что в скором времени я буду в состояніи возобновить поѣздки в Париж, о чем дам вам знать, и мы тогда посмотрим, что можно будет сдѣлать. Прошу вас принять завѣренія в совершенной преданности".

Он подписал, заклеил конверт и адрес проставил своей рукой.

19. — МЫСЛИ И СЛОВА

Если Филипп Крозье, отправив это письмо, испытал облегченіе — ему казалось, что оно устраняет двусмысленность, — то для Асунты дѣловой тон его был ударом. Она вступила в череду дней, из которых каждый был тщетным ожиданіем и предшествовал проникновенію в лабиринты безсонниц. В ту пору она была охвачена непреодолимым влеченіем, настолько непреодолимым, что порой думала о наважденіи, или о наслѣдственном душевном изъянѣ. Безпокойство, ревность, униженіе, нѣжность и желаніе раздирали ее на части. Она и не пыталась противиться, считая, что безропотное подчиненіе дѣлает время ея сообщником: за испытаніями не слѣдует ли вознагражденіе? И если она допускала, что в ней продолжают жить отголоски дѣвическаго романтизма, то только, чтобы тотчас увидать, что нѣт, и не может быть, общей мѣрки между этим романтизмом и тѣм, что овладѣло теперь и душой ея, и тѣлом. Не сравнивала она это ни с путем, в концѣ котораго муку должна смѣнить тихая грусть — похожая на смиренную

бѣдность заступающую излишества богатства; не манили ее и соблазны приключеній, которым — она знала — так часто поддаются надѣющіяся смѣхом, танцами, шампанским заглушить голос разочарованія. Думала Асунта и о Савеліи, но, по большей части, мысли эти заводили ее в тупик. Савелій продолжал быть внимательным и терпѣливым. Когда он заговорил с ней о Маркѣ Варли, у котораго он теперь работал, она не стала его слушать.

— Опять насчет котловинных бабочек, — замѣтила она с рѣзкостью. — Давай лучше помолчим.

Недѣлей позже он возобновил свою попытку.

— Не в бабочках дѣло, — сказал он, — и не в котловинѣ, а в новости, которая касается нас обоих. Варли настаивает...

— Да. На чем он настаивает?

— У него много рукописей. Он хочет чтобы я проводил у него больше времени и занялся бы иллюстраціями.

— Ну и что же?

— Я думаю согласиться, хотя из-за этого мнѣ придется возвращаться домой еще позже, так как я буду обѣдать у него.

Позже возвращаться, работать в цырюльнѣ, работать у Варли, вытирать пыль, мыть посуду, иллюстрировать рукописи — какая разница? Все, что она от него требовала, это чтобы он зарабатывал. Подробности ей были безразличны.

— Да, иллюстраціи, обѣд у Варли, — протянула она.

— Я буду больше получать.

— Пріятная новость.

— Хорошо, что хоть изрѣдка, но все-таки бывают пріятныя новости, — промолвил он, спокойно. И спокойствіе это ее вдруг раздражило. Ей показалось, что окончательнаго объясненія и разрыва все равно избѣжать будет нельзя. Почувствовав, что нервы ея сдают, она крикнула:

— Ну и что ж? Ну и что ж еще? Говори: что еще?

Вѣрный принятому как-то ночью рѣшенію "молчать" он, ничего не отвѣтив, стал перебирать на столѣ газеты и бумаги. Тогда ей пришли на память обрывки гдѣ-то и когда-то слышанных фраз: был бы ты горяч или холоден. Но ты тепел. И я изблюю тебя из уст своих.

"Кто мнѣ послал это сравненіе?" — подумала она.

Рождество и Новый Год они не отмѣтили ничѣм, не нарядили елочки, ни к кому не пошли и никто к ним не заглянул. Даже Христина не получила никакого подарка и Савелій не прерывал работы. Теперь, глядя как он раскладывает бумаги, она спрашивала себя, в чем, собственно, ея цѣль? И припоминала, как нѣсколькими днями раньше рѣшила приступить к дѣйствіям. Оставив Христину одну дома она поѣхала в сборочную мастерскую, гдѣ ее принял служащій, лицо котораго показывало, что он страдает несвареніем желудка. Он согласился ее выслушать только послѣ того, как она упомянула о желѣзнодорожном

крушеніи. Она возобновила просьбу о работѣ и он обѣщал поговорить с Крозье.

Когда, через день, швейцариха подала Асунтѣ письмо, она не сразу его вскрыла. И прочтя была больше чѣм разстроена. Приноравливаясь к обстоятельствам как хамелеон приноравливается к окружающим его расцвѣткам, она допустила все-таки, что не все кончено: не стояло ли в текстѣ, что по возобновленіи поѣздок в Париж он даст знать и "мы тогда посмотрим, что можно сдѣлать"? Не было ли это указаніем на предстоящую встрѣчу?

20. — РѢШЕНІЕ ПЕРВОЕ

Протекло еще недѣли двѣ, наполненных напрасным ожиданіем. В самом концѣ второй из этих недѣль Савелій вернулся гораздо раньше, чѣм всегда. Он был очень возбужден, отчего ея враждебность к нему сразу возросла.

— У меня опять новости, — начал он, и на мгновеніе замолк, точно отступил на шаг, чтобы взять разбѣг.

— Вот, — продолжал он. — Марк Варли, с которым у меня установилось тѣсное сотрудничество, хочет чтобы я переѣхал к нему.

— А-а! Мы, значит, останемся тут вдвоем с Христиной? — протянула она недовольно, едва ли не презрительно.

— Вовсе нѣт. Мы переѣдем всѣ трое.

Теперь она смотрѣла на него почти со страхом.

— Как? — промолвила она.

— Вот так, как я сказал. Я принял предложеніе Варли потому, что такого случая упускать нельзя.

— Мы, значит, будем прислугой?

— Тебѣ придется немного готовить. Покупки, уборка, посуда — все это я беру на себя. Кромѣ этого у меня будут другія обязанности. Но дѣла наши устроены прочно.

— Да, — прошептала Асунта.

Возникшее в ней было желаніе протестовать она подавила, так как замѣтила, что взгляд Савелія похож на стальное лезвіе. Ей почти страшно стало. Да и кому угодно стало бы не по себѣ от этого неяркаго поблескиванія. "Такіе глаза могут быть у судьи, читающаго приговор", — думала Асунта. Она готова была себѣ представить, что тюремщики вот-вот схватят ее за локти.

— Мы переѣзжаем завтра, — продолжал Савелій, — и я все устрою сам. Чтобы не утомляться, ты с утра отправишься на улицу Васко де Гама, к твоим знакомым, и вечером пріѣдешь оттуда на такси. Вот деньги.

— Да, — проговорила Асунта.

21. — МАЛЕНЬКІЙ МАЛЬЧИК

Вечером, усаживаясь в такси, с Христиной, Асунта попросила шофера заѣхать на улицу Байяр. Швейцариха сказала, что никто не заходил, что Асунту успокоило: разминуться было бы болѣе чѣм досадно. Подтвердив новый адрес она дала швейцарихѣ нѣсколько франков. Вторая часть пробѣга была длиннѣй первой. Сумерки сгустились и улицы уже сверкали всѣми огнями. Асунта узнала нѣкоторыя авеню и отличила нѣкоторыя церкви, потом Восточный и Сѣверный вокзалы. Затѣм огни стали рѣдѣть и со всѣх сторон надвинулись тѣни, казавшіяся ей и мрачными, и угрожающими. Фабричныя трубы, торчавшія из-за кирпичных стѣн, канал, трущобы, скользкіе тротуары, все то, что в свое время подавило Савелія, теперь подавляло и ее.

— Далеко ли еще? — спросила она у шофера.

— Подъѣзжаем, — отвѣтил тот, и почти тотчас же автомобиль вынырнул из заводского пригорода, проѣхал нѣсколько сот метров по широкому авеню и остановился около новаго и красиваго дома. Передняя была просторна и хорошо освѣщена, лифт удобным и безшумным. Дверь квартиры распахнул сам Савелій, который имѣл вид спокойный и довольный. Отведенная Болдыревым комната была обширна, прекрасно меблирована. Савелій успѣл разставить по полкам их немногочисленныя книги и повѣсить два-три русских пейзажа. Привез он с рю Байяр кое-какую мебель, столики, полки, кроватку Христины.

— Остальное я помѣстил в погреб, — сказал он. — Тут нам будет очень хорошо. Я все сдѣлаю, чтобы ты не уставала и чтобы у тебя не было никаких хозяйственных забот.

Асунта поморщилась:

— Мнѣ все-таки придется быть кухаркой. А старичок? Как он? Гдѣ он сейчас?

— Он занят. Он поручил мнѣ тебя встрѣтить и просит извинить, что не принял сам. Он придет представиться позже. Ты увидишь, какой он симпатичный. И еще увидишь, что он особенный и что мы у него совсѣм не на положеніи прислуги.

Помѣщеніе, дѣйствительно, не имѣло ничего общаго с помѣщеніем для прислуги, а нѣкоторая церемонность встрѣчи Савелія, явно отражавшая пожеланіе самого Варли, тоже служила указаніем. Асунта допустила, что у вчерашняго рѣшительнаго тона Савелія могли быть основанія. Ей стало спокойнѣй и она испытала даже нѣкоторую благодарность к мужу, когда тот, час спустя, сказал, все таким же немного торжественным тоном, что Варли откладывает знакомство на завтра и просит его извинить.

— Он с головой ушел в работу, — пояснил Савелій, — и попросил меня пробыть с ним до полуночи. Он хочет дать мнѣ подробныя указанія насчет нѣкоторых иллюстрацій. До того я вас всѣх накормлю.

На подносѣ, который он затѣм принес, было как раз то, что Асунта

больше всего любила. "Савелій может быть предупредительным когда того хочет", — подумала она.

Он дал ей папки с рукописями.

— Посмотри и, если покажется интересным, почитай, — произнес он, — это тебѣ поможет составить себѣ представленіе о нашем хозяинѣ. И не жди меня. Уложи Христину и ложись сама.

Широкая постель, в которую Асунта скользнула, показалась ей мягкости необычайной. Тонкія простыни пахли душистым мылом. Воздух в комнатѣ был пріятно теплым и небольшая лампочка у изголовія проливала неяркій свѣт. Асунта взяла папку, из которой выскользнул сдѣланный тушью и гуашью набросок.

— Это Савелій так нарисовал? — спросила она себя. Она знала, что Савелій способен к рисованію, но то, что было теперь перед ея глазами, ее удивило. Савелій легко схватывал сходство и кроки его всегда были и живы, и немного удивительны из-за каких-то "отраженій" этого сходства, в одном случаѣ болѣе, в другом менѣе явственных.

Когда Савелія спрашивали, что он хочет этим выразить, он попросту отвѣчал, что "так ему кажется красивѣй" и что никакого замысла у него не было.

Текст начинался с оборванной фразы — видимо предшествовавших листков не хватало: "...открыта, — прочла Асунта. — Закрой дверь, сейчас же закрой дверь, закрой ее, — кричал я. — Я был внѣ себя. Ея перекошенное лицо и блуждающіе глаза были хуже оскорбленія, хуже поношенія. Мнѣ хотѣлось ее бить, избить, убить, не сразу, а послѣ истязаній. Но это было невозможно. Мы жили в гостиницѣ, в тѣснотѣ. Все, как есть, что творилось за тоненькими стѣнами, было слышно. Сверх того, по коридору, мимо двери, все время проходили: жильцы, их гости, намазанныя женщины в хорошо отглаженных кофточках, сгорбленныя старухи и дѣти. Она, не оборачиваясь, старалась нащупать за спиной ручку двери. — Скорѣй! — завопил я. — Гораздо скорѣй! — Из сосѣдней комнаты донеслись хриплыя замѣчанія и дурацкіе смѣшки. — Он объяснил, — сказала она, заперев, наконец, дверь и глядя куда-то в безконечность, — что отец правды не мог не знать, что правда невозможна, и что ложь полезна. Выходило, что отец правды лжет, осуждая и запрещая ложь. — Она хотѣла еще что-то прибавить, но не посмѣла. Она опустила глаза. А я не мог оторвать своих от нея. — Ни одна женщина не сложена так великолѣпно, думал я, ни одному скульптору не могло удасться воспроизвести такое совершенство. И прибавьте рѣсницы. Королевскія рѣсницы! — Не смѣй ходить в это капище, не смѣй его слушать, — сказал я, — он тебя сведет с ума. — Она сложила руки и вздохнула. Тогда, в который раз, я почувствовал, что все равно сдамся. — Иди, иди, — стал я умолять. Она пріоткрыла губы — красныя, гладкія, влажныя — и улыбнулась. — Ты ему сам повинуешься, — сказала она, — может через меня, но повинуешься, хотя никогда его и не видѣл. Ты чувствуешь, что он прав. Оттого он и власть захватил, что прав. — Чтобы

проникнуть взглядом в мои глаза она подняла рѣсницы. Что я говорю подняла? Точно тѣни разогнала! Она возвращалась. Вся красота была снова мнѣ. Я даже прошептал: кому красота, мнѣ? — Тебѣ, — сказала она. — Вся? — Вся. — Я смотрѣл, как она разстегивает шерстяную кофточку и увидѣл сверкающую кожу...".

Сдѣланная тушью и гуашью иллюстрація была как раз тѣм, что нужно. Были ли рѣсницы опущенными или вскинутыми? Лился ли свѣт из под них, или сквозь них, или из какого-то скрещенія линій, из обводов облаков, проплывавших сзади, или исходил от розовых плечей и груди? Лишь концы пальцев, сжимавших край разстегнутой кофточки, и красныя губы были нарисованы точно: подожди минутку, говорили эти губы, эти пальцы, сейчас, сейчас...

"От бабочек котловины до этого", — думала Асунта.

Но уже мелькали строки из другой папки.

"Зевес был внѣ себя, но нѣкоторые из богов хохотали во все горло. Гермес пролетал на сажень над песком и легендарная дѣловитость его лица выражала всю его сущность. Персефона была грустной. Она не обращала вниманія на то, что вѣтер разорвал ея тунику почти до пояса и что она развѣвается по вѣтру обнажая ея довольно толстыя ноги. Эта полуоголенность, так же, как сжимавшіе большія груди пальцы, могли быть признаками сдержаннаго неудовольствія. Позади синее море на вѣки вѣков разстилалось от края и до края вселенной. На пескѣ бѣлѣла галька и, окруженная женихами, Пенелопа стояла в тѣни священнаго лѣса, неподалеку от портика храма. А он! А Терм! Под напором урагана, вырывавшагося из надутых щек и губ Зевеса, он стремительно бѣжал задом. С того мѣста, гдѣ собралось большинство богов, он казался движущимся пятном, но Пенелопѣ и женихам все было видно отлично. И всѣ они: и сама Пенелопа, и женихи свистѣли, хлопали в ладоши, присѣдали, приплясывали и кричали: так тебѣ и надо, обманщик, злодѣй, порожденіе гадюки, отпрыск скорпіона, — и шум прибоя не заглушал их голосов".

Как ни были пышны и растрепаны завитки бороды и усов Терма, они не покрывали его огромнаго, разинутаго рта. Страх, злоба и досада сквозили в глазах. Сзади было синее, с бѣлыми барашками, море и такое же синее небо, которое пересѣкала сложная сѣть кривых и прямых линій: всѣ пути міра! Асунта, никогда не прочитавшая ни единой строчки из Одиссеи, да и о греческой мифологіи почти ничего не знавшая, не понимала. Но неимовѣрная злость, свѣтившаяся в глазах Терма, и в чем-то напоминавшіе нимб растрепанные волосы, были так переданы, что она испытала душевное стѣсненіе.

— И почему этот нимб кажется пагубным? — спросила она себя, откинувшись на подушку и щурясь на розовый абажур.

Ее коробила мысль, что в эту самую минуту Савелій, вѣроятно, обсуждал с Марком Варли что-нибудь подобное. Она снова взяла первую папку.

"...затылок, волосы, плечи, — прочла она, — отчасти прятал вы-

ступ стѣны, отчасти сгрудившіеся кругом молельщики. В узкой моей нишѣ я не мог пошевельнуться, но видно мнѣ было хорошо. Зал был невелик. Всѣ присутствовавшіе стояли. Почти сразу я услыхал его голос. Его голос! Едва он начал говорить — водворилась полная тишина. Я ничего не помню из того, что он сказал. Было ли это интересно? Глупо? — не знаю. Но была в его голосѣ музыкальная убѣдительность. Так дѣйствует на иных пѣсня, или военный марш, или дуэт, или соната... Кромѣ того я мог ее видѣть. Она выдѣлялась из толпы на подобіе рифа, выдѣляющагося из моря. Она была улыбающейся богиней. Черные локоны и розовая ленточка рубашки, виднѣвшаяся на плечѣ, с котораго соскользнула кофточка, пріоткрытыя губы, легкій, круглый подбородок. Ея красота — мнѣ? Или ему? — думал я, содрагаясь от ненависти, проклиная его зачаровывавшій голос и повторяя себѣ, что если она от него не отвернется — я ее убью. Я мысленно воспроизводил всѣ подробности мнѣ так хорошо извѣстнаго ея тѣла, теперь отдѣленнаго от сжимавшей ее толпы только тоненькой матеріей, и думал, что она, навѣрно, хочет слиться с этой толпой, чтобы с ней вмѣстѣ лучше подчиниться магіи его голоса. Лучше было умереть, чѣм ее ему уступить. Она сама меня толкнула к смерти, к смерти, тѣм, что помогла незамѣтно проникнуть в проклятую эту молельню. Когда он кончил, они всѣ, хором, ему отвѣтили что-то похожее на аминь, но что именно, я не разобрал...".

Соотвѣтствовавшая этому отрывку иллюстрація изображала толпу, и в женщинѣ с розовой ленточкой на плечѣ Асунта узнала себя. Она с яростью отбросила папку, которая соскользнула на ковер, вскочила, подбѣжала к кроваткѣ Христины, вернулась в постель, снова вскочила.

— Они меня впутают, они меня затянут в их исторіи котловин и молелен, бабочек и Зевесов, они меня загубят... — почти стонала она. — Теперь я понимаю, почему он вчера говорил таким тоном... приказывал, не спросил моего согласія. Но я не согласна, не согласна, не хочу! Я попрошу Филиппа меня спасти, меня отсюда вытащить. Как только он придет — попрошу! Заставлю!

На стѣнѣ было большое, овальное зеркало. Асунта подошла к нему и, увидав себя в простой бѣлой ночной рубашкѣ, подумала, что Филиппу она предпочла бы показаться в великолѣпной, розовой, шелковой, с вышивками и кружевами.

— И не будет никаких Зевсов, никаких бабочек, молелен, толпы никакой не будет, — продолжала она думать вслух, — и наши комнаты будут еще больше, еще лучше обставлены, ковры будут еще мягче. И мнѣ не придется готовить. У меня будут кухарка и камеристка.

Она хотѣла было собрать разсыпавшіеся по полу листки, но, раздражившись, оставила их валяться на полу, забралась в постель, сбросила лежавшую на одѣялѣ еще одну папку, потушила свѣт, повернулась на бок чтобы заснуть.

— Только бы пришло от него извѣстіе, — шептала она, — и я заставлю его принять рѣшеніе. А Савелій пусть отправляется искать

котловину со своим старикашкой, и рисует Одиссеев и Пенелоп. Что мнѣ до них?

Сон подкрадывался к ней тихонько и таким казался успокоительным, что Асунта ему улыбнулась. Она еще улыбалась, уже во снѣ, когда он немного отстранился чтобы пропустить легкое движеніе, позволить услыхать шопот.

— Кому эти слова? — спросила она себя и, совсѣм проснувшись, почувствовала присутствіе Савелія. Он очень нѣжно взял ея руку.

— Мальчик, — сказал он, тихо, — только я не совсѣм понял, каким он должен быть. Но он непремѣнно хочет мальчика, мальчик нужен. Потом он прочел то, что написал, но слишком скоро. Про мальчика-проводника. Он должен показывать дорогу тѣм, которые уходят, уводить их. У него собачка, бѣлая, на ремешкѣ. Но может быть и так, что когда одни уходят, другіе как раз приходят. И еще он говорил о подземной часовнѣ-пещерѣ. Он про это начал писать, но он плохо себя чувствует и не знает, скоро ли кончит. Он и сейчас продолжает писать. Я ушел потому, что мнѣ надо рано вставать, а он может спать хоть весь день. Он требует, чтобы все было на мѣстѣ, чтобы все было чисто, все сверкало. Ты сама завтра увидишь. Не безпокойся насчет готовки, я и готовить буду, я все буду дѣлать, я хочу чтобы ты была спокойна и счастлива.

Асунта чувствовала слабость, томленіе. Ей захотѣлось помощи, опоры, чего-то вродѣ защиты. В памяти ея промелькнули сблизившіе ее когда-то с Савеліем часы, дни, тѣ, которые они считали своими дорогими, счастливыми, — и заслонившая их горючая страсть отступила. Разногласія, упреки, ссоры, все, что подкрадывалось мелкими шажочками и исказило их жизнь, показалось ей напрасным и ей хотѣлось думать, что никогда всего этого не произошло. Асунтѣ было сладко согласиться. — "Мальчик? мальчик с бѣлой собачкой? Мальчик-проводник?" — прошептала она, потянувшись к Савелію. И было это их послѣдней близостью.

22. — СТАРИЧОК

Когда она, на утро, проснулась, то прежде всего почувствовала вражду к окружавшему ее комфорту и, вернувшись мыслью к случившемуся ночью, с отчаяніем прошептала: "Ну как я могла? Как могла?" Все в том, как произошел переѣзд, не терпѣвшій возраженій тон Савелія, поспѣшность, потом подчеркнутое вниманіе, ласковость, заботливость, наконец, чтеніе листков Варли и иллюстраціи, было как фазы заговора, во всѣх подробностях обдуманнаго, все предусмотрѣвшаго.

— Я и Филиппа обманула, и себя саму, потому, что меня заманили в западню, — думала она. — Бѣжать? Но куда бѣжать? И как я могла? Из-за исторіи мальчика с собачкой, из-за того, что он так ласково ее разсказал? Точно заворожил. Я стала как в бреду. И все это

в квартирѣ сумасшедшаго старикашки. Да кто же он такой, со своими бабочками, проповѣдником, Зевесом, как не сумасшедшій?

Она взяла со стола еще папку, и со злобой стала читать:

"...от оболочки к содержимому. От того, как одѣто и от манеры одѣвать (в этом случаѣ разсужденіе шло в обратном порядкѣ, но так ли это важно?). Напримѣр: засѣданіе правленія общества с ограниченной отвѣтственностью. Членов этого правленія легко себѣ представить в пиджаках, с галстуками, хорошо обутыми. Но вообразить их в пачках, с ожерельями на толстых шеях, в балетных туфельках, было бы ошибкой и карикатурой. Допустив, что тѣло одежда души, можно себя спросить, в чем выразились бы результаты ошибки и что было бы карикатурно? Рожденія и кончины идут непрерывным потоком, души втекают в тѣла и из тѣл вытекают все время и во всем мірѣ. Механика этого движенія должна быть такой же точной, как механика небесных тѣл. И все-таки, кто знает, может быть, в видѣ исключенія подтверждающаго правило и можно допустить, что бывают ошибки, т. е. что душа не в тот тѣлесный наряд попадает, куда ей попасть назначено и что тѣло в таком случаѣ ей подойдет так же как и пачки и балетныя туфельки членам правленія общества с ограниченной отвѣтственностью... — И это он тебѣ объяснял на собраніях в своем капищѣ? — завопил я. — Этим он вас пичкает вздором? И вы его, разинув рты, слушаете? Бѣдные, бѣдные вы дураки и дуры, бѣдные, несчастные. — Это не вздор, — отвѣтила она и в который раз мнѣ показалось, что за нее, ея голосом говорит кто-то другой...".

— А я тут, я тут, в их логовищѣ, — простонала Асунта. — Я погибла, я пропала, я продана.

Ей хотѣлось плакать, сучить ногами, кусать губы. Но она не могла подавить желанія продлить чтеніе.

"...Ты сам знаешь, что когда он начинает говорить, его слушают. У него власть. Она сквозит в каждом его словѣ. Но когда его слова повторяют другіе, то они становятся холодными. Поэтому ты думаешь, что слышишь вздор".

"...все кажется странным у безумцев, — стояло ниже. — Имѣющіе уши да слышат: души безумцев в их тѣлах. И чтобы лѣчить их души, лѣчат их тѣла. Ну а если налицо ошибка? Если душа не в предназначенное ей тѣло попала? — И он объяснил, как избѣгать ошибок? — почти прорычал я".

Асунта вздрогнула. "Этой ночью была ошибка, — подумала она. — Моя душа не была согласна". Она положила папку на столик и замѣтила, что рука ея дрожит. "Это та душа дрожит, — прошептала она, — душа, которая уже во мнѣ и которая должна была быть в другой. Душа мальчика". Она не слышала и не видѣла, как пріоткрылась дверь, но испытала что-то похожее на электрическій разряд.

— Что такое? — крикнула она.

— Я принес кофе, — отозвался Савелій.

— Я не хочу кофе, я не хочу тут оставаться, у меня все сожгло внутри, я задыхаюсь, я ненавижу твоего старика!..

— Асунта, Асунта, не надо, не волнуйся, мы пересмотрим рѣшеніе если тебѣ тут так плохо. Прошу тебя: потерпи немного. Варли болен. У него сильный жар.

— Пусть болен! Пусть помирает! Мнѣ все равно. Забери листки, забери рисунки, не хочу их видѣть. Не могу.

Она стала плакать, потом разрыдалась. Савелій смотрѣл на черные волосы, на смуглое плечо и досадовал на себя за неспособность ни утѣшить, ни проявить "твердость". "Молчаніе, — повторял он себѣ, — все, что мнѣ остается, это молчаніе". Он поставил поднос на столик и вышел. И тотчас же Асунта побѣжала раздвинуть занавѣску. Небо было низким и сѣрым, со всѣх сторон плыли дымы и пары, на вѣтках деревьев дрожали капельки. Прозвенѣл звонок. Она насторожилась. Снова вошел Савелій. Раздѣтая, босая, со спутанными волосами она спросила:

— Что?

— Тебѣ пневматическое письмо.

Асунта прочла: "Мадам, я пріѣхал сегодня в Париж и узнал на улицѣ Байяр ваш новый адрес. Было уже поздно, чтобы так далеко ѣхать. Посылаю эту записочку, которую вы получите завтра утром. Надѣюсь, что вы оба окажете мнѣ честь со мной пообѣдать, и буду считать отсутствіе отвѣта за разрѣшеніе зайти за вами завтра вечером. Мы обо всем подробно поговорим. Прошу вас принять" и т. д.

Через час, тщательно причесанная и одѣтая в лучшее из своих двух платьев, она давала Христинѣ кашку. Все, что Савелій ей сказал о состояніи здоровья Варли и о необходимости срочно вызвать доктора, оставило ее равнодушной.

— Вот, — протянула она ему пневматичку, — приглашеніе на сегодня вечером.

Савелій прочел и объяснил, что домашнія обстоятельства: уборка, доктор, аптека, покупки, займут все его время и что оставить больного старика вечером одного он не может.

— Крозье это все поймет. Вы пообѣдаете вдвоем, — кончил он.

Немного позже, толкая перед собой колясочку, Асунта не обращала ни малѣйшаго вниманія на то, что ее окружало: набережная, Елисейскія Поля, фабричный пригород — не все ли равно гдѣ прогуливать Христину? Приготовленный Савеліем завтрак был проглочен наспѣх. Когда раздался звонок и Савелій впустил доктора, она подумала, что вечером непремѣнно откроет сама. Діагноз и лѣченіе ее не заинтересовали нисколько, но ей пришлось отнестись с вниманіем к тому, что Савелій сказал про колокольчик, который Варли, на всякій случай, держал под рукой. Савелій попросил Асунту внимательно слушать, не раздастся ли звон когда он пойдет за лѣкарствами.

Она возобновила діалог с одиночеством. Чуть ли не с шумом текла по ея жилам кровь, мѣшая замѣчать что бы то ни было: и комнату,

и подступившую к самым стеклам сѣрую мразь, и даже Христину. Когда же до нея донесся негромкій звук и, повернувшись, — она увидала что дверь слегка вздрагивает, ей пришлось сдѣлать усиліе, чтобы цѣликом вернуться к реальности. Медленно, медленно дверь пріоткрылась и высунулось лицо, желтое, сморщенное, с отвислыми щеками, со слишком низким и широким подбородком. Тонкія безкровныя губы странно двигались, пытаясь, повидимому, сложиться в улыбку. Мутные глаза были полу-прикрыты и из-под чернаго, шелковаго колпачка выбивалась прядь сѣдых волос. Тонкая шея, с непомѣрно развитым кадыком, была вся в морщинах и напоминала шею черепахи.

— А-а, — испугалась Асунта, не поняв, что это Марк Варли.

— Я звонил колокольчиком, — отвѣтил тот, с мягкостью, — но вы вѣрно не услыхали. Может быть вы как раз отдыхали?

— Нѣт. Я просто задумалась, — отвѣтила она, сухо.

Ей было стыдно, но в то же время в ней росло отвращеніе.

— Извините, что я вас побезпокоил, — продолжал Варли так же застѣнчиво, — но я хотѣл бы забрать рукописи.

Асунта встала и сдѣлала шаг к столику, на котором лежали папки.

— Нѣт, нѣт, я возьму сам, — произнес он и вошел в комнату. На нем был мягкій шерстяной халат, туфли на босу ногу и он опирался на крючковатую палку. Его походка была удивительной: очень медленной и, в то же время, порывистой. Он был очень сгорблен, и общее впечатлѣніе, им производимое, было угнетающим.

— Я болен, — почти шептал он, — и прошу извинить за непрезентабельный вид и за то, что вас безпокою.

Он сдѣлал еще два шага и сѣл в кресло. Асунта положила ему на колѣни папки.

— А-а! Вот рукопись. Это Хан Рунк, — проговорил он. — Мой Хан Рунк.

Видимо он ждал отвѣта, но Асунта молчала.

— Вы знаете? — спросил он.

— Что знаю?

— В этом романѣ все. Простите, если я говорю не совсѣм связно. Мои мысли не вполнѣ ясны, вѣроятно из-за температуры. Но Хан Рунк...

— Хан Рунк? — прошептала Асунта.

— Да. Хан Рунк. Я никак не мог предположить, когда писал, что кто-нибудь будет так соотвѣтствовать образу...

— Образу Хана Рунка?

— Нѣт, не самого Хана. Хан был высокаго роста, черноволосый, с блестящими глазами. Как ваши. Но тот, другой.

— Какой другой?

— Тот, который слушал и запоминал. Он только раз был в молельнѣ, да и то из любопытства. Он был азіат, с глазами, как щелочки,

вокруг которых были морщинки. Когда я встрѣтил вашего мужа в парикмахерской...

Варли слегка посмѣялся, и смѣх его напоминал дѣтское потягиваніе носом.

— Я сразу понял, что он мнѣ необходим, — продолжал он, — и рѣшил его заполучить. Да и не был ли он уже отчасти здѣсь, в папкѣ?

Он надолго замолк, видимо ожидая отвѣта, или хотя бы улыбки. Но Асунта оставалась как из льда.

— Я не знал, что он умѣет рисовать, — заговорил старик, — да еще как? Именно как мнѣ хотѣлось. У него такая тушь, такой штрих, что навѣрно он видит Хана лучше чѣм я сам... мог бы... его видѣть...

Тут силы покинули Марка Варли. Голова его упала на грудь, он еще больше сгорбился, закрыл глаза.

"Уж не помирает ли он? — подумала Асунта. — Сказал все, что хотѣл и помирает".

Варли захрипѣл, попробовал поднять голову и прошептал:

— Я преувеличил свои силы. Я не смогу дойти до своей комнаты.

Взгляд его стал умоляющим и испуганным. Но у Асунты это не вызвало ни малѣйшаго соболѣзнованія. Все же она попробовала помочь ему встать. Напрасно! Ей уже начинало становиться страшно, когда дверь распахнулась и вошел Савелій. Он зло на нее взглянул и стал помогать. Но Варли был как мѣшок, ноги его не слушались, голова тоже. Отстранив жену, Савелій взял старика на руки как ребенка и донес до его комнаты, гдѣ, с помощью Асунты, уложил в постель. Все в полном молчаніи. Только когда Варли был хорошо укрыт, Савелій, не оборачиваясь, сказал Асунтѣ:

— Иди к себѣ.

Она послушно вышла. И, сѣв в кресло, долго оставалась лицом к лицу с минутами и часами служившими условным руслом для безпорядочно текшаго времени. Было ли его теченіе скорым или медленным — она не знала. Связь ея с ним была, в тот вечер, почти оборваной.

Но миновало и это. Когда стемнѣло, раздался звонок и она, встрепенувшись, побѣжала открыть. На порогѣ стоял телеграфист.

— Мадам Болдырева? — спросил он и, услыхав утвердительный отвѣт, протянул депешу.

В комнатѣ, под розовым абажуром, Асунта прочла:

"Прошу извинить был вынужден срочно выѣхать Вьерзон подробности письмом Крозье".

Воздух, освѣщеніе, тепло, наполнявшіе комнату, ея комфорт — не было ли все это кѣм-то предусмотренными ступенями истязаній? Так ей казалось. И с отчаяніем она повторяла:

— Но того, что было этой ночью, не будет никогда, никогда, никогда. Лучше с собой покончить, чѣм это.

23. — ОСНОВНОЕ ПРАВИЛО

Асунта ошиблась, когда, сравнив неожиданный отъѣзд Крозье в Вьерзон с его бѣгством из госпиталя, сочла его за новое уклоненіе от встрѣчи.

Правда была в том, что Крозье получил в то утро телеграмму о постигшем его отца ударѣ. Ближайшаго поѣзда нужно было ждать чуть ли не до вечера и проще было нанять большой автомобиль. Пока он пробирался сквозь заторы у застав, Крозье оставался задумчиво-разсѣянным и мыслями своими овладѣл лишь когда за окном начали чередоваться пустыя зимнія поля и безлистныя рощи.

Совсѣм неожиданным полученное им извѣстіе не было: здоровье отца вот уже нѣсколько мѣсяцев оставляло желать лучшаго, к чему надо было присовокупить возраст. Но даже если бы исход, на этот раз, не оказался фатальным, перемѣщеніе центра тяжести в дирекціи становилось неизбѣжным, и Крозье видѣл, что ему предстоит столкнуться с разными попытками разных людей воспользоваться новым стеченіем обстоятельств. Филипп вступал в положеніе главнаго хозяина, и на него ложились соотвѣтственныя заботы.

Кромѣ таких мыслей были у него и другія. Он вспоминал о годах дѣтских и юношеских. Любовь отца всегда была строгой, серьезной, сдержанной и отношеніе его к сыну, далеко не лишенное душевности, походило на постоянную и внимательную настороженность. И Филипп испытывал благодарность за то, что отец больше заботился о формированіи его характера, чѣм о безпрерывном пополненіи запаса знаній. Думал Филипп и о Мадлэн и о тѣх — еще больших — заботах, которыми она его окружит.

Заранѣе ей благодарный, он обѣщал себѣ принять их со всей теплотой, на которую чувствовал себя способным. Это было не то, что в противорѣчіи, а в несовпаденіи с другим образом, который он предпочел бы — но не мог — от себя отогнать. В связи с этим, испытывая досаду и род нетерпѣнія, он сказал шоферу остановиться у перваго попавшагося почтоваго отдѣленія и послал Асунтѣ телеграмму, сухую, лаконическую, содержавшую, однако, два добавочных слова: "подробности письмом".

Когда они въѣзжали в Вьерзон, сумерки совсѣм сгущались. Окна прилегавшаго к фабрикѣ особняка были освѣщены, но никто не услыхал шуршанія шин по гравію двора и дверь не открылась. Утомленный дорогой, Филипп с трудом вылѣз и медленно проковылял по ступеням крыльца. Нога болѣла, костыли мѣшали и Филипп спросил себя, не поторопился ли он с возобновленіем парижских поѣздок? На звонок вышла старая экономка, которую он знал с самых младенческих лѣт.

— Кончено, — сказала она и, строго-печально на него глядя, прибавила: — надо было тебѣ уѣхать. Как нарочно.

Пройдя вперед она пересѣкла переднюю, потом большую гостиную и распахнула дверь в спальню.

Филипп увидал тогда отца лежавшаго на постели, со скрещенными на груди руками. Лицо его было спокойно, хотя уже и помѣчено тѣнями смерти. В комнатѣ, у стѣн, было нѣсколько человѣк, которые до такой степени соотвѣтствовали общему траурному виду спальни, что Филипп почти не обратил на них вниманія. Старая экономка приблизилась к покойнику и сняла с рукава пушинку. Филипп не знал, что дѣлать? Молиться? Осѣнить себя крестным знаменіем? Всякій жест и всякое слово казались ему ненужными, и малѣйшее нарушеніе овладѣвшей им серьезности недопустимым. С другой стороны он опасался, что его печаль, его взволнованность могут стать замѣтными, чего он не хотѣл никак. То, что он чувствовал, было слишком лично чтобы стать предметом разговора.

Старая экономка это поняла и, взяв его за руку, тихо сказала:

— Идем.

Они вновь пересѣкли гостиную и проникли в рабочій кабинет, гдѣ сидя в большом креслѣ главный счетовод читал газету. При видѣ Филиппа он встал и протянул руку, бормоча соболѣзнованія.

— Господин Опик, — проговорила старушка, — все тебѣ разскажет. Он как раз был в бюро.

— Ваш покойный отец, — сказал, двѣ секунды помолчав, Опик, — был, в подлинном смыслѣ слова, душой дѣла. Его уход будет всѣми почувствован.

— Как все случилось?

— Совсѣм неожиданно, внезапно. Мы разсматривали еженедѣльную вѣдомость. Он вдруг встал, сдѣлал нѣсколько шагов и упал навзничь. Я позвал на помощь. Мы уложили его на диван и я послал вам телеграмму. Через 2 часа он умер, не прійдя в себя. Доктор констатировал смерть от кровоизліянія в мозг. Как он пояснил, безсознательное состояніе, в таких случаях, может длиться дни и даже недѣли. Господь избавил вашего батюшку от такого испытанія.

— А священника позвали?

— Да, конечно. Но он прибыл вмѣстѣ с доктором. Я вызвал по телефону Париж, чтобы извѣстить вас лично, но вас уже не было, так как вы ушли тотчас же по полученіи телеграммы.

— Думаете ли вы, что отец страдал?

— Как это узнать? Всякое сообщеніе с внѣшним міром казалось оборванным. Он порывисто дышал и хрипѣл. Казалось, что он силится, и не может, что-то сказать.

— Всѣ оповѣщены? — спросил Филипп.

— Да. В первую голову я дал знать вашей супругѣ и ея отцу.

— Мадлэн, — вставила старушка, — мнѣ сказала, что боится и не придет сюда до твоего пріѣзда. Она тебя ждет.

Она добавила, что благодаря распорядительности господина Опика всѣ формальности уже выполнены, мэрія, бюро похоронных про-

цессій, аббат предупреждены, вынос тѣла, служба, похороны, — все предусмотрено. Филипп сознался, что дорога его очень утомила и что он хотѣл бы поскорѣе домой пообѣдать и отдохнуть. Его квартира была в самом центрѣ города. Теперь, конечно, предстояло переѣхать в особняк, гдѣ он провел все дѣтство и юность, вплоть до женитьбы.

"Раз я буду душой дѣла..." — подумал он, чуть иронически.

Раздался звонок, и донеслись шум шагов и голоса. Дверь распахнулась. Вошел Фердинанд Дюфло, его тесть.

Он был на десять лѣт старше Франсуа Крозье и назвать его долгую жизнь спокойной и уравновѣшенной нельзя было никак. Послѣ довольно бурнаго, почти безпутнаго мальчишества, он и женившись не очень угомонился. Все его манило и мало в чем он себѣ отказывал. Подчиниться строгим домашним правилам, которыя захотѣла установить его молодая жена, ему было так тягостно, что он не замедлил разрѣшить себѣ всякіе поиски и всякія вольности. Ему нужно было много денег. У него были большія способности и, много работая, он раздобыл много денег. Ему была нужна независимость. Он ее раздобыл, став домашним тираном. В извѣстном смыслѣ он "поставил большую ставку" и ставку эту выиграл. При этом он не переставал любить свои моторы внутренняго сгоранія и ревниво отстаивал права единоличнаго владѣльца фабрики. Однако, силы его не были неистощимыми и когда ему пришлось признать, что одной воли, для того, чтобы продолжать такую жизнь, мало, то он и пошел на соединеніе своего предпріятія с предпріятіем Крозье. Брак Мадлэн с Филиппом, полагал он, будет гарантіей его стариковскаго спокойствія. Ему было семьдесят четыре года, но выглядѣл он так, точно ему было восемьдесят пять. Память и ясность его мыслей, за послѣднее время, сдавали, что мѣшало непрерывной дѣятельности. Но он продолжал время от времени вмѣшиваться в разрѣшеніе того или иного вопроса, и тогда проницательность его и его властность казались непоколебленными. Филипп все это знал, и когда Дюфло вошел, тотчас насторожился. Немедленное столкновеніе из-за открывшагося наслѣдства не было исключено. Вѣрный принятому им правилу быть с тестем неизмѣнно почтительным, он заковылял ему навстрѣчу.

— Здравствуй, Филипп, — проговорил старик. — Мнѣ сказали, что ты пріѣхал и я поспѣшил сюда, чтобы тебя обнять.

— Благодарю, душевно тронут, — отвѣтил Филипп принимая объятіе и отвѣчая тѣм же.

— Как раз ты был в отсутствіи. Не во-время ты возобновил свои поѣздки в Париж.

— Это не больше чѣм совпаденіе. Но, конечно, это печально.

— Ты еще не видѣл жены?

— Нѣт еще. Я к ней сейчас собираюсь.

— Она очень разстроена.

— Это понятно.

— Подумай о фабрикѣ. Все теперь ляжет на твои плечи. Но я еще тут, если нужно помочь: совѣтом, дѣлом!

— Вы знаете, как я цѣню ваш опыт и вашу компетентность.

— Да, да. Но не теряй времени, это главное.

— Развѣ я этим грѣшил?

— Нѣт. Но чтобы дѣло продолжало крѣпко стоять на ногах, надо все предусматривать. Я нарочно поспѣшил, чтобы тебѣ об этом напомнить. Возможно, что нѣкоторые не дремлют. Теперь я еще раз поклонюсь покойному другу.

Они прошли в спальню и молча постояли у кровати, глядя на покойника, минуты три.

— Я ѣду домой, — сказал Филипп.

— Вот и хорошо. Утѣшь жену, — отвѣтил старик и они распрощались.

По дорогѣ Филипп был спокоен думая о подробностях предстоявшей ему новой роли, о связанных с ней усиліях, о том, что ему нельзя будет ни на минуту утрачивать контроль над собой и позволять мыслям разбѣгаться. На это он рѣшался. На то, чтобы фабрика стала его главным, если не единственным, жизненным побужденіем, он был согласен. И, казалось ему, он найдет в себѣ достаточно рѣшимости чтобы... не допустить ничего. "Ни-че-го", — пробормотал он.

Когда он проник в вестибюль, то, прежде всего, увидал в большом стѣнном зеркалѣ самого себя, с костылями, поднимавшими плечи, с огромной, завернутой в черный шелк ступней, с трудом двигающимся.

"А шрамы, — подумал он, — только берет их скрывает...".

На мгновеніе он был охвачен чѣм-то похожим на отчаяніе и ему показалось, что лишь одно есть у него средство с собою совладать: поговорить с Асунтой и увидать ея улыбку. Но тотчас же пробормотал:

— Не сейчас же?

Выйдя из лифта он обнаружил, что у него нѣт ключа и позвонил. Открыла горничная, которая испуганно ему сообщила, что его жена в постели и с самаго утра ничего не ѣла. Филипп прошел в спальню не сняв даже пальто. Мадлэн лежала с мокрым полотенцем на головѣ. На его привѣт она отвѣтила улыбкой дѣвочки, потом губы ея задрожали и она стала плакать.

— Как тебѣ трудно, мой милый, как тебѣ трудно. А я сама без сил и не могу тебя ободрить...

И что-то прибавила насчет несчастій, которыя всегда приходят по нѣскольку сразу. "Крушеніе, ступня, шрамы и вот теперь... смерть".

Он присѣл на край кровати и она стала рыдать.

— Не мучь себя, — промолвил он, тихо. — Конечно потерять отца горе. Но что можно сдѣлать другое, как с ним не примириться.

В сущности он не знал, что сказать. Мадлэн явно больше была разстроена его сыновним горем, чѣм кончиной свекора, от котораго всегда была далекой. Задѣтой была повидимому какая-то составная часть ея любви к мужу. И утѣшать должен был он, а утѣшать он не

умѣл, не знал, какія нужны слова. Не пытаясь даже найти что-нибудь подходящее, он стал говорить общепринятыя фразы, тѣ, которыя всѣ и всегда повторяют, сочтя, что раз онѣ так долго всѣм служили, то, значит, онѣ самыя вѣрныя. Но он был глубоко тронут. Кромѣ того он был утомлен и дорогой, и чередой впечатлѣній, и непрерывным волевым усиліем, и горем, которое оказалось большим, чѣм он мог предполагать, и был еще слегка взволнован словами и тоном Фердинанда Дюфло, и время от времени его охватывавшими, независимо от всего прочаго, мыслями о той, о другой... Он как бы оглянул сложившееся вокруг него сцѣпленіе обстоятельств и на нѣсколько минут погрузился в нѣкое мечтательное созерцаніе, — состояніе, ему до той поры бывшее невѣдомым и которое никогда больше не повторилось. И точно издали, точно приглушенный, донесся до него тогда голос Мадлэн:

— Что с тобой, мой дорогой?

Он посмотрѣл на нее взглядом лунатика: он видѣл, но еще не понимал. И только секундой спустя, овладѣв собой и покинув "мір иной", в котором душу его подвергли перекрестному допросу, различив в глазах Мадлэн и испуг, и сіяніе, он произнес:

— Ничего, ничего. Немного усталости. Это сейчас пройдет. Ни о чем не тревожься. Я все устрою. Ты будешь счастлива.

Так сказав, он явственно ощутил полную в себѣ увѣренность и точно опредѣлил, к какой будет стремиться цѣли, и точно взвѣсил, что надо прежде всего предпринять и как, и каким, основным руководствоваться правилом.

24. — НОЧЬЮ

"...очень большія, но невообразимо плохо обработанныя дарованія. Такое малозавидное состояніе влечет за собой удесятеренное неистовство их молчаній. Конечно это метафора: в дѣйствительности, слов они произносят очень много. Только так эти слова ничтожны, что ни за что иное, как за молчаніе, их счесть нельзя. На их головы надѣты высококачественныя шляпы. Само собой напрашивается заключеніе, что единственное назначеніе их голов, это носить шляпы. О! Как хотѣл бы я вас всѣх прижать к груди и навсегда сдѣлать сестрами и братьями!..."

Савелій отстранил листок, глубоко вздохнул и оглянул комнату, в которой царили совершеннѣйшій порядок и полная чистота — плоды его самоотверженных усилій. На коротенькое мгновеніе он усумнился в правильности рѣшенія поселиться у Варли и почти прошипѣл:

— Может тут и взаправду ад, в который контрабандой протащили немного надежды?

Но незамедлительно упрекнул себя в духовной слабости.

Со дня переѣзда не прошло еще и двух недѣль и если за это время создалась тяжелая атмосфера, то было это, главным образом,

результатом крайней нервности Асунты во-первых, и болѣзни Варли во-вторых. Но здоровье старика улучшалось. Асунта же замкнулась во враждебном молчаніи, с чѣм Савелій, скрѣпя сердце, мог мириться. От готовки она прямо не отказалась, но готовила так небрежно, что Савелій, по большей части, брал стряпню на себя, хоть это и отнимало у него еще время и прибавляло усталости.

— Листки, которые вы мнѣ даете, особенно удачны, особенно существенны? — спросил он как-то старика.

— Нѣт. Все одинаково важно. Тѣ листки, которые я вам даю, только тогда пріобрѣтают особое значеніе, когда я их изымаю из папок.

Рѣчь в послѣднем отрывкѣ шла о проповѣди в долинѣ. Начиналось с описанія зеленых склонов, освѣщенных нѣжным солнцем, что располагало к хорошему настроенію. Молельщики подходили небольшими группами. Они пѣли пріятныя пѣсни, смѣялись, шутили, были очевидно вполнѣ довольны. На женщинах пестрѣли легкія платья, мужчины выглядѣли щеголевато. И до счастливых ушей этих счастливых людей доносился музыкальный, проникновенный голос, произносившій сложенныя в округлыя фразы, ободряющія слова, насыщенныя, к тому же, задушевностью и благорасположеніем. Оратор говорил из обвитой диким виноградом бесѣдки и виден не был. Для начала он сказал нѣсколько слов о разницѣ между зеленѣющими долинами и голыми скалами, между землями плодоносными и тощими, между живительной прѣсной водой рѣк и озер и негодной для питья морской, между полями орошенными и песчаными пустынями, между радостью и горестью, между просвѣтленным самопоспѣшествованіем и мрачным плотским самоистребленіем. Потом Савелій прочел: "В самом началѣ им было повелѣно говорить о напрасном и как можно непонятнѣй. Если бы слова поучавших были хорошо одно к другому пригнаны, то их значеніе, хоть и пропитанное завистью и всѣми разновидностями отказа, могло бы еще казаться положительным: совершенство изложенія напоминает блеск драгоцѣнных кристаллов истины. Но не было и этого. Все протекало так, точно плохіе съѣстные продукты вводились в пищеварительные органы бездѣльников: никакой энергіи возникнуть не могло. Братья, сестры! Зато наши души не желудки ли это для духовной пищи? Наполненныя ею онѣ породят великія сокровища".

— Как это иллюстрировать? — спросил себя Савелій, в совершенном недоумѣніи. — И что это? Иронія или нагроможденіе несуразностей?

"Усѣченіе языков и приготовленіе медвянаго взвара, — стояло дальше, — совершается в одном и том же помѣщеніи, и на тѣх же площадях, гдѣ гильотинируют, в праздничные дни весело танцуют. С той же кафедры доносятся слова и о милосердіи, и о страшных наказаніях грозящих строптивым. Их воздух накален до чрезмѣрности, тяжел, смраден и мертвящ. А вѣдь он должен быть и живительным и благопьянящим! Моя же власть зиждится не на том, что во мнѣ, а на том, что я со своим внутренним содержаніем могу дѣлать, и дѣлаю.

Интимныя данныя есть у всякаго; но каждый подчинен и внѣшнему сцѣпленію обстоятельств.

Этим сочетаніем внутренняго и внѣшняго и опредѣлены так называемыя способности и одаренности. Ищите, найдите ваши сочетанія, так же как я искал и нашел мое сочетаніе! И тогда, всѣ вмѣстѣ, размѣренным, увѣренным, неотвратимым шагом двинемся мы к побѣдѣ. Не бойтесь терять время на подготовку. Мы всѣ знаем, что потеряннаго времени не вернуть, — но что́ нам время, потерянное за краткую земную жизнь, когда мы видим, что другіе теряют тысячелѣтія? Братья, сестры! Воздаяніе близится и голод будет утолен".

Савелій скрестил на бумагѣ нѣсколько линій и задумался. Тема прочитаннаго вытекала, как будто, из каких-то других, предшествовавших ей, тем, но общая картина ускользала и строки Варли напоминали нарочитую фантазію. Изобразить толпу паломников, молельщиков? Ряд странных лиц странных людей? Какою могла быть жизнь Марка Варли? — спрашивал себя Савелій. И в какой мѣрѣ был он связан с реальностью? Савелій допустил, что Варли не умѣл говорить с людьми, что они от него отворачивались, или его остерегались, и что именно из-за этого он и стал писать. Вѣдь если пишешь не с тѣм, чтобы быть прочитанным, то писать можно что угодно.

"Дѣйствіе всемірной маслобойни, — замелькали строки, — очевидно пришло в разстройство. И что особенно важно, так это наша полная зависимость от этой маслобойни. Братья! Сестры! Если бы всѣ причины сошлись в одной причинѣ причин и эта главная и единственная причина была бы голодом, стремительность природы котораго извѣстна, то все завершилось бы повторными монодрамами. Но вѣдь это не так. Мы находимся в положеніи наблюдателей и видим большую обезьяну, сидящую в клѣткѣ и получающую на пропитаніе нѣсколько кедровых орѣшков. И прямо против клѣтки другая обезьяна, оставленная на свободѣ, легко взбирается на пальму, рвет и съѣдает большой кокосовый орѣх. Или мы видим дѣвицу с костлявыми плечами и плоской грудью, сверх того чахоточную, и рядом с ней другую дѣвицу, с ослѣпительными плечами, грудью богини и совершенно здоровую. Я говорю и повторяю, и буду твердить до самаго дня нашей побѣды: созерцаніе голодной обезьяной обезьяны сытой и чахоточной дѣвицей дѣвицы здоровой, не может привести к смиренію. Требующіе именно смиренія родоначальники таких сочетаній лжецы и изувѣры".

— Что мнѣ дѣлать? — спросил себя Савелій, разведя руками. — Ну что мнѣ дѣлать? Я устал.

Было уже за полночь. Ослабленный болѣзнью Марк Варли теперь до трех утра не бодрствовал. С вечера он брал книгу, которую начинал читать разсѣянно и с перерывами. Он говорил, что мелькающія перед его глазами строчки способствуют возникновенію отдѣльных образов, к которым он приноравливает другіе, свои собственные. Автор, слѣдовательно, играл роль подсобную. И Варли добродушно посмѣивался. В двѣнадцать он тушил.

Савелій пріоткрыл дверь и прошептал:

— Вы спите?

Совпал ли этот вопрос с каким нибудь, охватившим старика кошмаром, или шопот Савелія был слишком внятным и разбудив его испугал, но, так или иначе, Варли издал громкій крик.

— Что с вами? Что с вами? — проговорил Савелій, — вам больно?

— Помогите, помогите! — кричал старик, — Савелій, помогите! На помощь! На помощь, скорѣй! Кто это? Кто? Савелій, Савелій!

— Но я тут, я рядом.

Варли поднял одѣяло к самым глазам. Он тяжело и порывисто дышал.

— Ну да, ну да, это я, — продолжал Савелій, зажигая настольную лампу. — Успокойтесь, ничего не случилось. Хотите горячаго питья?

Варли начал уже успокаиваться, когда раздались стремительные шаги и дверь распахнулась. Обернувшись Савелій задѣл рукавом лампу и та с шумом упала. Совсѣм перепугавшійся Варли снова стал стонать.

— Я ее видѣл, я ее прямо перед собой видѣл, — бормотал он, — я ее на себѣ видѣл, я ее в себѣ чувствовал, как живую, хуже чѣм живую...

И, одновременно, раздавались изступленные возгласы Асунты:

— Довольно! Довольно! Я вам говорю, что довольно! Хоть бы ночью было тихо и просто. Вы оба меня умерщвляете, вы меня рѣжете.

— Ради Бога, Асунта, ради Бога, — говорил Савелій. — Ему худо. Иди, ложись. Иди, скорѣй ляг. Я сейчас приду.

— Я уѣду, я уѣду куда глаза глядят, куда попало, я не могу больше жить в вашем сумасшедшем домѣ!

Савелій протянул руки и взял ее за плечи, стараясь повернуть к полуосвѣщенной двери. Она рѣзко высвободилась, отпихнула его, вот-вот, показалось ему, начнет царапаться и кусаться.

— Помогите, помогите! — стонал, между тѣм, Варли.

— Что ж ты ему не помогаешь? — прошипѣла Асунта. — Слышишь? Он тебя зовет на помощь.

Она быстрыми шагами вышла и громко захлопнула дверь. Стало совсѣм темно. Старик продолжал бормотать:

— О-о, помогите, о-о.

Савелій нашел ощупью лампу и зажег свѣт.

— Это была она, она, — продолжал старик, как в бреду. — Я ее узнал, я увѣрен, что это была она, я ее уже раньше видѣл. Страшнѣй ея ничего нѣт. Она наваливается... это смерть...

— Так это же была моя жена, — проговорил Савелій, удивленный и разстроенный. — Услыхав как вы стонете, она пришла спросить в чем дѣло. Прошу вас ее извинить, она очень нервна. Хотите питья?

Он поправил подушки, одѣяло, передвинул ночныя туфли, тихонь-

ко повторяя тѣ самыя слова, которыми утѣшают больных дѣтей. Дѣйствительность и сон вступали в нормальныя соотношенія.

— Спасибо, мой молодой друг, — проговорил Варли. — Без вас, что со мной было бы? Слишком развитое воображеніе в мои годы опасно. Но что подѣлать, если оно все время тут как тут.

Он задремал, потом уснул. Савелій потушил свѣт и стараясь не шумѣть, вышел. В коридорѣ он остановился, провел рукой по лбу, вздохнул, вздохнул еще и еще. Ни о каком объясненіи с Асунтой он и не помышлял, наперед зная, что никакое объясненіе ни к чему не приведет. Стоя в коридорѣ, он утверждал в себѣ свое "право на молчаніе".

— На этот раз трудно, — прошептал он, и проник в спальню.

Лампа с розовым абажуром горѣла. Асунта не спала. Она не только ничего не сказала, но даже на него и не взглянула. Билось сердце Савелія и замирала его душа пока он, стоя рядом с кроватью, приглядывался к коротким блескам, вспыхивавшим между рѣсницами! Он знал, что она думала о том, о другом, котораго ждала и который так медлил. Он знал также, что страсть ея была не радостью и не страданіем, а наважденіем, которому она не могла противиться. Упрекнуть ее он ни в чем не мог. Что ему оставалось, как не молчать? Но он не выдержал:

— Асунта, — прошептал он.

— Асунта? Асунта? Что еще? — послѣдовал отвѣт.

Удрученный, подавленный, но именно из-за рѣзкой душевной боли собой овладѣвшій, он раздѣлся и лег в постель, невѣроятная ширина которой показалась ему особенно желанной.

25. — ИЗВИНЕНІЯ

В февралѣ солнце встает поздно и, в то утро, небо было вдобавок задернуто низкими и плотными тучами. Так что было совсѣм темно, когда Савелій вышел из дому. Несмотря на ранній час и на темноту, на улицах царило оживленіе. В ярко освѣщенных мясных лавках приказчики украшали туши многоцвѣтными бумажными лентами и зеленью. У базарной площади то и дѣло останавливались грузовики с овощами, яйцами, сырами, вядчинами, колбасами, рыбой и крабами, живыми кроликами в клѣтках, битой птицей, фруктами, цвѣтами... Все это могло служить наглядным опроверженіем традиціонных жалоб на "трудныя времена", особенно к полудню, когда все, как есть, оказывалось распроданным. Изобиліе — даже больше чѣм изобиліе — кололо глаза. Но Савелій на это не обратил никакого вниманія. Зато яркость освѣщенія его раздражила и он говорил себѣ, что работать надо начинать не раньше восхода солнца, когда становится свѣтло в порядкѣ естественном, и что электричество, газ, керосиновыя лампы и свѣчи должны разсѣивать темноту вечернюю, а не предутреннюю. Всѣ эти фонари,

шары, бра и канделябры были нахальным продолженіем сутолоки, порождаемой страстью к наживѣ. Отдых и спокойствіе почитались в этих кругах чѣм-то постыдным, родственным лѣни.

"Лѣнь же для них хуже противуестественных пороков", — думал Савелій.

Он сегодня тѣм болѣе испытывал склонность к таким заключеніям, что наканунѣ лег поздно и потом плохо спал. Его физическое состояніе больше соотвѣтствовало тому, которое слѣдует за трудным рабочим днем, чѣм дню предшествующему. Когда он уходил Асунта спала и он разсчитывал, вернувшись, застать ее проснувшейся, но еще лежащей, и подать кофе в постель. Так он поступал каждый день, но послѣ ночной исторіи — он хотѣл этим подтвердить, что "все по старому", и тѣм доставить Асунтѣ облегченіе. Но, войдя в комнату, он застал ее уже одѣтой и тщательно причесанной.

— Ты что-то поздно, — сказала она, — я уже собиралась готовить Христину к прогулкѣ.

— Сегодня базарный день. До базара далеко. И я закупаю на три дня.

— Пока тебя не было, пришла почта. Вот.

И она протянула ему письмо.

"Мадам, — прочел Савелій, — прошу Вас извинить меня за нѣкоторую безцеремонность телеграммы. Но утром того дня, когда я хотѣл за вами зайти, меня извѣстили, что моего отца постиг удар и я спѣшно выѣхал в Вьерзон. Увы, было поздно. Когда я туда прибыл — его уже не было в живых. Так объясняется и моя телеграмма, и послѣдовавшее за ней молчаніе. Я разсчитываю быть в Парижѣ... февраля и тогда зайду за вами обоими. Мы пообѣдаем и постараемся найти рѣшеніе по интересующему вас вопросу. Если бы с вашей стороны возникло какое нибудь препятствіе, не откажите протелефонировать в мастерскую. Прошу вас вѣрить... Ф. К.".

— ...февраля сегодня, — сказала Асунта. Письмо почему-то опоздало.

Ничего не отвѣтив, Савелій положил его на столик.

Немного как зажигаются контрольныя лампы сложной механической установки одна за другой напомнили о себѣ — уже однажды перечисленныя им — причины невозможности для него принять приглашеніе Филиппа Крозье: больной старик на руках, хозяйственныя обязанности... К ним теперь присоединилась острая потребность "молчать", и молчать в одиночествѣ было легче, чѣм в обществѣ Асунты и Крозье. К тому же Асунта не ждала ли она от него отказа? Наконец, задача Крозье могла стать проще. Насчет его намѣреній у Савелія теперь складывалось — правда, довольно еще расплывчатое — мнѣніе: не совпадает ли его внутреннее состояніе с состояніем его самого, тѣм самым, когда "молчаніе" служит — пусть временной — но надежной опорой?

"Сверх всего этого, — думал он, —не пойти с ними обѣдать, это значит еще дальше проникнуть в царство видѣній Марка Варли. Там мнѣ проще будет ждать возвращенія Асунты, ея полнаго возвращенія".

Савелій разставил чашечки и блюдца и произнес:

— Я не пойду.

— Почему?

— По тѣм же все причинам: болѣзнь Варли, домашнія обязанности. Он их примет во вниманіе и извинит меня.

— Может одной мнѣ итти не совсѣм удобно?

— Поскольку я не возражаю...

— Христина, не пускай слюни, — отвернулась Асунта, — держи себя как слѣдует. Хорошо. Я пойду одна.

Она казалась спокойной, чуть ли не равнодушной. Она знала, что внѣшнее спокойствіе — даже напускное — одна из опор самообладанія.

26. — СТАРУШКИ

Не только Филипп был удивлен входя в квартиру Варли, но даже и не попытался удивленія своего скрыть.

— Вы отлично устроились, — сказал он, поздоровавшись, — такая большая разница...

— Да, но мы не у себя... — начал было Савелій и умолк, замѣтив неодобрительный взгляд Асунты.

— М-сье Варли принял нас очень радушно, как друзей, — проговорила она. — Но пойдемте в комнаты, прошу вас.

— Не лучше ли будет, не задерживаясь, отправиться обѣдать, как то было предположено?

— Сожалѣю, но не могу принять вашего любезнаго приглашенія, — вставил Савелій. — Мнѣ нельзя отлучиться из-за срочных занятій.

Крозье не проявил никакого удивленія.

— Но ваша супруга? — спросил он.

— О! Моя жена всегда свободна по вечерам. А так как с точки зрѣнія дѣловой...

— Дѣловой?

— Ну да, дѣловой, — мое присутствіе не необходимо, то все складывается к лучшему.

— Если так, если вы настолько заняты и не возражаете против...

Крозье коротко взглянул на Савелія. Тот же его разглядывал с большим вниманіем.

Несмотря на костыли и большую черную повязку на ногѣ, вид у Крозье был нарядный и холеный. Шрама на головѣ — из-за шляпы — видно не было. В общем его осанка дышала увѣренностью в себѣ.

"Если он не принадлежит к аристократіи, то к лучшей части торгово-промышленнаго класса принадлежит без сомнѣнія" — подумал Са-

велій. Появленіе Крозье, послѣ того, как от него были получены и письма и депеши, — что позволяло заключить, что он ничего скрывать не хочет — было, как будто, началом осуществленія заранѣе обдуманнаго рѣшенія. Ему ясно соотвѣтствовало ожиданіе самой Асунты, котораго она тоже не скрывала. Что до него самого, то избрав "молчаніе" он, казалось ему, отводил всякій упрек в попустительствѣ. Боль, которую он заключил в глубину души, была похожей на искупленіе. Но какое-то неизвѣстное еще оставалось. Точно бы тѣнь какая-то обволакивала нѣкоторыя стороны его разума.

— Я пойду надѣть пальто, — сказала Асунта.

— Ваша квартира много комфортабельнѣй квартиры на рю Байяр, — протянул Крозье, помолчав.

— Там было тѣсно и не очень чисто, обстановка была примитивной. Но там мы были у себя, и это большое преимущество. Я им пожертвовал чтобы быть увѣренным в завтрашнем днѣ. А тут я так занят, что больше об этом не задумываюсь.

— Какое-нибудь цѣликом вас поглощающее интеллектуальное сотрудничество?

— Нѣт. Артистическое, и требующее большой фантазіи. Это мнѣ в высшей степени по душѣ. Иной раз бывает трудно начать, но когда первый шаг сдѣлан, то не замѣчаешь как бѣгут часы.

— Вот м-м Болдырева, — прервал его Крозье.

Савелій увидал тогда Асунту, показавшуюся ему немного отличной от той, которую он привык видѣть. Но только затворив за ней и Филиппом дверь он понял, что дѣло в красной розѣ, приколотой к воротнику, в блестящих чулках, в высоких каблуках, и еще в том, что на руках Асунты были совершенно новыя, лайковыя перчатки.

Он меланхолически побрел в гостиную, в одном из углов которой им было устроено ателье: стоял мольберт, стол для рисованія, были разложены коробки с красками, с карандашами, с кистями, с флаконами с тушью. Там ему легко мечталось и думалось. Иногда туда приходил Марк Варли.

— Я вам не мѣшаю? — спрашивал он.

— Наоборот. Я всегда вам рад.

— Иной раз, — говорил Варли, — вы лучше выражаете в ваших рисунках мои мысли, чѣм я сам могу их выразить словами.

Но в тот вечер Варли был еще очень слаб и оставался в постели. Савелій, который испытал потребность его видѣть, рѣшился проникнуть в его спальню. Он прежде всего спросил, не нужно ли что нибудь?

— Спасибо, друг мой, — отвѣтил старик, ласковым голосом. — Мнѣ ничего не нужно. Но обмѣняться нѣсколькими словами всегда пріятно.

— Вы помните, как мнѣ раз читали про мальчика-проводника?

— Конечно, помню. О нем, в сущности, знать должны рѣшительно всѣ и все время о нем помнить. Но почему вы меня о нем спросили?

— Признаться, и сам не знаю.

— Мальчик-проводник, — почти зашептал Марк Варли, — мальчик, который показывает дорогу уходящим. Я тогда отчасти читал, отчасти импровизировал. И спѣшил. Много, кажется, лишних сказал слов...

Савелій и слушал, и не слушал. Он припоминал, что от тогдашняго речитатива Марка Варли на него повѣяло и грустью, и нѣжностью. И с этой грустью и нѣжностью в душѣ он разбудил Асунту и ими с Асунтой подѣлился, и она сама, едва проснувшаяся, тоже была грустной и нѣжной. Но с той поры она отвернулась от него, а сегодня вечером ушла. "Мальчик-проводник, — спрашивал себя Савелій, — какой мальчик-проводник? Который знает дорогу, который только уводит и никогда не приводит?".

— О мальчикѣ-проводникѣ, — шептал Марк Варли, — мнѣ надо успѣть написать все. А я только начал. И я вѣдь старенькій. Вы тогда согласились его нарисовать.

— Да. Но мнѣ что-то помѣшало.

— Так вот листки, — протянул Варли руку к полочкѣ, — возьмите, попробуйте. Я с тѣх пор ничего не прибавил и это только наброски. Я вѣдь больной. Мнѣ вѣдь трудно. Мнѣ вѣдь страшно. Мнѣ вѣдь кажется, что мальчик-проводник меня ждет.

Савелій взял листки и, вернувшись в свое ателье, принялся читать:

"Мальчика-проводника в деревнѣ знали всѣ, вѣрнѣй — всѣ знали, что время от времени он появляется. Знали, что у него есть собачка, которую он водит на ремешкѣ. И, как во всякой деревнѣ, там были старушки, которыя часто сидѣли на лавочках у своих домиков и вязали, или вышивали, или штопали. И раз она спросила у одной из старушек: "Кто этот мальчик с собачкой на ремешкѣ?" Старушка ничего не отвѣтила и, свернув вязанье, вошла в дом, точно вопрос ей показался не то неумѣстным, не то невѣжливым. Когда же она обратилась к другой старушкѣ, сидѣвшей у сосѣдняго дома, и та, тоже не отвѣтив и сложив работу, вошла к себѣ, то ей стало непріятно. Точно она говорила вещи, которых говорить нельзя, или нельзя слушать. Она подумала о тайнах, перестающих быть тайнами если ими хоть с одним человѣком подѣлиться, и испытала душевный ущерб, почти страх. Третья старушка, как и первыя двѣ, когда она ее спросила, отвернулась, сложила работу, встала и ушла домой. И вышло, что несмотря на трижды заданный вопрос она ничего не узнала. Надо добавить, что утром того дня она как раз встрѣтила мальчика с собачкой на околицѣ деревни, у послѣдняго дома, там, гдѣ начиналась дорога. Оттого она и спрашивала".

Савелій припомнил как Варли, в этом мѣстѣ разсказа, его спросил:

— Вы можете нарисовать мальчика?

И как он отвѣтил:

— Кажется, да.

— По таким неполным указаніям?

— Кажется, да.

— На основанiи всего трех вопросов, заданных молодой дѣвушкой трем старушкам, на которые онѣ не отвѣтили, и почти намека на встрѣчу?

— Кажется, да.

— Я знаю, что я неточен и читаю слишком скоро. Но отчасти это умышленно, отчасти оттого, что я сам недостаточно ясно себѣ все представляю. Ваши иллюстрацiи мнѣ очень помогли бы.

"Мальчик-проводник, с бѣлой собачкой, — говорил себѣ теперь Савелiй, — который ждет у околицы, там, гдѣ деревня кончается и начинаются холмы и склоны, между которыми бѣжит дорога. Она должна бѣжать немного в гору. Свѣтлая, гладкая, широкая дорога, как всѣ хорошiя дороги, но все-таки особенная, отмѣченная. По ней и уходят с мальчиком, который ведет, который знает, куда итти. И так надо нарисовать, чтобы не было видно, откуда уходят. Все равно вѣдь не вернутся. Уходят для того, чтобы остаться гдѣ-то в другом мѣстѣ, но какое это другое мѣсто? Об этом, навѣрно, и думает старик Варли. Но развѣ можно это нарисовать?".

Еще звучали в ушах его шаги Асунты и Крозье, донесшiеся из-за запертой им двери и так легко было их сравнить с вопросами старушкам, на которые не слѣдовало отвѣтов!

— Какiя нужны линiи? И какими должны быть краски? — спрашивал он себя.

Укрѣпленный им на столѣ лист остался бѣлым, когда он, отчаявшись что либо найти, пошел к себѣ. Христина спала. Кровать была несообразно широкой. "Дорога и та должна быть уже", — подумал он, с раздраженiем.

27. — ОБѢД

Предшествуемая метрдотелем и сопровождаемая Филиппом, ковылявшим на костылях, Асунта не спѣша шла между столиками прославленнаго ресторана одного из центральных кварталов Парижа. Она то поднимала глаза, то их опускала, но ничего жеманнаго в этом не было. Просто она не знала, что думать: считать ли себя королевой или золушкой? И никогда до того не виданная ею роскошь, и безпокойное сознанiе достигнутой цѣли, и радость и гордость, и благодарность, и нѣкоторый внутреннiй трепет, и многое еще другое, невыразимое, непередаваемое, что может крыться в сердцѣ молодой женщины, нашедшей, наконец, того, кому вся ея красота, вся нѣжность, и все довѣрiе предназначены! Высокiй рост Крозье, нѣкоторая надменность его выраженiя, костыли и нашлепка на головѣ, под которой нетрудно было угадать шрамы, подчеркивали необычность вновь проникших в зал. Глядя на них, пожилая дама посовѣтовала важному господину, с розет-

кой лежьон д-оннер в петлицѣ, с которым она обѣдала, обратить на них вниманіе.

— Да, — проговорил тот, взглянув на Асунту глазами знатока. — Немного пудры, немного помады на губах — и больше ничего не надо. Думаю даже, что гдѣ нибудь в деревнѣ, в простом платьѣ, на виноградникѣ или в полѣ, она была бы еще соблазнительнѣй. А ея муж должен знать себѣ цѣну.

— Только каким он бывает, когда они с глазу на глаз и ему что нибудь не по нраву? Не увѣрена, что все проходит гладко.

Метрдотель, тѣм временем, усаживал Асунту и Филиппа за столиком в глубинѣ зала, со всяческой предупредительностью. Сложныя и незнакомыя названія блюд испугали Асунту и побудили ее довѣрить выбор Филиппу. Теперь, когда вызванное их появленіем нѣкоторое, не совсѣм скромное любопытство улеглось, Асунта стала чувствовать, что ея увѣренность в себѣ растет.

"Положеніе прислуги у Варли, сам Варли с его котловиной, Зевесом, молельней, — сказала она себѣ, — резонерство, парадоксы Савелія? Нельзя ли об этом просто-на-просто забыть, точно никогда этого всего и не было? Покончить с этим существованіем земляных червей? Что до Христины — будет видно потом".

Она не хотѣла ни помѣх, ни задержек, ей казалось, что открывается новое, настоящее, противуположное тому, что было на улицѣ Васко де Гама.

"Конечно, он долго колебался. Письма, телеграммы, отъѣзды. Все это было. Но главное, что он послал ко мнѣ своего друга как только понял, что уцѣлѣл, едва-едва придя в себя. И теперь он тут, со мной. И может быть с согласія своей жены он тут со мной, и даже по ея порученію. Довольно одного слова! Одного единственнаго слова!"

Он, между тѣм, внимательно обсуждал с метрдотелем меню и так же внимательно выбирал вина.

— О! Если б я могла сказать, — произнесла она, когда Филипп кончил, и разсмѣялась.

— Что сказать? Скажите? Я буду счастлив узнать о причинѣ хорошаго расположенія вашего духа.

— Молчаніе, не золото ли оно? — почти прошептала Асунта.

Упорно глядя в глубину его зрачков она хотѣла ему передать самое сокровенное, что в ней было: "Я его люблю, не влюблена, а люблю и он будет моим". И так она при этом напрягала свою волю, что, казалось ей, могла бы опредѣлить в себѣ точку, из которой должен был исходить, чтобы в него безошибочно проникнуть, нѣкій магнетическій луч. Но он не почувствовал ничего и глаза его остались такими же невозмутимо спокойными, какими были.

"Навѣрно, — подумала она, — ему кажется, что в этой обстановкѣ говорить можно только о вещах поверхностных, что для настоящаго объясненія она не подходит".

Щеки ея порозовѣли, рѣсницы чуть дрогнули.

На тарелкѣ, которую перед ней поставили, было что-то, чего она никогда раньше не видѣла. Замѣтив ея любопытство, Филипп пояснил:

— Это фондю-пармезан, с парижскими шампиньонами и пелопонезскими оливками. Тут это особенно хорошо готовят.

Асунта попробовала и промолвила:

— Я хотѣла бы питаться только этим.

Оба разсмѣялись, и он предложил замѣнить всѣ заказанныя им блюда повтореніем фондю-пармезана.

Асунта соглашалась на шутки.

— Сожалѣю, — сказал он, — что ваш муж сегодня не с нами. и мы не знаем, раздѣлил ли бы он ваше предпочтеніе.

— Мой муж ѣст что попало. Ему все равно. Хуже: он ничего в ѣдѣ не понимает. Лишь бы насытиться.

На этот раз в голосѣ Асунты прозвучали нотки слегка металлическія. При чем был тут Савелій? Зачѣм Филиппу понадобилось о нем напомнить? Или Филипп не понял скрытаго смысла почти случайнаго сцѣпленія обстоятельств, позволившаго им остаться вдвоем?

В эти минуты, которыя она считала если не за рѣшающія, то за непосредственно рѣшающим предшествующія, она мысленно перебрала этапы своей жизни и еще раз нашла в их послѣдовательности всѣ нужныя оправданія. Во время войны 1914-1918 г.г. она была ребенком, во время революціи совсѣм маленькой дѣвочкой. Ей пришлось переносить нетерпѣніе, раздраженіе матери — уроженки Мадрида, — которую в Петербургѣ все терзало: и снѣг, и нравы и, потом, голод, холод, страх. Она плакала, металась, или, временами, погрузившись в полную апатію, не замѣчала того, что было кругом, точно отдаваясь каким-то видѣніям или снам наяву. Асунта помнила и своих старших сестер: Нурію и Пилар. Обѣ брюнетки, обѣ преувеличенно подвижныя, лишенныя снисходительности, почти злыя, ее тиранившія. Позже, подростком, она жила у чужих людей, в незнакомом Парижѣ, в бѣдности, в тѣснотѣ. Постепенно в ней складывался род отказа, нѣкое, ни в какія формы не выливавшееся возмущеніе, несогласіе. И тогда вот и произошло недоразумѣніе на раскаленном тротуарѣ улицы Васко де Гама. Оно казалось — или показалось — ей выходом, концом вынужденных подчиненій. Но вмѣсто перемѣны осталось все то же: бѣдность, посредственность, сѣрость, к которым прибавился стыд: нельзя было согласиться на то, чтобы все *так* случилось. И она уже была готова сказать сама первое слово, признаться:

— Мой муж? Я его не люблю. Я его никогда не любила. Я люблю...

И вдруг ей пришло в голову: "а маленькій мальчик? Он вѣдь, может, уже во мнѣ?".

— Ваш муж теперь лучше зарабатывает? — спросил Филипп.

— Мой муж... почему вы мнѣ только о нем говорите? — спросила Асунта, едва ли не со злобой.

— Потому, что дѣла...

Она не дала ему кончить:

— Почему вы, едва очнувшись, послали ко мнѣ вашего друга?

Филипп посмотрѣл на нее с недоумѣніем: "какая она брюнетка, — подумал он, — она слишком брюнетка!".

— Я тогда как бы вынырнул из хаоса, — произнес он, — Ламблэ стоял рядом. Я попросил его вас извѣстить.

— Но почему? Почему меня?

— Я о вас подумал.

— Почему вы обо мнѣ подумали?

— В такія мгновенія мыслей не выбирают. Онѣ сами приходят в голову.

Пришли мѣнять тарелки, наливать вино. Они оба молчали.

— Я не могу, конечно, вас спрашивать, чему подчинились тогда ваши мысли, — сказала совсѣм тихо и не поднимая глаз, Асунта, — да и вы, вѣроятно, этого не знаете. Может быть вас тогда прямо коснулась... судьба.

— Не знаю. У меня осталось смутное воспоминаніе. Как объяснить? Будто я, на мгновеніе, приблизился к какой-то границѣ. Может быть мнѣ показалось, что я вижу обратную сторону... чего? Не знаю. Обратную сторону всѣх вещей, ту, которой в ежедневном обиходѣ не видно, о которой большинство даже не задумывается, даже себя не спрашивает, есть ли она? Но очень смутно, очень расплывчато это мое воспоминаніе.

— Расплывчато?

— Да. И угнетающе. Я мог бы, кажется, сказать, что я совсѣм приблизился к небытію, но во-время отпрянул. Или вот еще сравненіе: вода, отхлынувшая послѣ наводненія. Выступили полосы земли, по которым можно было итти. Была дана отсрочка.

— Отсрочка?

— Да. Снова можно было соприкоснуться с реальностью, можно было начать дѣйствовать.

— И вы послали ко мнѣ вашего друга, чтобы соприкоснуться с реальностью?

— Да. Не станете же вы меня убѣждать, что вы не составная часть реальности?

Он разсмѣялся. Но смѣх его был вынужденным, искусственным, так как в эти мгновенія, для Филиппа, Асунта была особенно очевидной "составной частью реальности". Ея блестящіе глаза, ея черные локоны, ея руки, ея голос, исходившее от нея тепло — все это не имѣло рѣшительно ни малѣйшаго сходства с призраком.

— Налейте мнѣ вина, — сказала она, почти нагло, и когда он наполнил стакан, залпом его выпила.

Он удивился.

— Это вино крѣпкое, — осторожно предупредил он, — и так его пить не слѣдует.

Но она, казалось, не обратила на его замѣчаніе ни малѣйшаго вниманія.

— Вы мнѣ сказали, что вы стено-дактилографка, — произнес он, мѣняя тон, — и как раз...

— Я солгала, — прервала Асунта. — Я не стено-дактилографка, а просто дактилографка, притом плохая. Я даже орфографіи хорошенько не знаю.

Так говоря, она думала: "вода отступила. Появились полосы земли, по которым можно было итти. По мокрой этой землѣ, по грязи, по илу, который прилипал к ногам. Получил отсрочку. Во-время отпрянул от небытія. Надо будет это разсказать Савелію, и попросить его нарисовать".

— Можно все-таки попробовать, — продолжал он, — и, в случаѣ неудачи, подыскать что-нибудь другое. Напримѣр в счетоводных записях. Или в классификаціи. Я буду слѣдить. Я буду очень занят в Вьерзонѣ, но пріѣзжать буду ежемѣсячно.

— Ежемѣсячно? Не еженедѣльно, как раньше? И что же я буду одна, без вас, в вашей конторѣ дѣлать? Ваш директор съѣст меня живьем.

— Нѣт, нѣт, вы плохо меня поняли.

— Вы только что сказали, что будете слѣдить. Развѣ можно слѣдить, пріѣзжая раз в мѣсяц? Как вы думаете?

— Не сердитесь, прошу вас.

— Я не сержусь. Только вот я так устроена, что если не понимаю, то хочу, чтобы мнѣ объяснили.

— Очень просто. Я обѣщал вам найти работу и я человѣк слова.

— Дайте мнѣ еще вина, — произнесла она слегка глухо и он налил четверть стакана.

Днем, в поѣздѣ, он говорил себѣ, что будет тверд, что будет рѣшителен, что ни упреки, ни гнѣв, ни даже слезы его не тронут. Но повторныя и вызывающія требованія налить вина его смутили.

— Вы мнѣ оказали честь принять меня у себя дома, — заговорил он. — До моего дома, который в Вьерзонѣ, далеко и я не могу просить вас предпринять путешествіе, чтобы я мог вам отвѣтить тѣм же. А в Парижѣ я останавливаюсь в гостиницѣ. Пригласить вас со мной пообѣдать и поговорить о дѣлах было вполнѣ естественным выходом. К сожалѣнію, ваш муж сегодня занят. Мнѣ это прискорбно, но что я мог подѣлать?

— Ничего.

— Теперь мы говорим о вас, о работѣ для вас, в моем дѣлѣ. Устроить вас в нем для меня пріятное обязательство. Я постараюсь...

Он замялся. Со времени встрѣчи на берегу Сены, появленія Асунты в мастерской, потом его визитов к ней, с тѣх вообще вот "первых пор" произошло многое. И крушеніе, и госпиталь, и заботы Мадлэн, и кончина отца, сдѣлавшая из него владѣльца большого предпріятія.

Все это им было взвѣшено, принято во вниманіе. Но было им учтено и другое.

Он вполнѣ допускал, что это другое могло захлестнуть все его существо и толкнуть на поступки неразумные и даже недостойные. Соотвѣтственно он нашел рѣшеніе: безкорыстная дружба, преданность, постоянныя заботы. Так, думал он, будет соблюдено равновѣсіе.

Но теперь он видѣл перед собой красивую, соблазнительную, влюбленную молодую женщину, которая, к тому же, казалась приближающейся к предѣлам самообладанія, готовой на необратимые слова и поступки. И у Филиппа возникло сомнѣніе в том, что у него хватит воли для осуществленія своего рѣшенія. Оттого он и не договорил фразы, оттого и оборвал себя на словѣ: постараюсь.

Тѣм временем Асунта выпила вино и попросила налить еще. Чтобы не поддаться желанію взять ее за руку и сказать: "Не пейте так, вы мнѣ причиняете боль", — он, сдѣлав мучительное над собой усиліе, вернулся к тону покровителя:

— Я очень запаздываю с выполненіем моего обѣщанія, но, как вы знаете, я был болен и даже теперь не вполнѣ поправился. Кромѣ того, потерял отца, вслѣдствіе чего возникли трудности в веденіи дѣла. Не случись всего этого, вы были бы устроены еще до конца прошлаго года.

— А? Правда? — сказала она, с иронической интонаціей. И прибавила, уже без всякой ироніи: — Ваш экстренный отъѣзд из госпиталя был значит не при чем в этом запозданіи? Вы о нем не упомянули.

— Будем серьезны, — промолвил он. — Это необходимо нам обоим.

— Как вы могли? Как вы могли! — воскликнула она. — И как вы можете сейчас говорить таким тоном?

— Каким тоном?

— Тоном школьнаго учителя. Он вам не к лицу. Он вас уродует.

— Тон школьнаго учителя? Ничего общаго. Мы говорим о дѣлах и, когда говорят о дѣлах, предпочтительнѣй оставаться серьезным. Я хочу точно обо всем условиться.

— Точность дѣлового человѣка.

— Да. Именно. Я дѣловой человѣк и стремлюсь найти наилучшее дѣловое рѣшеніе, выяснить, какая вам подошла бы в моей мастерской должность.

— Должность? Мнѣ подошла бы должность? Но я не хочу быть вашей служащей, не надо мнѣ никакой должности! Если вы из-за этого мнѣ писали, посылали депеши и пневматички, из-за этого теперь пріѣхали и ко мнѣ пришли... не надо было безпокоиться. Можно было просто приказать вашему парижскому директору: наймите мадам Болдыреву. Она ничего не умѣет дѣлать, но все-таки наймите, платить вѣдь будете не вы, а фабрика. А если окажется, что она обходится слишком дорого, я приму мѣры. Вот точность дѣлового человѣка.

— Асунта, Асунта...
— Налейте мнѣ еще вина.
— Нѣт. Это вам надѣлает вреда.

Она взглянула на него с такой яростью, что он себя спросил, не ошибся ли в учетѣ ея страстности, не недооцѣнил ли ее и не завел ли себя в тупик? Дѣйствительно вѣдь, для такой женщины, изваянной из едва-едва успѣвшей затвердѣть лавы, отказ мог быть равным оскорбленію. Тѣ нѣсколько секунд молчанія, которыя послѣдовали за его словами, были для него секундами напряженнаго ожиданія. Потом Асунта порывисто взяла графин и сама налила полный стакан.

— Напрасно, — промолвил он, как мог примирительнѣй.

— Напрасно? Конечно, все что я дѣлаю всегда напрасно. И напрасно я поѣхала вас навѣстить в госпиталь. Это было особенно напрасно. И сюда пришла напрасно.

— Да нѣт, да нѣт, все можно устроить, все можно отлично устроить. Не надо волноваться. Не надо сердиться.

— Я не сержусь и не волнуюсь. Я всегда такая. Это мое естественное состояніе. Я естественная женщина, а не дѣловая. Хорошо было бы и вам быть естественным человѣком, а не дѣловым. Гораздо это больше к вам подошло бы, чѣм тон школьнаго учителя.

— Но чего же вы, в концѣ концов, хотите? — не выдержал он и тотчас же, осознав грубую безсмысленность вопроса, испытал жгучій стыд.

"Я потерял самообладаніе", — подумал он.

Асунта молча склонила голову. Она ждала, что будет дальше. И так как он молчал, подняла на него упорный взгляд. "Так вот она гдѣ, — казалось, хотѣла она сказать, — твоя дѣйствительность, твоя реальность. Выступившія из воды полосы земли, грязи, глины, по которым можно начать итти, на которых можно будет построить склады, мастерскія? И нанять для работы в них неопытных дактилографок?".

Она приходила к заключеніям: Филипп был потерян, в Филиппѣ она ошиблась. Что ей оставалось? Христина, Савелій, удушливая атмосфера квартиры Варли? Или что, что еще? Бѣгство? Но куда? Она не рѣшалась, но рѣшаться было надо.

— Я больше не голодна, — проговорила она, отодвигая тарелку. — И я устала. Я поѣду домой.

— Асунта, Асунта, что с вами? Подождите, Асунта, не волнуйтесь.
— Не настаивайте.

Она встала, взяла сумочку.

— До свиданія, — проговорила она и пошла прочь.

Он же, наскоро собрав костыли, тоже встал, и, смущенный, разстроенный, почти испуганный, за ней послѣдовал. Она уже вышла в вестибюль и ей помогали надѣвать пальто.

— Это несерьезно, это даже странно, мадам Болдырева, — бормотал он нагнав ее. — Вы меня невѣрно поняли.

Пока отыскивали его пальто, которое, из-за костылей, он надѣл с промедленіем, Асунта успѣла выйти. Он поспѣшил за ней, но, увѣчный, шел медленно. Она уже была метрах в двадцати-тридцати впереди, и шаги свои все ускоряла. Он хотѣл было ее громко позвать, но не рѣшился, испытал от своей нерѣшительности ущерб перешедшій в невыразимое внутреннее мученіе.

"Так, кажется, было, — подумал он, — когда я послал к ней Ламблэ".

Она все удалялась. Он постоял минуту, другую, о чем-то думая, что-то внутри себя переламывая. И, опустив голову, заковылял к ресторану, у дверей котораго толстый швейцар смотрѣл на него с доведенным до совершенства выраженіем предупредительной вѣжливости, под которой никто не угадал бы ни любопытства, ни насмѣшки.

28. — СНѢГ

Все кругом было бѣло и в лучах газовых фонарей скоренько и привѣтливо вспыхивали падающія снѣжинки. Зимній этот вид улицы — только что сѣрой, мокрой и скучной — напомнил Асунтѣ покинутый в дѣтствѣ Петербург, который, с тѣх пор, принял в ея мыслях облик не то чудеснаго сна, не то сказки. Но утѣшенія это воспоминаніе ей не доставило, наоборот, она с горечью сказала себѣ, что как раз из-за ея русско-испанскаго происхожденія и из-за брака со слегка азіатическим Савеліем, чистокровный француз Крозье ея не понял и от нея отвернулся.

"Он принадлежит банкам, — думала она, — и только когда банки поглотит хаос, он поймет, что меня любил".

В этом кварталѣ оживленіе царило лишь днем, и дома, сплошь занятые конторами и складами, были заперты наглухо, темны и мрачны. Асунта не знала, куда направляется. Ноги ея стыли, руки тоже, но щеки горѣли. Минут через пять, совсѣм для себя неожиданно, она вышла на большіе бульвары, гдѣ все сверкало, гдѣ сновали автомобили, гдѣ было много прохожих. Кафе казались переполненными и из нѣкоторых доносилась музыка. Асунта побрела вдоль ярких витрин по направленію к вокзалу Святого Лазаря. Но высокіе каблуки и промокшія туфельки дѣлали ходьбу затруднительной. У ярко освѣщеннаго входа в кинематограф она подумала об удобных, мягких креслах. С афиш улыбались размалеванныя красавицы, фотогеническіе моряки, клоунообразные джентльмены, послы, виртуозы и дегенераты. Грум, в красной шапочкѣ, в курточкѣ с золотыми пуговками, зазывал прохожих, объясняя, что представленіе идет безпрерывно. Асунта взяла билет, проникла в зал, в изнеможеніи сѣла и закрыв глаза, наклонив голову, стала тихонько плакать. Цѣликом сосредоточившись на внутренней боли, она не замѣчала ни того, что мелькало на экранѣ, ни того, что можно было разобрать вокруг. Музыка, чьи-то слова,

полутьма зала, все это осталось в другом мірѣ, из котораго она ускользнула. И вдруг грянул дружный взрыв хохота. Асунта вздрогнула, открыла глаза и увидала прославленнаго комика, вытанцовывавшаго, жестикулировавшаго, выпячивавшаго из под нарочито поднятых бровей глупые глаза, терявшаго и подхватывавшаго продавленный котелок. Злая собаченка трепала и рвала его заплатанные штаны. Зрители были в полном восхищеніи. Сидѣвшій рядом с Асунтой, великолѣпно веселый мальчишка сучил ногами и, давясь от смѣха, выкрикивал:

— Мама, мама, штаны! Смотри, штаны! Собака срывает с него штаны!

Мама, сама сотрясавшаяся от смѣха, еле выговаривала:

— Молчи, не мѣшай слушать.

Асунта стремительно вышла.

— Мнѣ одиночество нужно, как нужна вода тѣм, которые давно не пили, — бормотала она.

Итти домой и запереться было невозможно. Дома ее ждали Христина и Савелій. Дома царил дух Марка Варли.

— Нѣт, нѣт, не это, только не это, — шептала она, — лучше всю ночь пробродить по улицам.

Гнѣв, обида, стыд тѣснились в ея душѣ и с каждой секундой она все отчетливѣй ощущала как растет, как твердѣет непримиримость.

— Он мнѣ открыл путь в пустоту как раз когда я ждала слов любви, — говорила она себѣ, — он забыл, как позвал меня из хаоса и забыл, что я, ни о чем не думая, сейчас же отвѣтила. А теперь? Послѣ увиливаній он признался, что он всего-на-всего дѣловой человѣк. Дѣловой человѣк! Посылает из под обломков поѣзда, почти умирающій, своего друга, чтобы я про все, как можно скорѣй, узнала. А в ресторанѣ офиціальное сообщеніе: прошу считать инцидент исчерпанным. Я дѣловой человѣк. Мнѣ некогда. Дѣловой человѣк! Берет руками, а отдает ногами. Ну и пусть остается со своими дѣлами, со своей женой толстой. И с моим отказом, в придачу. Всѣм, всегда будет отказ. И дѣловому человѣку, и человѣку с бабочками. Уйду в монастырь. Там ни фабрик нѣт, ни полос земли вылѣзающих из воды, ни бабочек, ни Одиссеев, ни Ханов Рунков, ни мальчиков с фокс-терьером на ремешкѣ.

И внезапно замерла: "А если мальчик уже во мнѣ?".

Она круто завернула за угол и побрела по пустынному переулку. Вскорѣ поравнявшись с небольшим кафе она заглянула в окно и увидала, что там почти пусто. В глубинѣ было нѣсколько старомодных деревянных столиков и все имѣло вид слегка провинціальный. Почти машинально Асунта вошла. В воздухѣ висѣло немного табачнаго дыма, пахло пивом и кофе, освѣщеніе было недостаточным и чистота сомнительной. За прилавком цѣловальник мыл и перетирал стаканы, пополнял бутылки. На все это она обратила очень разсѣянное вниманіе, но зато тѣни по углам и под стѣнными диванчиками ее притянули: онѣ

казались успокаивающими, мирными, готовыми выслушать все, что она скажет. Она заказала кофе, сѣла в самой глубинѣ комнаты и закрыла глаза. Ей хотѣлось оживить только что ее терзавшее, и внезапно упавшее, раздраженіе, гнѣв, от котораго ее отвлекло воспоминаніе о мальчикѣ с собачкой, и который мог быть благотворным.

"Как я могла, ну как я могла, — повторяла она себѣ, — все, навѣрно, в этом дѣло. Он сразу почувствовал, что я его обманула. Он не мог не почувствовать, потому, что он меня любит. Почувствовал, что я ему измѣнила до признанія и подумал, что мнѣ все равно, что я ищу спокойной жизни и богатства и больше ничего. И отомстил: ты не поняла, что я тебя люблю, не дождалась, так на же, возьми: я дѣловой человѣк и могу тебѣ предложить мѣсто".

Асунта не замѣчала, что думает вслух.

— Что, милочка, не идут дѣлишки? — услыхала она низкій женскій голос и, обернувшись, увидала недалеко от себя, в тѣни, которую отбрасывал угол прилавка, старую женщину. Ввалившіяся губы, толстый, вздернутый нос, сѣдыя космы, выбивавшіяся из под вязаннаго берета, красныя руки — все говорило о незавидной старости. Асунта не знала что отвѣтить и та, воспользовавшись ея замѣшательством, прибавила:

— Когда дѣвочка, вот так, как ты, сама с собой говорит, так это показывает, что дѣлишки неважны.

— Я сама с собой говорила?

— Точно. Ты даже и этого не замѣтила. Ой-ой, любовь-то, любовь-то что дѣлает.

— Почему любовь? Что вы знаете?

— Что знаю? А что бы это могло быть другое? В мои годы, когда всего повидал, не ошибешься.

— И для всѣх, по-вашему, одинаково?

— Для всѣх не для всѣх, а когда дѣвочка так одна сидит и себѣ под нос бормочет, то яснѣй яснаго. О-о! Посмотри-ка в окно. Снѣг как валит. Бѣдная моя машина. Не найдешь, пожалуй; совсѣм занесет.

— Машина?

— Да, но не с мотором, ручная. Сама в нее запрягаюсь. Вон она. Глянь.

Асунта увидала по ту сторону переулка довольно большую, покрытую брезентом телѣжку.

— И придется еще ее пихать по такой погодѣ до улицы Ламартина, — разсмѣялась старуха. — Я там живу, на чердакѣ. Если бы он видѣл, так стихи бы навѣрно написал: "Уличная торговка" или "Бѣдная актерка". Что подѣлать, если я была актеркой? По подмосткам бѣгала тридцать пять лѣт. А оттуда все как есть видно. Это только так думают, что на подмостки выходят чтобы показаться и хлопки или свистки послушать. На самом дѣлѣ смотрят и видят актеры, а не публика. Если как слѣдует к своей роли не присмотришься, так обяза-

тельно соврешь. Хочешь, не хочешь, а все наизусть выучиваешь, и любовь, и не любовь. Ни к чему, конечно. Под старость все равно швейцарихой, или вот, как я, уличной торговкой становишься. Чтобы не попасть в убѣжище, понимаешь? Там нашему брату хуже всѣх приходится, именно потому, что мы все насквозь видим. Если б еще старик был...

— Вы вдова?

— Нѣт. Мужа не было, даже милаго дружка не было. Т. е. дружков у меня было много, только всѣ меня побросали. Если один бросит, два, три — куда ни шло. А если больше? Поневолѣ себя спросишь: какая она эта самая любовь? А теперь увидала, что ты мучаешься, ну и заговорила. О твоем нутрѣ заговорила.

— Оставьте меня в покоѣ.

— Ну да, ну да, милочка, оставлю тебя в покоѣ. Пойду тащить своего Ситрона. Ну и погодка, прости Господи. Сколько я тебѣ должна, хозяин?

Она расплатилась и, уже у самой двери, добавила:

— До свиданія, красавица, не сердись. И не слишком много возись с мужчинами. Такое уж это дѣло любовь. Если она по мѣркѣ, то куда ни шло. А если нѣт — то лучше не надо. Она, видишь, бывает благословенной, но рѣдко. По большей части она проклятая. И не сердись, не сердись, до свиданія, красавица моя раскрасивая.

Она вышла и Асунта видѣла, как стряхнув с брезента снѣг, она взялась за оглобли, слегка нагнулась и зашагала.

"Если бы она только могла догадаться, что я измѣнила любовнику до того, как стала любовницей, да еще с собственным мужем, — думала Асунта, — так не толковала бы о том, что все про любовь знает".

Вошли какіе-то люди, отряхнулись, потопали ногами. Они наперерыв и громко говорили, смѣялись, им явно было очень весело. За окном снѣг все падал и падал, наводя мысль на далекіе засыпанные поля, сады, такіе всѣ спокойные и бѣлые. Тут таких не бывает. Асунта вышла. Открытыя туфли и высокіе каблуки были — по такой погодѣ — очень неудобны. Она увидала свѣтящуюся вывѣску небольшой гостиницы, и когда снѣжинки попадали в ея лучи, то могло показаться, что онѣ летят на свѣт, как мотыльки. "Бѣлыя мухи", — подумала Асунта и вошла, чтобы спросить, нѣт ли свободной комнаты. Оставалась одна, под самой крышей. Асунта заполнила полицейскую фишку, расплатилась и стала подниматься по крутой и узкой лѣстницѣ. Комната-мансарда ей понравилась. "Такую бы свѣтелку получить в монастырѣ, гдѣ нибудь в горах" — прошептала она. У высоко расположеннаго окна была ступенька, став на которую Асунта долго смотрѣла как все падал и падал снѣг.

"О каком моем нутрѣ толковала эта старая вѣдьма, — припоминала она торговку-актерку. — Я не люблю, не люблю Савелія. (Она даже ногой топнула). Бѣда в том, что он меня любит, и даже очень.

И чѣм больше любит, тѣм больше мучается. Если Филипп меня любит, то он тоже должен мучиться. Такое что ли у меня нутро, что из-за меня мучаются?".

Еще раз взглянув на крутящіяся снѣжинки, Асунта раздѣлась и легла в холодныя и грубыя простыни. Задрожала. Свернулась калачиком. И долго плакала.

29. — ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РАЗСВѢТѢ

Было еще совсѣм темно, когда она проснулась. До того, как она хорошенько поняла гдѣ она и что с ней, прошло минуты двѣ-три. Невыразимая тоска сжала ея душу и, перебирая мысленно всяческія сожалѣнія, она дѣлала и себѣ самой и другим всѣ возможные упреки. По часам получалось, что метро уже ходит. Она наскоро одѣлась, спустилась по крутой лѣстницѣ и вышла на улицу, гдѣ талый снѣг тотчас же набился в ея открытыя туфельки. В вагонѣ была давка и толпа еле-еле шевельнулась чтобы позволить ей войти. Она старалась не замѣчать упорных и иронических взглядов стиснувших ее мастеровых и чернорабочих. Вдоль заводских стѣн она почти бѣжала и испытала облегченіе когда увидала бѣлизну своей улицы: движеніе там было рѣдкое и снѣг лежал нетронутым. Передняя, которую она покинула накунѣ, с затаенной надеждой на рѣшительную перемѣну, и куда — вѣрная супруга — она в неурочный и недозволенный этот час возвращалась как измѣнница, показалась ей слишком чистой и слишком тщательно убраной. Она тихонько растворила дверь в спальню и тотчас же Савелій зажег свѣт.

— Это ты, — сказал он, приподнимаясь и садясь в постели.

Она не отвѣтила, прошла прямо к кроваткѣ Христины, взяла ее на руки и принялась неумѣренно цѣловать. Та, еще не проснувшаяся, похныкала, потом поддалась ласкѣ. Савелій, все продолжая сидѣть, слѣдил за этим проявленіем нѣжности не говоря ни слова. Но через минуту он лег и закрыл глаза рукой. Он находил в своем рѣшеніи "молчать" самую надежную из опор. Вопросы, упреки, восклицанія, гнѣв, угрозы, категорическія рѣшенія ничего устроить, разумѣется, не могли.

30. — БЕРЕМЕННОСТЬ.

Послѣдовавшія за обѣдом с Филиппом недѣли были для Асунты особенно мучительными. С одной стороны она видѣла все такого же терпѣливаго, спокойнаго, молчаливаго Савелія, который ухитрялся скрывать даже тѣ усилія, которыя ему приходилось дѣлать чтобы ничего не было замѣтно. С другой стороны она продолжала ждать какого-то извѣстія. Какого — она не знала, и в том, что оно поступит, увѣренности у нея, разумѣется, не было. Но она все-таки ждала. Она

стала бояться слов, ей постоянно казалось, что у них есть скрытое значеніе, что они содержат намеки или насмѣшки. Как-то Савелій, без всякой задней мысли, совсѣм попросту спросил ее, не жмут ли маленькія туфли, которыя она в тот день надѣла, и она приняла это за напоминаніе об утреннем возвращеніи, вспыхнула, затрепетала, подавила в себѣ позыв отвѣтить рѣзкостью и убѣжала в спальню. Она удѣляла все больше вниманія Христинѣ, баловала ее и дѣлала с ней большія прогулки: так, не вызывая возраженій, она могла надолго отлучаться из дому. И, через нѣкоторое время, послѣ устранившаго всякія сомнѣнія визита к доктору, она сказала Савелію:

— Я ожидаю ребенка.

Вѣрный правилу молчанія Савелій не задал ей никакого вопроса. Срок, как будто, точным указаніем не был. Но было возвращеніе ранним утром, которое, поставленное в связь со словами Асунты о беременности, прозвучавшими как признаніе, обращало подозрѣніе в почти увѣренность.

Со своей стороны Асунта, которая знала, что никакого средства против того яда, который она влила в его душу, нѣт, тоже молчала. Нѣкоторое, само по себѣ возникшее, равновѣсіе между сомнѣніем и довѣріем, опасеніем и надеждой, протестом и покорностью позволило им продолжать совмѣстную жизнь. Что в ней появилась трещина, было одинаково ясно и ему, и ей, и ни он, ни она этого и не думали отрицать. Только он желал возвращенія к старому, а она находила в этих новых отношеніях едва ли не преимущество: ея всегдашняя независимость еще окрѣпла и она могла отвергнуть малѣйшую попытку Савелія напомнить о своих супружеских правах, — если бы только такая попытка послѣдовала.

31. — НЕУЛОВИМОЕ ОКОНЧАНІЕ.

Силы Марка Варли, между тѣм, вернулись и он возобновил свои ночныя бдѣнія. Савелій установил в своем углу-ателье складную кровать, что позволило ему, когда он того хотѣл, оставаться совсѣм близко от старика хотя бы всю ночь. Порой они оба бодрствовали чуть не до зари. Но Савелію приходилось вставать рано, чтобы со всѣм справиться, он часто не высыпался и по утрам бывал разбитым. Впрочем, он не жаловался, находя в таком постоянном напряженіи моральное удовлетвореніе. Асунта возобновила готовку, что сняло с него часть забот, так что он надѣялся выдержать довольно долго. Очень одна на другую похожія недѣли вытягивались прямой линіей, и наслоенія вопросов, на которыя надо было молча ждать отвѣтов, и все то, в чем нельзя было сознаться, все, в чем вообще нельзя сознаваться, стали тяжестью привычной, и потому переносимой. Иллюстрированіе текстов Варли помогало Савелію — пока он рисовал — обо всем прочем забы-

вать. Варли писал много, но, по большей части, написанное рвал. Он никак не мог найти окончанія исторіи мальчика с собачкой.

— Оно от меня ускользает, — жаловался он Савелію, — помогите мнѣ его найти. Сдѣлайте набросок. Сдѣлайте нѣсколько набросков. Выразите то, чего я выразить не могу. Я жду от вас сотрудничества, настоящаго, глубокаго. Нам надо добиться совмѣстных видѣній. Со-видѣній, смѣю я сказать. Поддержите меня, мой молодой друг.

И Варли смѣялся добрым и благожелательным смѣхом.

Савелій измѣнял контуры пейзажа, искал лица, искал глаза, искал силуэт мальчика и собачки, старался уловить мысленно и выразить на бумагѣ их движенія — но все, всегда, было не тѣм, что надо.

— У со-видѣній, — говорил он Варли, — двѣ стороны: лицевая и обратная. Как я, входящій в обратную, могу видѣть то, что на лицевой?

— Постарайтесь. Для меня постарайтесь. Возможно, конечно, что мнѣ придется помереть раньше чѣм вы найдете. Но развѣ из-за этого надо отказываться от попыток? Не хочу отказываться. Ну а если не успѣю, то завѣщаю вам все додѣлать послѣ моей смерти.

— Ну, ну, м-сье Варли, о чем вы говорите.

— Ни о чем особенном. Просто не строю себѣ иллюзій. Я перевалил за два милліарда ударов и мнѣ надо быть готовым.

— За два милліарда ударов?

— Ну да. В среднем каждому сердцу надо два милліарда раз постучаться в двери райскія, прежде чѣм его услышат и откроют. Но мнѣ вышла отсрочка. Я два милліарда отстукал, а двери все заперты.

— Да вы дольше моего проживете.

— Думаете вы, что я боюсь смерти? Не боюсь совершенно. Развѣ мы всѣ не полноправные граждане потустороннаго? Одно то, что число отпущенных нам ударов отмѣрено, тому доказательство. И вот еще сравненіе: купальные костюмы.

— Не понимаю.

— Между тѣм это просто. Купальный костюм покупают чтобы съѣздить на море, поплавать. Когда сезон кончается, он больше не нужен, его выбрасывают и ѣдут домой. То же самое — тѣло. В нем мы на сезон двух милліардов ударов. Когда послѣдній стукнет, придется его выкинуть и уѣхать домой. При этом купальный костюм не прикрывает всего тѣла, так же как тѣло не прикрывает всей души. На пляжѣ ноги, руки, плечи, голова торчат из костюма. А в жизни нѣкоторыя части души выступают из тѣла. Это-то я и хочу объяснить в исторіи маленькаго мальчика. О частях души, не помѣщающихся в тѣлѣ, не вставляющихся в тѣло, хочу разсказать. Именно это дѣлает возможным видѣнія.

Старик еще долго на эти темы распространялся, но очень утомленный Савелій слушал плохо и не отвѣчал.

— Вы понимаете? — спросил его Варли. — Или вы скептик?

То, что я говорю, совершенно серьезно. И должно быть видно в ваших набросках.

— Трудновато, м-сье Варли. Признаюсь, что не увѣрен в успѣхѣ. Боюсь, что мои два милліарда будут исчерпаны раньше.

— Постарайтесь, постарайтесь, для меня постарайтесь, друг мой. Я очень настаиваю. Я в высшей степени настаиваю.

Недѣлями двумя позже Варли пришел в ателье Савелія с большим конвертом в руках. Он казался угнетенным, грустным.

— Я отказываюсь, — сказал он.

— Вы отказываетесь? От чего?

— От того, чтобы найти окончаніе. Поручаю это вам. Вот тут, в конвертѣ, незаконченный текст.

— Взгляните на мои новые наброски, м-сье Варли. Может они ближе подходят к тому, что вы ищете.

И Савелій развернул листы.

— Нѣт, это опять не то, — проговорил Варли, внимательно все осмотрѣв. — Опасаюсь, что рисунок, в этом случаѣ, вообще будет невозможным. Надо поискать что-то другое.

— Почему?

— Из-за всего вмѣстѣ. И из-за двух милліардов, за которые я перевалил, и из-за потусторонних шумов, которые я начинаю слишком явственно слышать. Я стар и бодрствую почти до утра. И это мнѣ позволяет видѣть, как складываются моральныя глыбы.

— Простите?

— Да. По ночам встают, возникают разныя сближенія, которых днем не бывает. Духовныя, так сказать, связи, к утру распадающіяся. Мнѣ показалось прошлой ночью, что с маленьким мальчиком лучше не настаивать. Окончаніе, которое от меня ускользает, наброски, которые вам не удаются, входят в состав царства видѣній. И оттого недоступны. По крайней мѣрѣ теперь. Храните конверт; может быть позже, гораздо позже, когда настанет его время, вы его вскроете и все прояснится. А пока храните конверт. Бережно его храните. Это очень, очень существенно. Постарайтесь, чтобы от вас конец не ускользнул, как он ускользает от меня.

— Как вам угодно. А другіе тексты?

— О! Другіе остаются в полной силѣ. Они всѣ доведены до заключеній. Хотя бы Хан Рунк. Конечно, он труден и из-за личности самого Хана, и из-за послѣдствій его поступков.

— Я ознакомился только с отрывками. Общаго впечатлѣнія у меня нѣт.

— Но все-таки не забывайте, что в эту прозу вы вступили еще до того, как я вас встрѣтил. Хан Рунк это самое грандіозное из столкновеній внѣземных сил. Я собрал всѣ матерьялы, у меня множество доказательств, свидѣтельств, выписок, цитат, протоколов. Все это в приложеніи. Но теперь пришел к выводу, что лучше это разбить по страницам, в видѣ примѣчаній. Так читать будет много удобнѣй. В этом

вы тоже мнѣ можете помочь. Рѣшительно у меня на вас широчайшіе виды, так что если вы думали, что со мной скоро покончите, то ошиблись. Вам придется имѣть дѣло с краткими дѣловыми разъясненіями, касающимися самых непостижимых обстоятельств, первопричины которых скрыты в словах царя-поэта: возьму крылья зари и унесусь на них к границам міра, а там Бог. Когда вам придется сравнить описаніе какого нибудь событія с поясненіями, то вы удивитесь. Описаніе — невообразимо. Но в сноскѣ будет, напримѣр, значиться: см. рапорт комиссара третьяго округа Баркера полицейскому слѣдователю от 22-го ноября 1922-го года за № 0367 (102) А А 75. — Копія мэтру Бальмони, 45 бис, улица Лобино, Париж-6. И, конечно, в большинствѣ случаев рѣчь идет о замятых дѣлах. Тому достаточныя основанія. Опаснѣйшій революціонер Хан Рунк располагал огромными связями в политических сферах. Когда вы приведете текст в полный порядок, то получится самое увлекательное из чтеній. Вот онѣ моральныя глыбы. И вы в них вошли цѣликом.

— Я?

— Да. Цѣликом. Мнѣ готовят мѣсто под райскими кущами, услыхали, наконец, как я стучусь. Больше двух милліардов ударов! Пора! Во-время вас встрѣтил, есть кому поручить то, чего сам сдѣлать не успѣю. Развѣ не замѣчательно? Развѣ это не относится к области не совсѣм вставившихся в тѣла душ?

Савелій молчал. Недоумѣніе, любовь, затаенное горе, пересиленная ревность, недосыпаніе, усталость расшатали его натуральное равновѣсіе. Теперь, к одной из самых несуразных ночных рѣчей Марка Варли прибавилась просьба заняться сносками в текстѣ Хана Рунка. И надо было хранить драгоцѣнный конверт.

— Вы согласны? — спросил Варли.

— Да. Согласен.

32. — МАЛЕНЬКІЙ ДОМИК.

В сущности, вопроса о согласіи или несогласіи не возникало. Савелій не мог не мириться с тѣм, как все складывалось. Дружественное расположеніе Варли, увлеченіе рисованіем, увѣренность в завтрашнем днѣ, комфорт, легкость работы Асунты, — все это он учитывал и если и были нѣкоторые вопросы, то недостаточные для того, чтобы рѣшиться на большія перемѣны. Он спрашивал себя, время от времени, не слабость ли это с его стороны? "Можно ли безропотно мириться с ролью услужающаго, соглашаться со всѣми требованіями старика и принимать всерьез его бредни?" — говорил он себѣ. Но вышло так, что с наступленіем весны Варли проявил по отношенію к нему особенное довѣріе, поставив его в извѣстность о нѣкоторых вещах и, примѣнительно к этому, сообщив, что он, опять таки, разсчитывает на его

помощь. В противуположность установившейся привычкѣ он поднял вопрос не ночью, а послѣ завтрака.

— Я был не совсѣм точен, — начал он, — когда сказал вам, что я один на свѣтѣ.

— Если у вас на то были причины...

— Да, конечно. Развѣ во Франціи хоть что нибудь бывает без причины? Просто у меня не было повода вам об этом говорить и это вѣдь причина. Кромѣ того, я вас, по-настоящему, еще не знал. А теперь вы мой друг. Я на вас разсчитываю.

— Надо ли мнѣ быть польщенным? Или смущенным? Или и то и другое вмѣстѣ?

— А-а! Правда? Оставьте эту условную вѣжливость, друг мой. Она ни вам, ни мнѣ не к лицу. Слушайте лучше, что я вам, вкратцѣ, разскажу. У меня есть племянница, которая ждет моей смерти чтобы унаслѣдовать квартиру. Время от времени она меня навѣщает. Как раз вчера, когда вы отлучались за покупками, она зашла. Ее впустила ваша жена, которой она успѣла пояснить, что я ея дядюшка. Как видите, мадам Болдырева в курсѣ. Но это неважно. Племянница пробыла у меня с полчаса, что мнѣ дало повод лишній раз повторить: мементо мори. Квартирный вопрос стоит остро и ея нетерпѣніе мнѣ отлично извѣстно. Оно понятно. Она моя единственная родственница и я ей все оставляю. Все кромѣ рукописей. Их я оставляю вам.

— М-сье Варли...

— Нѣт, нѣт, не перебивайте. Ничего не говорите. Ничего. Я обдумал, принял рѣшеніе и надѣюсь, что вы меня не принудите его отмѣнить.

— Совсѣм искренне признаюсь, что смущен той честью, которую вы мнѣ оказываете. Не знаю, что мог бы сказать другое.

— Слушайте дальше. Рѣчь не только о том, чтобы мои труды попали в надежныя руки, но еще о том, чтобы они не были уничтожены. Я дрожу при мысли, что ими завладѣет моя племянница. У нея колбасный магазин и она, прежде всего, предана своему дѣлу. Она... как вам сказать? Ну, грубая матерьялистка. То, что меня интересует и меня захватывает, ей болѣе чѣм безразлично. Она просто в этом ровно ничего не понимает. Она меня даже бранит, говоря, что я занимаюсь никому не нужной ерундой. Ничего у меня нѣт с ней общаго, кромѣ родственной связи. Тогда как между мной — писателем — и вами — художником — протянулись крѣпкія нити. Мы друг друга отлично понимаем, не правда ли? Друг мой, не правда ли?

— Конечно, м-сье Варли. Только повторяю...

— Ничего не повторяйте. Я все за вас предусмотрѣл. Я знаю, что вам надо работать и что для вас главное — это ваша семья. А! Если бы я был богат, то завѣщал бы вам средства, достаточныя для того, чтобы вы могли жить безбѣдно и завершить мое дѣло. Но я всего располагаю пенсіей, которая кончится с моим исчезновеніем. Она главнѣй-

шая часть моих доходов, остальное — пустяки. Есть у меня еще небольшая недвижимость. Доходов она не приносит, но...

— Мое смущеніе граничит со смятеніем, м-сье Варли.

— Нѣт. Не должно быть ни смущенія, ни смятенія. А вот: небольшой домик в департаментѣ Дром и, при нем, двѣ тысячи квадратных метров плодородной земли — мои владѣнія — расположены недалеко от большой деревни, в которой работают три или четыре фабрики: фруктовых и овощных консервов, упаковочная, лѣсопильная, тюфяко-матрацная, дубильная... Я вам оставлю мой домик. Вы сможете там жить и огородничать, подрабатывая на одной из фабрик. А в свободное время будете иллюстрировать мои сочиненія, и распредѣлять подстрочныя примѣчанія к Хану Рунку. Рукописи вы перевезете туда теперь же. Это, если можно так выразиться, духовная часть моего наслѣдства, которая по праву отходит вам. Никому другому. Только вам. Я вас прошу меня заступить, принять от меня все самое мое драгоцѣнное, его сохранить и всегда о нем заботиться. Савелій! Вы не можете мнѣ в этом отказать! Вы вѣдь жили в моих страницах еще до того, как я вас узнал. И онѣ вам, эти страницы. Вы их хранитель. И если...

Варли вдруг умолк.

— Скажите, что вы хотѣли сказать, — промолвил Савелій.

— Если вы, в концѣ концов, найдете издателя, опубликуйте их. Вы, может быть, думаете, что я себѣ противорѣчу? Не говорил ли я вам, в самом дѣлѣ, что хочу оставаться писателем чистым, подлинным, отчего никогда даже и не пытался хоть что нибудь из моих сочиненій издать. Но посмертное изданіе — другое дѣло. Посмертное изданіе будет жить своей жизнью и когда настанет его час само умрет. Оно не будет осквернено авторским тщеславіем и не послужит поводом для сплетен, наговоров, интриг, зависти и мести. Я на вас разсчитываю.

Савелій не знал, надо ли попросить времени на размышленіе? Он, сверх того, опасался принять рѣшеніе не поговорив с Асунтой. Ея своенравіе могло привести к возникновенію почти непреодолимых препятствій. Варли, между тѣм, молча и вопросительно на него смотрѣл.

“Жизнь в неустроенном, деревенском домѣ, огородничество и работа на сосѣдней фабрикѣ, куда придется ѣздить, вѣроятно, на велосипедѣ и по всякой погодѣ, — думал Савелій, — Асунта скоро с двумя дѣтьми, часто усталая, всегда враждебная, не улыбающаяся, ждущая... Полная оторванность от городской жизни, уединеніе, с одним “молчаніем” в подмогу”.

И потом ему представились вечера: лампа, рукописи, рисунки, мысли, что-то такое, во что можно будет уйти с головой, что-то такое, что с каждым днем все больше и больше будет складываться в цѣлое, совершенствоваться, приближаться к собственной жизни.

— Я согласен, — сказал он.

— Я был в этом увѣрен, — прошептал Варли. — Я даже ваше небольшое колебаніе предвидѣл. Но если рѣшено, не будем терять вре-

мени. Вы уѣдете сегодня вечером, посмотрите, какой нужен ремонт, что нужно пріобрѣсти из мебели и обиходных вещей и, вернувшись, сдѣлаете мнѣ подробный доклад. А в вашем отсутствіи обо мнѣ позаботится ваша жена.

33. — РѢШЕНІЕ ВТОРОЕ.

Разныя, болѣе или менѣе опредѣленныя, опасенія шевелились в головѣ Савелія, когда он шел к Асунтѣ, чтобы поставить ее в извѣстность о предстоящей отлучкѣ. В Царствѣ видѣній, через которое он проходил, не было ни пылинки и он точно мог взвѣсить непрерывность усилій, которых поддержаніе такой чистоты от него требовало. О том, чтобы Асунта согласилась эту чистоту поддерживать, не было и вопроса. Но оставалась готовка, оставались покупки.

— Готовить, подавать, убирать со стола, мыть посуду, ходить за покупками, стелить постель? — сказала Асунта, когда Савелій с ней заговорил. — Удивлена, что ты меня спрашиваешь. Может быть ты хочешь, чтобы я тебя замѣнила и для иллюстрацій? Но я не умѣю рисовать, ты это знаешь. Сверх того, ты, вѣроятно, забыл, что я в положеніи. Мнѣ нельзя дѣлать усилій.

Такая рѣшительность не позволила Савелію сказать, что за первой, краткой отлучкой можно предвидѣть другія и что потом должен послѣдовать окончательный переѣзд в деревню. Это сообщеніе он пока отложил. Варли же он предложил, в виду отказа Асунты, подыскать приходящую прислугу. Едва он заговорил, как старик его оборвал:

— Я так и думал. Я не раз имѣл случай наблюдать м-м Болдыреву. Ея согласіе было проблематично и я попросил вас навести справку без особой надежды на удачу. Но, Савелій, друг мой, не к лучшему ли это?

— То-есть как к лучшему?

— Очень просто. Мы поѣдем оба. Я все сам осмотрю, сдѣлаю распоряженія насчет ремонта и мы вернемся. В сущности, меня уже давно тянет там побывать, но один я ѣхать не рѣшался. А теперь у меня отличный спутник. Никаких вопросов.

— Дѣйствительно, — отвѣтил Савелій, который думал, что и в этих условіях Асунта окажется недовольной. Уже сколько времени она ничѣм не была довольна. Он вторично к ней направился. О немедленном отъѣздѣ с Варли он ей сказал не терпящим возраженія тоном.

— Хорошо, — произнесла она равнодушно, продолжая пришивать пуговицу к пальто Христины. И легко было догадаться, что она думает: "дѣлай, что хочешь, и как хочешь. А меня оставь в покоѣ, это все, о чем я прошу".

Приготовленія к отъѣзду были начаты тотчас же. Варли за всѣм внимательно слѣдил, во все вмѣшивался: "Возьмите это, не забудьте то, этого не берем, но вот зонтик, фуфаечки взять надо непремѣнно. И будильник, и мои стило, и запасы бумаги...".

Они навели справки в желѣзнодорожном указателѣ.

— До чего же все сложно, — говорил Варли, — и как все трудно. Без вас, друг мой Савелій, эта поѣздка никогда не состоялась бы.

Вопрос о рукописях вызывал сомнѣнія. Надо ли их взять с собой теперь же или сначала заготовить там полки, шкафы и потом все перевезти и сразу разложить по мѣстам, в полном порядкѣ? К тому же укладка могла занять много времени. Савелій не знал, что посовѣтовать. Не было ли это забѣганіем вперед, практической подготовкой наслѣдства? Учетом приближающейся кончины?

— Оставим пока рукописи здѣсь, — промолвил он, — онѣ нам понадобятся, когда мы вернемся.

Варли посмотрѣл на него с испугом, и, помедлив нѣсколько секунд, произнес:

— Вы правы. Мы вѣдь ненадолго отлучимся.

Когда Савелій пошел попрощаться с Асунтой, та и не попыталась скрыть раздраженія.

— Оставляешь меня одну, с ребенком, в положеніи, в этой квартирѣ, которую я ненавижу. Очень мило с твоей стороны.

— Но вѣдь всего на нѣсколько дней.

— На нѣсколько дней, которые могут превратиться в нѣсколько недѣль, с этим твоим Варли. Он, что хочет, то и рѣшает. А ты перед ним как на задних лапах.

— Асунта, Асунта... Мы даже вещей с собой почти не берем. И. сверх того, причины этой поѣздки касаются не только меня, но и тебя.

— Каким образом онѣ меня касаются?

— Об этом поговорим подробно, когда я вернусь и буду все знать сам.

— Уж не хочет ли Варли нас поселить в котловинѣ с бабочками?

— Не волнуйся и не разспрашивай. Я все объясню своевременно. Мнѣ надо сначала самому орьентироваться. А пока могу только сказать, что наша теперешняя поѣздка носит характер дѣловой.

— Дѣла или бабочки, бабочки или дѣла, вот твой Марк Варли. А ты в нѣмом восхищеніи. Дѣлай что хочешь. Что хо-чешь.

Она подставила ему щеку и искоса посмотрѣла, как он расцѣловал Христину. Потом она слѣдила в окно за погрузкой. Савелій положил в такси два чемодана, усадил старика, занял мѣсто сам. Асунта не знала нерасположеніе она испытывает к мужу или его уже ненавидит. Его подчеркнуто почтительная заботливость ее невыносимо коробила.

"Никогда, никогда не скажу правды, — думала она, — пусть так и думает, что во мнѣ не его ребенок".

Такси тронулось. Она отошла от окна и долго стояла в неподвижности .

"Тот что угодно может дѣлать, — думала она, — и я все равно буду его любить. Несмотря ни на что. Вопреки всему".

Уже сколько времени от него не было вѣстей. Но, по мѣрѣ того, как текли недѣли, она все больше и больше становилась в себѣ увѣренной и все крѣпло ея желаніе все сохранить для себя одной.

"Это как зарытый в землю клад, — повторяла она, — и я знаю, что он вернется, его отроет и увидит, что он не тронут".

34. — ГРАВБОРОН

В поѣздѣ Варли заснуть не смог и в Ливронѣ, гдѣ надо было пересѣсть, вышел на платформу разбитым. Поѣзда в Гап ждать пришлось недолго, но едва расположившись в купе старик стал жаловаться уже не на усталость, а на плохое самочувствіе. Савелій окружал его всяческой предупредительностью, которая, конечно, не могла замѣнить недостатка сна. От Гапа надо было ѣхать еще два часа на автокарѣ, так что, когда путешественники прибыли в Гравборон, Марк Варли был совсѣм слабым.

Гравборон был расположен у подошвы невысокаго полугорья. По другую сторону открывался вид на обширную и красивую долину. Что до домика, то посѣщеніе его откладывалось и из-за утомленія Варли и из-за того, что он давно стоял запертым.

— Я поручил наблюденіе за ним нотаріусу, — пояснил Варли, — но он живет в сосѣдней деревнѣ и часто навѣдываться, конечно, не мог.

В мѣстной гостиницѣ Варли отвели сравнительно удобную комнату и он сразу лег.

— Я и не думал, что у меня так мало осталось сил, — шутил он. — Путешествіе меня не утомило, а переутомило! Боюсь, что был недостаточно осторожным рѣшаясь на него.

— Отдохнете и силы вернутся, — одобрял его Савелій. — Все дѣло в недостаткѣ сна. В ваши годы совсѣм не спать нельзя.

— Это так. Но до домика добрых два километра и, кажется, я и завтра не смогу до него добраться.

— Мы не спѣшим. Если не завтра — то послѣ-завтра. Я постараюсь нанять автомобиль или повозку.

Когда Варли уснул, Савелій пошел осмотрѣть деревню. Дома были старые, солидной каменной кладки, по большей части двухэтажные, крытые черепицей. В центрѣ находилась небольшая, неправильно очерченная площадь, украшенная старинным водоемом, в который из разинутаго рта полузаросшей тиной головы фавна лилась прозрачная и холодная вода. Главная улица была, в сущности, пересѣкавшей деревню дорогой. Справа и слѣва в нее впадали узкіе переулки, из которых нѣкоторые шли довольно круто в гору. Кое гдѣ были ступени из древних плит. Тяжелыя двери домов, казалось, никогда ни для кого.

кромѣ хозяев, не открывались. Обвитыя плющем каменныя наружныя лѣстницы, изгороди, высѣченныя из известняка скамьи возлѣ входов, выкрашенныя в зеленый цвѣт ставни — все было красиво и живописно. В концѣ главной улицы, там, гдѣ она становилась дорогой, открывался вид на долину, ту, по которой Савелій и Варли только что проѣзжали в автокарѣ. Вездѣ тщательно воздѣланныя поля, виноградники, фруктовые сады, огороды. Все дышало спокойствіем и миром. Над черепичными крышами ферм вились дымки, дальше виднѣлись другія деревни, в бассейнах и ручьях поблескивала вода. Кругозор замыкала цѣпь невысоких, пологих гор, вытянувшаяся волнистой линіей, сообщавшая пейзажу и законченность, и опредѣленность.

Савелій пересѣк деревню в обратном направленіи. Здѣсь на протяженіи первых ста метров дорога довольно круто поднималась вверх, потом, становясь болѣе отлогой, скрывалась за каменистым выступом. По сторонам ея были фруктовые сады, отдѣленные один от другого колючими кустарниками или низкорослыми кипарисами. Тут и там орѣховыя, шелковичныя и миндальныя деревья, тополя, оливковыя рощи. Выше склоны покрывал сплошной низкорослый дубняк, еще выше шли лишайники, мхи, потом каменистая подпочва выступала наружу, переходя в небольшія, свѣтло-сѣрыя, почти бѣлыя скалы.

Справки, которыя Савелій стал наводить насчет автомобиля или повозки, остались безплодными. Никто ничего вразумительнаго ему не сказал, ни в гостиницѣ, ни в лавках. Разспросы о самом домикѣ тоже мало к чему привели.

О нем знали только, что он давно стоит запертым. О Варли никто почти ничего не помнил, к его появленію отнеслись совсѣм равнодушно. От нѣскольких разговоров с жителями Гравборона у Савелія осталось скорѣй удручающее впечатлѣніе: собесѣдники его были непривѣтливы и смотрѣли на него и с недовѣріем, и с подозрѣніем.

Мысль о том, чтобы, воспользовавшись сном старика, пойти взглянуть на домик, Савелій отбросил. Фантасмагорическіе персонажи, жившіе на страницах Варли, с которыми ему предстояло проводить вечера, в предварительной развѣдкѣ не нуждались.

35. — ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Варли проснулся около пяти, когда не слишком еще предпріимчивое весеннее солнце стало готовиться к отдыху. Савелій позаботился о том, чтобы его накормить, для чего ему пришлось вступить в пререканія с хозяйкой, не хотѣвшей, в неположенный час, собрать хотя бы легкій завтрак. Но Савелій настоял и настоял еще на том, чтобы в столовой затопили камин.

— Еще свѣжо и стѣны сырыя, — сказал он, кутая ноги Варли в плэд.

Камин дымил и чтобы установилась тяга пришлось пріоткрыть дверь. Опять хозяйка стала ворчать!

На самого Варли всѣ эти мелкія трудности не производили никакого впечатлѣнія. Он даже казался мягче и привѣтливѣй обычнаго. Суп, омлетка и сыр были средняго качества, но он все съѣл не выразив ни малѣйшаго неудовольствія. Только кофе, еле теплое и слабенькое, побудило его поморщиться.

— Не такое оно, как мое, — замѣтил он.

Образ старика, склонившагося над столом, пишущаго, перечитывающаго написанное, справляющагося в словарях и, время от времени, отрывающагося, чтобы сдѣлать глоток душистаго и горячаго напитка, мелькнул перед умственным взором Савелія. И он почувствовал, как в нем шевельнулось что-то похожее на душевную привязанность.

— В основѣ всего лежит непривѣтливость и недовѣріе мѣстных жителей, — проговорил Варли.

Савелій не понял. Варли пояснил:

— Если в основѣ не всего, то, во всяком случаѣ, того, что я рѣшал, когда стал независимым. Это старая исторія, в которую вы теперь втянуты.

— Я втянут в старую исторію?

— Именно. Не забывайте про мальчика с собачкой.

Напоминаніе это заставило Савелія насторожиться, так как к суевѣрным мыслям о мальчикѣ с собачкой он возвращался часто. Перебирая в памяти обстоятельства первой ночи в квартирѣ Варли, вспоминая, как нѣжно к нему прильнула Асунта послѣ того, как он ей разсказал про мальчика и, потом, ожидая рожденія ребенка, он говорил себѣ, что если родится мальчик, то это будет значить, что он отец, а если дѣвочка, то отец тот, другой... Он сознавал, что все это и тщетно, и суетно, но переубѣждать себя не хотѣл. Таковой была его природа.

— Я не кончил этого разсказа, я вам про это сказал, когда передал конверт, — продолжал, между тѣм, Варли. — Вам придется меня заступить.

— Вы видѣли мальчика в Гравборонѣ?

— Нѣт. Я и не мог его видѣть. Он в моем воображеніи, а не в реальности. Гравборон придал, конечно, его образу плотность, в этом нѣт сомнѣній. Но это результат отрицателньаго усилія.

— Не понимаю.

— Разумѣется не понимаете. Да и как могли бы вы понять? Это почти намеки, это косвенныя указанія, не правда ли? Но вот как все случилось на самом дѣлѣ. Уже давно... о, как давно! Много десятилѣтій тому назад я пріѣхал в Гравборон по порученію начальства и остановился в этой самой гостиницѣ. На утро я сдѣлал прогулку. И сама деревня и окружающія мѣста показались мнѣ очень красивыми, так

что мнѣ захотѣлось со всѣм лучше познакомиться, все лучше узнать, и наладить хорошія отношенія с мѣстными жителями. Сначала я попробовал заговорить с сидѣвшей на скамеечкѣ старушкой. Напрасно. Она молча на меня смотрѣла, точно была глухой или нѣмой. Хозяйка гостиницы (теперешняя хозяйка, вѣроятно, ея дочь) отвѣчала только на тѣ из моих вопросов, которые касались ѣды и уборки. Так же сухо обошлись со мной в табачной лавкѣ, и в бакалейной торговлѣ, и у булочника. Еле-еле отвѣчали, цѣдили сквозь зубы полувнятныя слова. Я приписывал эту враждебность тому, что был офиціальным лицом, пріѣхавшим для наведенія справок. Но могло ее вызвать и мое непривлекательное тѣлосложеніе. Достаточным объясненіем ни то, ни другое не было, но лучшаго я не находил. Чѣм дальше шло дѣло, в тѣм большем я оказывался недоумѣніи. Какой-то крестьянин, встрѣченный на дорогѣ, в отвѣт на вопрос куда ведет дорога, не только не произнес ни слова, но от меня отвернулся. Дѣвушка, которую я спросил, гдѣ мэрія, молча указала пальцем направленіе. Когда в передней гостиницы я спросил почтальона, нѣт ли мнѣ писем, он с офиціальной сухостью сказал, что меня не знает и передал адресованный мнѣ пакет хозяйкѣ. Нигдѣ и никогда не натыкался я на такую враждебность, на столько подозрительности. Узнать причины этого особаго склада характера на мѣстѣ было очевидно невозможно. Вернувшись в Париж я стал искать объясненій в исторических и этнологических изслѣдованіях, в словарях, посѣтил не раз и не другой Національную Библіотеку, роясь в списках и каталогах, надѣясь найти относящіеся к Гравборону документы. В результатѣ я пришел к нѣкоторым выводам, вполнѣ, впрочем, гипотетическим и спорным. Не исключено, что необыкновенная замкнутость жителей этой деревни послѣдствіе долго свирѣпствовавших в этих мѣстах религіозных войн, во время которых на долю их предков выпали неимовѣрныя испытанія, послѣ которых они так и остались раздѣленными на два враждебных лагеря — католиков и протестантов. Соотвѣтственно выковались характеры. Были тут, сколько я мог установить, и Сарацины. Кто еще тут властвовал? развѣ можно сказать? Архивы погибли почти цѣликом. И уж конечно во время этих войн было сведено великое множество личных счетов, память о которых, вѣроятно, и по сей день жива в отдѣльных семьях. Возможно, что именно это легло в основу замкнутости, несообщительности, враждебности ко всему иногороднему, по крайней мѣрѣ в тѣх деревнях, гдѣ особенно много было совершено жестокостей и особенно много пролито крови. Могут быть, конечно, и какія нибудь другія объясненія, может быть я и ошибся. Но так ли это важно? Не все ли это равно, раз мнѣ это показалось правдоподобным и меня удовлетворило?

Но, конечно, остается противорѣчіе между так прочно укоренившимися воспоминаніями о фанатических жестокостях и чудесной природой, которую мы видѣли из окна автокара. Я и спросил себя: нѣт ли в этой природѣ каких-нибудь ей одной присущих свойств? В зимніе мѣсяцы, например, когда листья падают, то красок остается не

много, проступают линіи и все дѣлается похожим на гравюру. Тогда противорѣчіе если не совсѣм исчезает, то становится гораздо меньшим. Прибавьте вѣтер, прибавьте холод, прибавьте раннія сумерки... Я подумал, что для того, чтобы лучше себѣ объяснить характер Гравборонцев, — надо попробовать сблизиться с окружающей их природой, и на себѣ испытать ея особенности. И купил домик. И стал составной частью скрытой за красками гравюры. И без всяакго труда, точно бы подчинившись какому-то требованію, создал свое Царство видѣній, в котором и утвердил и деревню, и ея жителей.

Варли замолк.

— И котловину с пестрыми бабочками, и Хана Рунка, и мальчика с бѣлой собачкой тоже? — спросил Савелій.

— Да. Но это все развѣтвленія, надстройки, дополненія, позже присоединенныя владѣнія. В ту пору надо было сдѣлать первый шаг, — найти и купить домик. В нем я проводил всѣ каникулы и, между ними, пріѣзжал насколько возможно чаще. Гравборонцы меня не приняли? Что ж такого. У себя в домикѣ я замѣнил их недосягаемыя легенды своими собственными. Стоило мнѣ подумать об этих поколѣньями у себя запирающихся людях, — и воображеніе подсказывало нужные образы. И всѣ они были приняты мной в Царство мое. Но почему вдруг стало так холодно? И откуда этот дым, от котораго слезы в глазах?

— Мадам, — позвал Савелій хозяйку, — нѣт ли у вас дров посуше?

— Это миндальное дерево. Лучшаго для камина нѣт.

— Однако, камин дымит просто невозможно.

— В Гравборон дымят всѣ камины.

Савелій накрыл плечи старика одѣялом и немного больше растворил дверь. Варли откашлялся и с нѣкоторой горечью сказал, что до домика ему добраться, повидимому, не удастся ни в автомобилѣ, ни в повозкѣ.

— Но что подѣлать, — добавил он. — Вы побываете там за меня. А насчет дыма — может это и к лучшему, что его столько набралось. Он напоминает о недоброжелательствѣ и подозрительности, на которыя я наткнулся, когда пріѣхал. Тогда, в домикѣ, гдѣ не было даже электрическаго освѣщенія, камин тоже дымил. А я, по вечерам, буквально погружался в сны наяву, в сознательные, в очевидные сны. Преданія, многовѣковыя традиціи, которыя, как я думал, должны были наслѣдственно храниться в наглухо замкнутых семьях, овладѣвали мной безраздѣльно. Конечно, это было плодом моего воображенія, но всѣ дѣйствующія лица, дома, улицы, переулки, запертыя двери — все это было под рукой, в двух километрах от меня и в моей власти. И вот они гравборонцы, они самые, точно такіе же какими были их предки, запершіеся у себя, угрюмые, нелюдимые отцы семейств, их жены, сыновья, дочери. Я от себя различал как они смотрят в щели ставень, на странныя повозки, запряженныя странными лошадьми,

которыя глухой ночью проѣзжают по пустой улицѣ, видят закутанных в грубыя суконныя накидки молчаливых путешественников. Только слышно как громыхают по мостовой тяжелыя колеса, как стучат подковы. Откуда эти повозки? Куда направляются? Почему на ѣдущих в них широкополыя шляпы, и что за суковатыя палки держат они в руках? Или появляется на склонѣ холма огромный волк, долго воющій или подняв голову — это к пожару — или опустив ее — это к покойнику. В других домах слушают вздохи, приглушенные стоны и крестятся, говоря, что так плачет сама земля, хранящая зарытыя в ней кости. Там, между деревьями, вдруг вспыхивают двѣ точки, два мерцающих взгляда, и никто не знает, человѣческіе это глаза, или звѣриные? Иной раз, в полночь, когда дует ледяной вѣтер, проходит по улицѣ, с мѣшком за плечами, то ли бродяга, то ли паломник, то ли бѣглый каторжник. Он останавливается у одной, потом у другой двери, точно чтобы постучать, попросить на ночь пріюта, но, не рѣшившись, не стучит, и уходит, и сливается с темнотой. А совсѣм рано по утрам, до того как встанет солнце, вдруг слышны непонятные голоса, перебранка. Но за окном никого не видно. Днем, в отвѣт на вопрос: слышали ли вы? сосѣдка, еле различимым шопотом, отвѣчает, что да, слышала, и в глазах ея шевелится давнишній, еще раз ожившій испуг. Ночная птица бьется в темных вѣтках сосны, и кричит, и плачет как ребенок. Огромная бабочка прижимается к стеклу и тихонько шевелит усиками и крыльями, на которых видны крестики, круги, стрѣлы и еще какіе-то знаки. Глядя на нее одни недоумѣвают. Другим — страшно. Третьи — равнодушны. Но всѣ молчат, не обмѣниваются никакими словами. И всѣ знают, что завтра, или послѣ-завтра, или позже все повторится, что все это удержавшіеся в землѣ, в камнях, в домах, в душах осколки, обломки, отголоски прошлаго...

— Эти сны наяву, — проговорил Савелій, — которыми вы замѣнили реальность, были ли они для вас источником удовлетворенія? Приносили ли они вам облегченія, радости... скажите?..

— Начиная я мучился. Потом мнѣ становилось хорошо. А когда покидал свое Царство, то бывал изнеможденным. Но больше всего меня терзало видѣніе мальчика с собачкой.

— Почему?

— Потому, что время от времени я все-таки ходил в деревню. Несмотря на все у меня оставалась надежда завязать знакомства. Я думал, что мнѣ удастся пробудить довѣріе и выслушать какіе-нибудь разсказы. Чтобы не все было моими видѣніями, понимаете? Но ничего не вышло. Никто не отозвался. Всѣ мои усилія пропали даром. Никуда меня не пустили. Тогда-то вот я и нашел мальчика-проводника, о котором всѣ в Гравборонѣ знают, но говорить о котором никто не смѣет. Только...

— Только вот и мальчик-проводник был моей выдумкой, моей легендой, и никуда меня не провел. А может быть он провел меня к никогда не возникшим дружбам? Так или иначе, его сказка осталась

недосказанной, у нея нѣт окончанія, ея окончаніе от меня ускользнуло.

Марк Варли слегка поежился.

— Все это как тѣни, — проговорил он, улыбнувшись.

— Конечно, — согласился Савелій, — но есть в них что-то, что реальнѣй реальности.

— О! Савелій! Друг мой! Я говорю о поэтических и развлекательных домыслах, а вы их принимаете всерьез.

Смущенный Савелій молчал.

— Так оно и есть, — продолжал Варли. — И вы найдете окончаніе для исторіи мальчика-проводника с бѣлой собачкой и оно будет реальных. Тѣлесным.

На этот раз старик разсмѣялся так весело, так почти звонко, что Савелій насторожился: уж не иронія ли это? Но тотчас Варли раскашлялся.

— Это из-за дыма, — произнес он.

— Может быть надо пройтись?

— О нѣт, нѣт! Может быть завтра? Вы нашли автомобиль или повозку?

— Нѣт еще.

— Если не найдете, то я домика не увижу. Пѣшком мнѣ туда не добраться.

Поднявшись в комнату, Варли немного посѣтовал на недостаток комфорта. Савелій передвинул стол, расположил на нем бумаги, самопишущія ручки, бювар, все, вообще, нужное для писанія, и Варли перестал ворчать.

— Если бы вы еще наладили кофе, — промолвил он, — то я мог бы тут работать не хуже чѣм дома. — И он снова засмѣялся и снова смѣх его был звонок и ясен.

Савелій отправился к хозяйкѣ, надѣясь получить электрическую грѣлку и кофейник, но ни того, ни другого не получил. В лавках же не продавалось и спиртовок. Обращаться к мѣстным жителям было, само собой понятно, дѣлом безнадежным. Как раз, словно в подтвержденіе разсказов Варли, Савелій увидѣл в окнѣ простоволосую старуху с поднимающимся почти к самому крючковатому носу огурцеобразным подбородком, с крѣпко стиснутыми безкровными губами, со взглядом, в котором сквозило столько же подозрѣнія, сколько ненависти.

— Настоящая стерва, — подумал Савелій, с раздраженіем. — Или вѣдьма. Как раз такія смотрят сквозь щели ставень на бродягу, и на повозки, на волка.

Он спросил себя, почему раздражился, и допустил, что отчасти из-за перспективы жизни в домикѣ Варли, гдѣ его могли ждать не только вечерніе часы работы над рукописями и иллюстраціями. Мало ли что там могло его ждать?

Он дошел до окраины, взглянул на дорогу становившуюся к вечеру лиловатой, на удлинявшіяся тѣни деревьев, на начинавшія темнѣть скалы и вернулся в гостиницу. Он медленно поднялся по лѣстницѣ и

постучал. Отвѣта не послѣдовало. Он постучал вторично и опять безрезультатно. Тогда Савелій растворил дверь и, войдя в комнату, увидал Марка Варли припавшаго к столу. Колѣни его были раздвинуты и между ними висѣли обѣ руки.

— О! М-сье Варли! Что с вами? — воскликнул Савелій, подбѣгая к старику.

И тотчас же ему стало ясно, что Марк Варли мертв.

Охваченный внезапным внутренним страхом, на нѣсколько мгновеній нарушившим естественное теченіе его мыслей — как то бывает, когда мгновенная паника разрушает в войскѣ костяк дисциплины — Савелій издал нѣсколько нелѣпых восклицаній, может быть даже к кому-то обращенных вопросов, засуетился, отошел к стѣнѣ, прислонился и довольно долго не двигался.

Когда, много-много позже, он мысленно возстанавливал эти минуты, то ему казалось, что поразила его тогда не столько сама кончина Марка Варли, сколько нѣкое, с очевидностью возникшее новое соотношеніе между ним самим и созданными Варли призраками. Точно бы отвѣтственность какая-то на него переходила.

На столѣ лежал свѣже исписанный лист бумаги.

"Тѣла наши, — прочел Савелій, — нам предоставлены лишь в пожизненное пользованіе и будут у нас отобраны. Не подчиниться распоряженію не в нашей власти. Но ни у Хана Рунка, ни у Ркчита, ни у Терма, ни у Іерусалимских Вѣдьм, ни у Мальчика-проводника тѣл нѣт и распоряженія об их отобраніи быть не может. Так что, в извѣстном смыслѣ, всѣ они живучѣй нас. Я не говорю, конечно, что они вѣчны, но все-таки не могу не подчеркнуть, что лукавая формула пожизненнаго пользованія к ним неприложима. Царство видѣній мое, все в нем от меня одного...".

На этом фраза обрывалась и о том, чего учитель написать не успѣл, ученик мог только догадываться.

36. — ФАБРИКА

В эту самую пору, получившій назначеніе в другую колонію Ламблэ проѣзжал через Францію. Он воспользовался случаем, чтобы завернуть во Вьерзон и повидать Крозье, от котораго, со времени желѣзнодорожнаго крушенія, никаких извѣстій не имѣл. Ему хотѣлось поподробнѣй разузнать, кто эта Асунта Болдырева и почему Крозье его к ней послал, едва придя в себя. Думал он также разсказать Филиппу о впечатлѣніи, оставшемся от визита на улицу Байяр. Но к любопытству узнать как и что примѣшивалось опасеніе оказаться нескромным.

На фабрикѣ, куда Ламблэ направился, его провели в пріемную, гдѣ ему пришлось, до того, как проникнуть в директорскій кабинет, подождать нѣсколько минут. Когда дверь распахнули, Ламблэ увидал

Филиппа сидѣвшаго за большим столом ,и читавшаго какую-то бумагу. Кромѣ этой бумаги и телефоннаго аппарата на столѣ не было ничего, что создавало впечатлѣніе холодности и строгости, указывая на умѣніе сосредоточиться на главном. Филипп поднял глаза на вошедшаго, тот не мог не замѣтить в них нѣкоторой надменности. Брови Крозье были сдвинуты и склака губ как бы предупреждала, что говорить слѣдует взвѣшивая каждое слово.

"Другой человѣк, — подумал Ламблэ, — даже странно, до чего он мог стать другим".

— Здравствуй, — сказал Крозье, слегка привстав и протягивая руку Ламблэ, который скользнул глазами по головной нашлепкѣ. — Ты снова во Франціи?

Ламблэ объяснил, что получил назначеніе в другом полушаріи и ѣдет к мѣсту службы, что работы, которыми он завѣдывал до сих пор, пріостановлены или из-за длящагося экономическаго кризиса, или из-за какого-нибудь движенія капиталов, простым смертным непонятнаго.

— Что до меня, — добавил он, — то я покинул мою должность и без сожалѣнія, и без радости. Посмотрю, что дѣлается в других мѣстах. Чего я не хочу, так это осѣсть во Франціи. А теперь ѣду в Париж за инструкціями и за подъемными.

— Вижу, что твои дѣла не плохи.

— Да, не плохи. По крайней мѣрѣ я думаю, что они не плохи. А ты? Как здоровье?

Он покосился на прислоненную к столу палку со сложной локтевой ручкой и еще раз взглянул на нашлепку.

— Нога продолжает мѣшать и хожу с трудом, — отвѣтил Филипп. — приходится пользоваться этой полу-палкой, полу-костылем. А с головой вот, посмотри.

Он снял нашлепку и Ламблэ увидал широкій, бугорчатый шрам, котораго даже отчасти не могли прикрыть тщательно напомаженные и сведенны к серединѣ черепа рѣдкіе волосы.

— В сущности, я был оскальпирован, — прибавил Крозье, — и очень все вышло неэстетично.

Он провел рукой по головѣ и у Ламблэ мелькнула было надежда, что он улыбнется. Но Филипп не улыбнулся.

— А Мадлэн? — спросил он.

— Она больна и проходит курс лѣченія.

— Что нибудь серьезное?

— К сожалѣнію, да.

Тон был таким, что Ламблэ предпочел не настаивать.

— А дѣла? — спросил он.

— Дѣла оставляют желать лучшаго. Рынок сужается. Цѣны на сырье, на рабочія руки приближаются к опасным уровням. Прибавь палки, которыя вставляют в колеса синдикаты, забастовки, соціальные

поборы и почти безсмысленную налоговую политику правительства. Думаю, что в колоніях должно быть то же самое.

— Насколько могу судить — да. Но я всего инженер, и стороны финансовой не вижу.

— Не жалуйся. Это не недочет, а преимущество. При жизни отца я тоже прежде всего был инженером. С тѣх пор как на меня легла вся отвѣтственность, я столкнулся с трудностями, о самом существованіи которых не подозрѣвал.

Ламблэ пробормотал нѣсколько сочувственных слов.

— За примѣром итти недалеко, — продолжал Крозье, — взять хотя бы парижскую сборочную мастерскую, которую я теперь ликвидирую. Мнѣ кажется, что она стала излишней. Но совсѣм в этом я не увѣрен, и не знаю, не упрекну ли себя через год в том, что был недостаточно дальновидным. Когда ты ѣдешь в Париж?

— Послѣ-завтра.

— Я хотѣл бы с тобой позавтракать, но дома это невозможно из-за болѣзни Мадлэн. Хочешь в ресторанѣ?

— Благодарю, благодарю, но все мое время расписано. Родители, родные, сам понимаешь...

— Конечно. Когда бываешь проѣздом, на два дня, себѣ не принадлежишь. Думаешь ли ты скоро вновь побывать во Вьерзонѣ?

— Совсѣм не знаю.

Водворилось молчаніе. Ламблэ тщетно ждал хотя бы намека на крушеніе, которое они совмѣстно пережили. Крозье притронулся к сложной ручкѣ своей палки.

— До свиданія, — сказал Ламблэ.

Крозье встал, и, опираясь на стол, обошел его. Даже и так он сильно прихрамывал. Но так как он был высок и строен и голову держал прямо, то осанки его это не умаляло.

“Доведенное до совершенства самообладаніе”, — подумал Ламблэ, чуть-чуть в душѣ поежившись.

Рукопожатіе Филиппа было неожиданно крѣпким и Ламблэ усмотрѣл в этом молчаливое выраженіе благодарности за то, что воздержался от разспросов.

Через два дня, глядя из окна поѣзда на то мѣсто, гдѣ произошло крушеніе, он думал о Крозье. Слѣдов крушенія, конечно, никаких не было. Но Ламблэ показалось, что он узнает лужайку, гдѣ стояли санитарные автомобили и, припомнив интонаціи Крозье, поручавшаго извѣстить Асунту, он сказал себѣ, что Крозье тогда не просил, а скорѣй приказывал. — Человѣк волевой, — усмѣхнулся он, мысленно перебирая воспоминанія о поѣздкѣ на улицу Байяр: плохо освѣщенная лѣстница, спертый воздух, полу-азіатскія черты нескладнаго Савелія, молодая женщина, брюнетка, с блестящими глазами, ея протянутыя во время разсказа о крушеніи руки и точно просьба на лицѣ не говорить, не сказать самаго страшнаго, даже если это страшное случилось!

"Видятся ли они теперь? — спросил он себя, — и не прятался ли Крозье за сухостью, чтобы не допустить стѣснительных вопросов?"

В Парижѣ Ламблэ был очень занят, но все же на улицу Байяр съѣздил. Дом, лѣстница, коридор оставались тѣми же. Дверь открыл небольшой, подвижной человѣк, на вопрос "тут ли живут Болдыревы" отвѣтившій рядом возмущенных восклицаній насчет права каждаго спокойно дома ѣсть и отдыхать, насчет безцеремонности всяких проходимцев, вторженій в частную жизнь, и тому подобное. Кончил же тѣм, что никаких Болдыревых, Молдыревых, Колдыревых не знает и знать не хочет. Ламблэ пошел прочь и вслѣд ему небольшой человѣк еще что-то раздраженно выкрикивал.

Швейцариха объяснила, что Болдыревы переѣхали и любезно дала новый адрес, написав его даже на клочкѣ бумажки.

— Это далеко? — спросил Ламблэ.

— Да, это окраина.

Ламблэ прикинул мысленно свое расписаніе, заключил, что поѣхать по новому адресу не успѣет, сунул бумажку в карман, дал на чай и ушел.

37. — ПЛЕМЯННИЦА.

В день кончины Марка Варли Савелій не успѣл послать Асунтѣ телеграмму, так как был очень поражен и неожиданностью и, даже, горем. Кромѣ того, ему пришлось продѣлать формальности: заявленіе в мэріи, вызов доктора для полученія разрѣшенія хоронить. Заняли его время и поиски гроба и выбор и покупка мѣста на кладбищѣ. Прободрствовав ночь возлѣ покойника, Савелій, к тому же, чувствовал себя довольно усталым и депеша была отправлена с запозданіем.

"Варли скоропостижно умер, — гласила она, — попроси швейцариху увѣдомить племянницу похороны завтра вернусь на-днях".

Асунта получила ее около трех часов пополудни, когда, послѣ все утро длившейся неопредѣлимой тоски, она к хладнокровному размышленію почти не была способна. Ей показалось, что новость эта ее мало касается и только спустя нѣкоторое время она точно поняла, что кончина Варли обозначает конец матерьяльнаго благополучія, что Савелію придется искать новой работы, что все, вообще, принимает характер неопредѣленный, чтобы не сказать тревожный. И подосадовала на мужа.

— Развѣ не хорошо было на улицѣ Байяр? — говорила она. — Надо было промѣнять мыло на шило. Он так тогда спѣшил, что ничего и нельзя было сказать. Пусть теперь, как хочет, так и изворачивается. Сумасброд!

Она спустилась, поговорила со швейцарихой и пошла за покупками. Совсѣм вечером ей подали вторую телеграмму:

“Приготовь все немедленному переѣзду сюда уложи рукописи рисунки подробности письмом”.

— А! Нѣт! — воскликнула Асунта. — Нѣт, нѣт и нѣт! Пусть остается там один, довольно, что раз его послушалась!

Но в глубинѣ души она знала, что себя обманывает. Как ни неумѣл, как ни плохо был вооружен в жизненной борьбѣ Савелій, он оставался ея единственной опорой. С Христиной на руках, в ожиданіи второго ребенка, что могла бы она предпринять?

— Куда пойти, к кому, что дѣлать начиная с завтрашняго дня, начиная даже с сегодняшняго вечера, если я его брошу? — спрашивала она себя. — Без ремесла? И без сил? Без охоты?

И подумала, что напрасно отклонила в ресторанѣ предложеніе Филиппа.

— Но нѣт, но нѣт! — воскликнула она тотчас же, — нѣт, нельзя, невозможно было согласиться, это было бы размѣняться на мелкую монету, хуже чѣм себя продать!

Она вспоминала о Филиппѣ, как можно вспомнить о ком-нибудь слишком великолѣпном, приносящем и слишком большую любовь, и слишком большую боль, и слишком горькія разочарованія. Все с собой приносящим! Единственным, на все и всѣ права имѣющим.

Приняв снотворное, она рано легла. На утро швейцариха принесла письмо.

“Дорогая Асунта, — стояло в нем, — прошу меня извинить за волненіе, которое тебѣ, вѣроятно, доставили мои телеграммы. Я отлично почимаю, что ты не могла по ним составить себѣ представленія о том, что произошло и происходит...”.

Слѣдовало описаніе смерти Варли, разговора с мэром, который проявил подозрительность: иностранец, сопровождающій старика внезапно умирающаго в гостиницѣ, не мог, конечно, внушать ему довѣрія.

“Мэр сам поспѣшил в гостиницу, — слѣдовало ниже, — и прежде всего стал разбирать лежавшія на столѣ бумаги. Среди них был большой, написанный рукой Варли лист, в котором значилось, что это добавленіе к завѣщанію. Он оставил мнѣ свое Гравборонское владѣніе. Об этом намѣреніи он мнѣ говорил еще в Парижѣ, но тут все отписал очень разборчиво и подробно. Мэр, разумѣется, сомнѣвался и хотѣл забрать бумагу. Но я воспротивился. В бумагѣ было написано, что Варли не только оставляет мнѣ свой дом, но еще хочет, чтобы я как можно скорѣй в нем поселился и принялся за иллюстраціи его писаній. Послѣ довольно рѣзкаго препирательства мы оба, и мэр, и я, рѣшили сдать бумагу нотаріусу, который проживает в сосѣдней деревнѣ, что и было сдѣлано”.

Асунта поняла тогда значеніе второй депеши и с тоской подумала о жизни в деревнѣ в полу-развалившемся домѣ.

“Так как Варли, — прочла она дальше, — сам не был богат, а только получал большую пенсію, которая теперь кончилась, то никакого дохода у меня не будет. Дом и вокруг него земля для огорода

— это все, что я наслѣдую. Но что подѣлать? Не отказываться же от попытки, чтобы не сказать возможности, стать на ноги? Мнѣ пришлось заняться похоронами, что, из-за враждебности мѣстных жителей, было особенно тягостно. Завтра я провожу Марка Варли на кладбище. Хорошо, что как раз он получил пенсію и, так как он попросил меня быть во время поѣздки казначеем, то деньги были в моем бумажникѣ. Я за все расплатился и у меня еще немного осталось. Хорошенько свяжи и рукописи, и рисунки, уложи вещи и будь готова к отъѣзду. Не надо задерживаться на квартирѣ Варли ни на один лишній день... И вѣдь он сам хотѣл, чтобы я работал тут, в домикѣ".

Асунта прошла в библіотеку и оглянула папки с рукописями, связки бумаг, рисунки, принадлежности, ящики с красками...

— Чтобы я все это уложила? — проговорила она, с раздраженіем. — Уж не сошел ли Савелій с ума? Пусть сам укладывает и увязывает, когда пріѣдет.

Презрительно пожав плечами, она хотѣла было уйти, когда увидала на столѣ конверт с именем Савелія. Нѣсколько секунд она колебалась, не то преодолѣвая в себѣ какое-то опасеніе, не то, наоборот, испытывая притяженіе, потом взяла конверт, вернулась в свою комнату и бросила его на кровать.

— Этот конверт — все, на что я согласна, — прошептала она и продолжила чтеніе письма Савелія:

"Я сходил посмотрѣть домик, — побѣжали строчки. — До него немного больше двух километров. Туда и назад заняло час. Домик я осмотрѣл очень вскользь, так как спѣшил и хотѣл успѣть написать тебѣ до отхода почты. Внутрь я не проник, ключ от него еще у нотаріуса. Сколько я понял, там три комнаты и кухня. Есть колодез. Кругом невысокая каменная стѣна, сухой кладки. Растут кипарисы, в серединѣ двора большая сосна, но сам двор зарос колючками, придется их выдирать. Невдалекѣ проходит дорога. До ближайшей фермы не меньше чѣм четыреста метров. Возвращаясь в Гравборон я встрѣтил итальянскаго каменьщика, оказавшагося довольно общительным. У него свое дѣло и так как я умѣю замѣшивать цемент, то не исключено, что я найду у него работу. И огород. Заведем кроликов, может быть козу, чтобы было свое молоко. Увѣрен, что так мы сведем концы с концами. А по вечерам и по воскресеніям буду работать над рукописями. Выбора у нас все равно нѣт. Надо чтобы ты пріѣхала, и чѣм скорѣй, тѣм лучше. Завтра вышлю тебѣ денег на билеты...".

Продолженія Асунта даже не стала читать.

— Он сошел с ума, он рехнулся, — простонала она.

Теперь ее уже не перспектива скудной деревенской жизни пугала, а непререкаемость тона Савелія. Опять распоряженіе! Немедленно выѣхать! Никакого намека на то, чтобы хотя бы с ней посовѣтоваться.

— Не хочу, не стану с ним жить в этой проклятой деревнѣ, — произнесла она, с нервностью, с гнѣвом. — Сейчас же отправлю ему телеграму, что не поѣду.

Она наскоро накормила Христину и побѣжала с ней на почту, до которой было довольно далеко. Там она составила один, потом другой, потом третій текст, и все не то выходило, чего ей хотѣлось, все получалось или блѣдно, или, наоборот, слишком рѣзко. Отказавшись тогда от мысли о подробном поясненіи она написала:

"Нахожу план жизни деревнѣ рискованным не могу рѣшиться выѣхать предпочитаю пріѣхал ты".

— Будь что будет, — промолвила она, сдавая депешу.

Вернувшись, она раздѣла Христину и едва успѣла привести себя в порядок, как раздался настойчивый звонок. Асунта пошла отворить и увидала племянницу Варли, которую как-то уже впускала, и за ней круглолицаго человѣка с двойным подбородком.

— Швейцариха меня увѣдомила о смерти дяди, — проговорила племянница, даже не поздоровавшись, — но так как вчера моя колбасная была закрыта и я сама уѣзжала в деревню, то притти не могла. Надѣюсь, что вы еще не успѣли вывезти цѣнности.

Глаза у нея были как у змѣи.

Асунта молчала.

Ничего больше не сказав, пришедшіе проникли в квартиру. Намѣреніе удостовѣриться, что все на мѣстах, было очевидно.

— Я вернусь сегодня послѣ закрытія магазина, — продолжала племянница. — А он (она указала на своего спутника) останется тут, чтобы за вами слѣдить.

— За мной нечего слѣдить! — взорвало Асунту. — Я навѣрно гораздо честнѣй вас.

— Вы прислуга. Я даю вам расчет и прошу вас убраться как можно скорѣй.

— До возвращенія мужа я не двинусь.

— А когда он возвращается?

— Когда кончит с домиком.

— С каким домиком?

— М-сье Варли оставил ему свой гравборонскій домик.

— Вот как. Какія новости! Ну, это мы еще посмотрим.

— Смотрѣть не придется. Муж мнѣ написал, что дополненіе к завѣщанію, в котором сказано про домик, хранится у нотаріуса.

— Неизвѣстно откуда сама взялась, а уже толкует об дополненіи к завѣщанію. Видѣли? — обратилась племянница к своему спутнику.

— Во всем разберемся, время у нас есть, — отвѣтил тот. — С такими вещами не шутят и не спѣшат. Домика они не увезут. Я все нужное сдѣлаю.

Внезапно разсвирѣпѣв Асунта крикнула:

— И не только домик наш! Всѣ рукописи тоже наши!

— О рукописях ты похлопочешь на том свѣтѣ. Хоть онѣ мнѣ и не нужны, но отсюда их никто не вынесет. Понятно?

— Понятно станет вам, когда вернется мой муж. Он все, как слѣдует, вам объяснит.

— Посмотрим. Во всяком случаѣ м-сье Муакозель останется тут. Я вернусь в два. И так как вы тут, пока что, кухарка, то приготовьте завтрак.

— И что еще? — спросила Асунта. Смѣрив, затѣм, племянницу глазами она рѣзко повернулась, прошла в свою комнату и заперлась на ключ.

38. — НАШЕСТВІЕ ВАРВАРОВ.

Она не взволнована была, и не взбудоражена, а вывернута наизнанку. Плач Христины, которая почувствовала, что мать ея внѣ себя, не то, что вернул Асунтѣ равновѣсіе, но как-то ее орьентировал. Она взяла дѣвочку на руки, принялась ее нѣжно цѣловать и ласкать, вытирать ея слезы, что-то ей шептать на ушко. Потом пошла убѣдиться хорошо ли заперта дверь, для вѣрности повернула ключ еще раз и замерла, застыла, от внезапно ее схватившей душевной судороги.

— Все будет по-другому, все теперь будет совсѣм по-другому, — шептала она.

Что именно будет другим, она не знала, но приближеніе перемѣны чувствовала всѣм существом. И спрашивала себя: что же это? Чего же я жду? Постепенно, точно украдкой, приходило начало отвѣта: не во внѣшних условіях жизни дѣло, не они существенны. Существенно то, что внутри, в ней самой, в ея душѣ. Там что-то начало смѣщаться и, отчасти, уже смѣстилось.

Присѣв на край кровати она увидала брошенный ею конверт, машинально его взяла, машинально вскрыла, вынула из него листок и прочла: "...подумала о тайнах, перестающих быть тайнами, если ими хоть с одним человѣком подѣлиться, и испытала душевный ущерб, почти страх... Третья старушка, как и первыя двѣ — когда она ее спросила — отвернулась, сложила работу, встала и ушла домой. И вышло, что несмотря на трижды заданный вопрос она ничего не узнала. Надо добавить, что утром того дня она как раз встрѣтила мальчика с собачкой на околицѣ деревни...".

Мальчик с собачкой опять, и властно, вторгался в ея чувства, возвращая отогнанныя мысли, угрызенія, побуждая вновь задать себѣ, нарочно оставленные без отвѣтов, вопросы о самой природѣ отношеній ея мужа с Марком Варли, об их духовной близости, о причинах, заставивших Савелія так всецѣло и безоговорочно войти в Царство видѣній и не хотѣть его покинуть. Не было ли уже теперь это царство частично осквернено вторженіем племянницы-колбасницы и Муакозеля и не грозило ли это тѣм, что захватив полностью власть, они все им непонятное уничтожат и водворят на смѣну видѣніям грубость, пошлость, невѣжество? И не предстояло ли безупречной чистотѣ, так соотвѣтствовавшей утонченным мечтам, ночным бесѣдам двух духовно сблизившихся людей — старца и его послѣдователя — послужить

рамкой для многоблюдных, обильно политых винами, обѣдов, икотных пищевареній, разстегнутых жилетов и лифчиков, базарных шуток и хохотков?

"Колбасница? Муакозель? Их приглашенные? — Думала Асунта. — В Царствѣ видѣній? Что это такое? Оскверненіе? Проклятіе?"

Подавив душевную тошноту, она вынула из конверта другой листок. На этот раз это был рисунок Савелія. Она увидала старушку, о которой только что прочла, и самое себя, обращающуюся к ней с вопросом, свой силуэт, свои глаза. Все в ея чертах было опасеніем и все, в чертах старушки, поднявшей к ней глаза, тоже было опасеніем. И текст и рисунок были особенными, как бы магическими, но в чем именно заключалась эта магія, от Асунты ускользало. Она вынула третій листок. Там она увидѣла намѣченную поспѣшными штрихами собачку и, против нея, мальчика, в коротких штанишках, в курточкѣ, с беретиком на головѣ, с удивленными, почти испуганными глазками.

— Мальчик с собачкой, — прошептала Асунта. — Вот он.

Все тѣснѣй, все повелительнѣй сжималось вокруг нея кольцо призраков. И она думала о Савеліи, покинувшем на нѣсколько минут призраки, чтобы к ней, в послѣдній раз, приблизиться и потом снова к призракам ушедшем. И ей казалось, что вся вина на ней. Не она ли не захотѣла за ним послѣдовать, предпочтя другого? Не она ли потом все обманно искажала, утверждая его в мысли, что не он отец ребенка, котораго она ждет?

— Я не знала, не поняла, — прошептала она, — что он в меня проник, придя прямо оттуда. И что не таким он будет, когда родится, как другіе.

В дверь стали упорно стучать.

— Мнѣ нужны ключи от бюро и от шкапов! — кричал Муакозель. — Давайте ключи! И не запирайтесь! Я не собираюсь вас насиловать!

— У меня нѣт ключей, — отозвалась Асунта, почти задыхаясь от раздраженія. — И оставьте меня в покоѣ. Оставьте меня в покоѣ!

— В покоѣ? Ха! В покоѣ я вас оставлю когда кончу опись. Давайте ключи. Мнѣ нужны ключи.

И он барабанил в дверь.

— Варвары ворвались и все будет разгромлено, — прошептала Асунта.

Не обращая вниманія ни на крики, ни на стук, чувствуя, что презрѣніе и досада ею овладѣвают безраздѣльно, упрекая себя в том, что не оцѣнила по достоинству, а может быть просто не поняла, насколько ясным может быть уединеніе, как надежно оно защищает от грубости и злобы, Асунта сдѣлала нѣчто вродѣ вывода:

— Здѣсь все кончено. Надо отсюда выбираться. И потому, что все тут гибнет, что Царство видѣній разграбят, что его уже начали грабить, и что присутствовать при этом непереносимо. И еще потому, что если я выйду лишь ненадолго, например пойду за покупками, то больше меня сюда не впустят.

К Муакозелю, между тѣм, присоединилась племянница. Из отрывочных восклицаній, которыя донеслись сквозь дверь, Асунта поняла, что колбасница не выдержала, закрыла лавку и пришла "помочь" Муакозелю.

— Откройте, откройте, — кричала она, то подходя к двери, то от нея удаляясь.

Асунта рѣшилась. Она строго приказала, начавшей хныкать, Христинѣ, замолчать, сняла с полки чемодан, положила на самое дно его конверт с исписанными Варли листками бумаги и рисунками Савелія и уложила свои вещи. Так как все не помѣстилось, она наполнила вто-второй чемодан и завернула то, что еще осталось, в плед, который связала ремнями. Все вмѣстѣ было и громоздко, и тяжело. За дверью, между тѣм, продолжали о чем-то говорить и, нѣсколькими минутами позже, Асунта услыхала как стали пробовать всунуть в скважину не то ключ, не то отмычку.

— Не трудитесь, — крикнула она, — я сейчас открою. И уйду. Вы потом объяснитесь с моим мужем.

Наступила тишина.

— Иди, Христина, — позвала Асунта дѣвочку.

Она дотащила первый чемодан до порога, хотѣла было дотащить и второй, и узел, но почувствовала, что это слишком трудно и оставила их среди комнаты.

— Савелій заберет, — сказала она себѣ, — главное взять тот, в котором конверт.

На долю секунды это мысленное обращеніе к конверту ее удивило. Но только на самую маленькую долю. Сейчас же вслѣд этим все стало ясно и понятно.

— В нем все, — пробормотала она и открыла дверь.

Муакозель и племянница стояли плечом к плечу, оба красные, оба с дрожащими губами, оба с ненавистью в глазах.

— Вы отчаливаете? — спросила вѣдьма.

— Да, — отвѣтила Асунта и хотѣла уже перешагнуть через порог.

Но ни заступили ей дорогу.

— Отодвиньтесь, — проговорила она. — Я не могу пройти.

Но они не двинулись.

— Что в чемоданѣ? — прошипѣл Муакозель. — Откройте.

— Конечно, откройте, — подтвердила колбасница.

Подавив злобу и отвращеніе, Асунта нагнулась, отперла замок и откинула крышку.

— Вот, — произнесла она, насмѣшливо, — провѣряйте, господа таможенные надсмотрщики.

В глубинѣ души она была не совсѣм спокойна, так как, если бы они начали рыться, то конверт был бы обнаружен, и тогда неизвѣстно что произошло бы. Но рыться они не посмѣли. Как ни грубы, как ни

злобны, как ни дики они были, что-то похожее на стыд в них шевельнулось. Они отодвинулись. Путь к отступленію был открыт.

— Мой муж заберет остальныя вещи и рукописи когда пріѣдет, — сказала Асунта.

— Насчет барахла — куда ни шло, — проскрипѣл Муакозель, — а что до рукописей, так это дудки.

Так послѣднее слово осталось за варварами.

Внизу швейцариха проявила и соболѣзнованіе, и любезность. Она знала неподалеку гостиницу, недорогую и сравнительно чистую, позвала такси, помогла молодой женщинѣ войти, усадила рядом с ней Христину, погрузила чемодан. Асунта попросила направить к ней Савелія как только он пріѣдет. Мысленно она подсчитала, сколько у нея остается денег, и то, что запас был очень невелик, ее нисколько не обезпокоило. Окончательное разрѣшеніе всѣх вопросов было и неизбѣжно, и близко, и перед этим новым и главным мелкія житейскія заботы стушевывались.

39. — ЧТЕНІЕ.

Комната была в первом этажѣ и окно ея выходило на небольшой дворик, часть котораго была завалена кучей каменнаго угля. За стѣной дымились фабричныя трубы и был виден газометр. Ничего не ласкало глаз. Но Асунта не испытала ни разочарованія, ни огорченія. Она даже вниманія на все это почти не обратила. Устроив в уголку Христину, дав ей игрушку, она разложила вещи и, нетерпѣливо, чувствуя душевное напряженіе, почти душевную жадность, сѣла на край кровати, вынула из конверта исписанные листки и стала читать:

"Когда автокар остановился уже темнѣло, но высокія облака на западѣ еще были чуть розовыми. Небольшая площадь и убѣгавшіе в стороны нѣсколько переулков показались Ларисѣ мирными, спокойными, ласковыми и, поколебавшись пол-минуты, она сняла с сѣтки свой небольшой чемоданчик и вышла. — "Тут не конечная остановка, мы сейчас тронемся дальше", — сказал шофер, но она не обратила на его слова никакого вниманія и ничего не отвѣтила. Автокар ушел. Одна посреди площади Ларисса испытала растерянность, которая ее покинула, как только она увидала вывѣску мѣстной гостиницы. Свободная комната нашлась. Ларисса подошла к окну, оглянула совсѣм стемнѣвшее с сѣверной стороны небо и перебрала в памяти подробности ссоры с матерью. — "Ну да, ну да, — сказала она себѣ, — экзамена я не выдержала. Да и не на это она сердилась. Ее раздражило, что я не спала, зубрила, переутомилась и что все это было напрасно". Так думая, она знала, в глубинѣ души, что не только в экзаменѣ и переутомленіи дѣло, а еще в том, что тотчас послѣ неудачи она заболѣла — ее стали мучить головокруженія, потеря сил, тошнота, и доктора, не совсѣм увѣренные в своих діагнозах, предписывали ей лѣкарства,

которых она не хотѣла принимать, говоря себѣ, что так или иначе от болѣзней или выздоравливают, или умирают. И еще была эта скрипка! Ларисса играла на скрипкѣ и ей даже хотѣлось одно время попытать счастья в консерваторіи. От этой мысли она, впрочем, отказалась, но играть продолжала, даже когда готовилась к экзаменам, и во время них, и послѣ них. Про эту игру она себѣ теперь говорила, что не струны были продолженіем ея пальцев, как принято думать, а наоборот, ея пальцы продолженіем струн, и что через них в нее что-то проникало... А потом захворала и мать, правда, не слишком серьезно, но все-таки захворала. И когда поправилась, то стала очень нервной, ко всему стала придираться, не переставая дѣлала Ларисѣ замѣчанія, читала нотаціи. Послѣ одного особо томительнаго препирательства Ларисса заявила, что уѣдет к знакомым, в деревню. Мать и противилась, и соглашалась, упреки, ссоры, слезы не прекращались. И раз вечером, потеряв самообладаніе, Ларисса собрала вещи и, наскоро распрощавшись, отправилась на вокзал. Ночь она провела в поѣздѣ. Утром была пересадка, потом надо было ѣхать на автокарѣ, больше трех часов. До знакомых, которым она послала с вокзала депешу, она не добралась, так как сама не зная, почему, вышла из автокара по дорогѣ в деревнѣ. Теперь, одна в комнатѣ, она тщетно старалась найти глубокую причину своего образа дѣйствій. И снова ее охватило головокруженіе, настолько сильное, что пришлось опереться о стѣнку. А на утро, не то со страхом, не то с удовлетворенностью, она почувствовала себя совсѣм слабой, больной, неимовѣрно одинокой. Возвращалась парижская болѣзнь. Утром она не встала, не встала и на другой день, и на третій. И потом никогда раньше завтрака из постели не выходила. По ея просьбѣ дѣвушка покупала для нея газеты и какія-то провинціальныя книги в пестрых обложках. Ларисса читала, дремала, потом опять читала и опять дремала. Хозяйка гостиницы ее спросила, не нужно ли вызвать доктора, но Ларисса отказалась. А дѣвушка думала, что она оттого ослабѣла, что проводит слишком много времени лежа.

— Вам бы лучше вставать и пораньше, — говорила она, принося кофе, — утренній воздух самый полезный. Он придает силы. От него кровь живѣе бѣжит по жилам. И посмотрѣли бы на наш свѣт.

— На ваш свѣт?

— Да, на наш свѣт, когда встает солнце. Он особенный.

— Особенный?

— Да. Это самый красивый свѣт в свѣтѣ. Он бѣлый.

— Совсѣм бѣлый?

— Да. Из-за дымки, которая за ночь скапливается между скалами. Лучи проходят сквозь эту дымку и дѣлаются бѣлыми. Наша деревня этим славится.

— Славится бѣлым свѣтом?

— Да, она славится бѣлым свѣтом.

Но сил, чтобы полюбоваться на зарѣ бѣлым свѣтом, Ларисса в себѣ не находила и продолжала вставать поздно.

Но как-то раз, проснувшись и увидав, что часы показывают ранній час, что скоро должно взойти солнце, она сказала себѣ:

— А что если попробовать посмотрѣть на бѣлый свѣт?

Не зная, рѣшиться или нѣт, она присѣла на край кровати. Ее одинаково манило и желаніе встать и одѣться, и потребность снова завернуться в простыни. Рубашка соскользнула с ея плеча, и увидав себя в зеркало, она испытала стыд, покраснѣла, опустила глаза, поспѣшила прикрыться. Потом, вдруг рѣшившись, одѣлась и вышла. Удивительная легкость охватила все ея тѣло.

— Я чуть не лечу, — прошептала она, — я не чувствую земли под ногами.

Она прошла по пустынной еще в ранній этот час улицѣ, прислушиваясь к негромким звукам доносившимся из домов и внутренних двориков, гдѣ едва начинали готовиться к трудовому дню. У околицы, там, гдѣ улица становилась дорогой, ей встрѣтился мальчик, на котором была курточка, короткіе штанишки и берет. Он держал на ремешкѣ небольшую бѣлую собачку, с черным пятном вокруг лѣваго глаза, со слегка вьющейся шерсткой, хорошо причесанной и блестящей, с пушистым хвостом.

— Точно у нас свиданіе, — подумала Ларисса и взяла мальчика за руку. Все было просто, все было спокойно. Они молча пошли по дорогѣ и когда, немного позже, появилось солнце, Лариса увидала дѣйствительно совсѣм бѣлый свѣт.

На нѣсколько минут все кругом измѣнилось, точно одухотворилось, воздух пронзили невидимые в другое время лучи, всю природу как бы покрыл тонкій и нѣжный слой снѣга.

— Так каждое утро, — сказал мальчик, — а в часовнѣ все время так.

— В какой часовнѣ?

— Куда мы идем. Чайка, не тяни так сильно. Успѣем.

— Почему твою собаку зовут Чайкой?

— Потому, что она бѣлая.

— А пятно вокруг глаза?

— Это ничего.

Через четверть часа ходьбы они поравнялись с бѣжавшей в сторону, между холмов, тропинкой. От неяснаго сознанія, что цѣль уже недалеко, Лариса почувствовала умиленіе, может быть даже снисхожденіе ко всему, ко всѣм, к тѣм, кого она мысленно, вдруг, назвала непосвященными.

“Все так просто, — думала она, — и из-за чего мучаются, чего боятся? О чем можно жалѣть?”.

И сама себѣ удивлялась:

“Откуда мнѣ это ?Что это значит? Может быть все это можно чувствовать, но нельзя выразить, и потому и молятся?”.

Тропинка, по которой они пошли, почти сразу огибала крутой откос. Дальше ее обступали дубняк, сосны, кусты дикаго шиповника,

всяческая невысокая поросль. Тут и там бѣлѣла выступавшая наружу известняковая подпочва. Все казалось иным, чѣм было на только что покинутой дорогѣ, с ея телеграфными столбами, сточными канавами и километрическими столбиками. Чѣм выше они поднимались, тѣм гуще становились заросли. Скоро тропинки нельзя было отличить. Кое гдѣ, между камнями просачивалось немного воды, но в общем все было очень сухо. Уступы складывались в навѣсы, между которыми образовывались небольшія пещеры, трава становилась сѣрой, твердой, колючей. Чайка тянула, казалось обезпокоенной и, время от времени оборачиваясь, внимательно нюхала воздух.

— Далеко еще? — спросила Ларисса.

— Нѣт. Мы почти дошли, — отвѣтил мальчик и отцѣпил Чайку. — Ляг здѣсь, — приказал он ей.

Чайка послушно улеглась, чинно сложив лапки. Мальчик ее погладил и пояснил:

— В часовню она никогда не ходит.

Они двинулись дальше и скоро подступили к началу естественной лѣстницы, состоявшей из нагроможденных один на другой почвенных слоев, соскользнувших сюда, повидимому, в незапамятныя времена. Выше холм был лысым.

— Вот, — сказал мальчик, указывая на вход в пещеру.

Ларисса проникла в проход и тотчас ее охватило изумленіе, так как проход шел кверху, тогда как о пещерах и подземельях она всегда думала как об обращенных вниз, как о спусках. Камень, почва, свод — все было гладко и твердо и нигдѣ не было никаких слѣдов сырости. В другом концѣ поблескивал свѣт и Ларисса подумала, что там должен быть второй выход.

В эту минуту донесся лай Чайки, мальчик выпустил ея руку и сказал:

— Иди одна, сейчас тебя догоню, только сбѣгаю успокоить Чайку.

Ларисса пошла дальше. Кругом стало темнѣй, но вскорѣ полутьму разсѣяли лучи, доходившіе из противуположнаго конца. Ларисса испытала легкость еще большую, чѣм когда вышла из гостиницы. Все было тихо, спокойно. Над головой ея — или ей так показалось? — начали скрещиваться готическія линіи, стѣны немного отодвинулись, подъем становился все болѣе пологим. Ларисса не слышала своих шагов и двигалась без малѣйшаго усилія.

— Как хорошо, — думала она. — Все тут так кротко, что дѣйствительность перестает быть дѣйствительностью.

Она прикоснулась концами пальцев к стѣнѣ, но сейчас же, подумав, что это может нарушить овладѣвшую ею легкость, упрекнула себя в маловѣріи и оттянула руку. Все отчетливѣй ей казалось, что пространство, звуки, воспоминанія о тѣх, кого она любила и не любила, тают, растворяются, исчезают. Она сказала себѣ, что всякая дѣятельная жизнь непремѣнно бывает связана с ожиданіем и Кого-то, — не

зная Кого, — поблагодарила за то, что ни ждать, ни надѣяться больше не надо.

— Я теряю сознаніе, — прошептала она. — Нѣт. Не теряю. Вижу, что ему на смѣну идет что-то лучшее.

Сдѣлав еще нѣсколько шагов, она вступила на порог пещеры-часовни. Там ее ждала ровная и тихая радость, такая, какой она раньше не знала, и мысли ея были как никогда точны и ясны. Вытекало ли это из слабости сердцебіенія, которая больше походила на отдых, чѣм на слабость, больше на разрыв со всѣм, что может быть источником усталости, чѣм на отдых послѣ усталости? Или из какого-то новаго, совершеннаго біенія? — Ларисса не знала, она даже себя об этом не спросила. Ей хотѣлось слиться с тѣм, что было вокруг, она готовилась вступить, она уже вступала в мір иной. Она видѣла перед собой пещеру, которую мальчик называл часовней, и вошла в нее. В верху было отверстіе, сквозь которое проникал отраженный известняком, и оттого становившійся бѣлым, свѣт. Стояла полная тишина.

— Такой тишины я не знала, — подумала Лариса. — Она лучше лучшей музыки.

И струны ея скрипки показались ей кощунственными и грѣховными.

Не насыщенный никакими запахами воздух, который мог и быть насыщенным всѣми запахами земли, заставил ее подумать о воздухѣ, которым должны дышать души. А в ея душѣ не было ни волненія, ни удивленія, ни боли, ни радости, ни благодарности, ни упрека, сожалѣнія, ни страха. Или все это вмѣстѣ, все сразу было, одно с другим сливаясь.

Когда же сердце тихонько и робко о себѣ напомнило, Ларисса удивилась. Какія у него тут могли быть права? Но оно настаивало, и пришлось подчиниться. Тогда, поняв, что мір иной ей не открылся, она опустилась на колѣни и почувствовала, как по щекам ея скользнули слезы.

Так прошла минута-другая. Ларисса встала и направилась к выходу. По тропинкѣ навстрѣчу бѣжал мальчик, который, поровнявшись, взял ее за руку. Чайка подробно обнюхала ея башмаки, чулки, юбку. Вскорѣ они достигли дороги, гдѣ шумы и ставшій ярким солнечный свѣт сочетались с начинавшим вытягиваться в прямую линію новым днем. Мысли Лариссы тоже приняли естественное теченіе. У околицы мальчик остановился, видимо желая, но не рѣшаясь, что-то сказать. Чтобы ему помочь, Ларисса спросила, часто ли он ходит в пещеру-часовню.

— Нѣт, — отвѣтил он, — только тогда, когда это необходимо. По большей части раз в два или три мѣсяца. Только сегодня все было не совсѣм вѣрно. Из-за Чайки.

— Из-за Чайки?

— Да. Когда я побѣжал посмотрѣть, почему она лает, ея на

мѣстѣ не оказалось. Она взбѣжала на уступ и там лаяла, но я не понял, на кого.

Лариса погладила Чайку и они разстались. Мальчик пошел вдоль каменной стѣны, в концѣ которой завернул и скрылся, Лариса направилась к гостиницѣ, думая, что если бы ей захотѣлось снова пойти в пещеру-часовню, то без мальчика-проводника она дороги не нашла бы.

— Надо справиться, — сказала она себѣ.

Деревня уже проснулась, всѣ ставни были отворены, по улицѣ ѣхали первыя повозки. Лариса приблизилась к одной из сидѣвших на скамеечкѣ старушек и спросила:

— Кто этот мальчик с собачкой на ремешкѣ?

Старушка ничего не отвѣтила и, свернув вязаніе, вошла в дом, точно вопрос ей показался неумѣстным или невѣжливым. Когда же она обратилась к другой старушкѣ, сидѣвшей у сосѣдняго домика и та, тоже не отвѣтив и сложив работу, вошла к себѣ, то ей стало непріятно. Точно она говорила вещи, которых говорить нельзя и нельзя слушать. Она подумала о тайнах, перестающих быть тайнами если ими хоть с одним человѣком подѣлиться и испытала душевный ущерб, почти страх. Третья старушка, как и первыя двѣ — когда она ее спросила — отвернулась, сложила работу и ушла домой. И вышло, что она вернулась в гостиницу так ничего и не узнав и чувствуя крайнюю утомленность. Потом мысли ея спутались, и голос дѣвушки, испуганно ее спрашивавшей, что с ней, доносился словно издали.

— Я видѣла бѣлый свѣт, — прошептала Лариса.

— Вы рано встали? И потом опять легли?

— Кажется, но не помню, как снова ложилась. Может быть вы меня уложили?

— Нѣт.

Теперь дѣвушка смотрѣла на нее с недоумѣніем.

— Значит, я сама раздѣлась, когда вернулась, — продолжала Лариса, чуть слышно. — Я встрѣтила мальчика, у котораго есть собачка и мы с ним ходили в пещеру. Там тоже бѣлый свѣт.

— Мальчик с собачкой? — еле прошептала горничная.

— Да. Славный такой мальчуган. Он меня проводил, показал дорогу. Потом он куда-то ушел и я спросила о нем у старушек, которыя вяжут на скамеечках. Но онѣ не отвѣтили.

Наступило молчаніе.

— Это мальчик-проводник, — произнесла наконец дѣвушка, — и тѣ, которые его встрѣчают, умирают в тот же день.

Губы ея дрожали и она сдерживала дыханіе.

— Значит, я сегодня умру? — спросила Лариса.".

Асунта порывисто встала, прошла по комнатѣ в одном направленіи, потом в другом, и, взяв на руки Христину, то смотрѣла в ея глазки, то прижимала к груди. Дѣвочка улыбалась и что-то невнятное лепетала.

— Там, кажется, ошибка, — пробормотала Асунта, — понимаешь, Христина? Нѣт, конечно, ты маленькая, как же ты можешь понять? И я тоже не понимаю. Мнѣ только так кажется, что ошибка, но я не знаю, какая. Что-то невѣрно...

"Дѣвушка не отвѣтила, — прочла Асунта нѣсколькими минутами позже. — Она тихонько вышли и тихонько закрыла за собой дверь. Лариса...".

Фраза эта стояла в самом верху страницы. А внизу другим, болѣе твердым почерком, было написано:

"Лариса в тот день не умерла. Проболѣв еще недѣлю она вернулась в Париж. Годом позже она убилась в Пиренеях, сорвавшись во время горной экскурсіи с утеса...".

— Ошибка, ошибка, шептала Асунта. И думала, что с мальчиком тоже могла быть ошибка, что не там, в деревнѣ, настоящій мальчик-проводник, а в ней, потому что вѣдь как раз, в ту, в первую ночь в квартирѣ Варли, едва выйдя из Царства видѣній, Савелій ей говорил о не совсѣм понятном разсказѣ про мальчика с собачкой, и что она к нему, взволнованному, нѣжному и грустному, потянулась, и что послѣ этого между ними никогда ничего не было. Потом припомнила отрывки, которые читала раньше, и иллюстраціи к ним Савелія: возвращеніе в гостиницу, когда героиня разстегивала шерстяную кофточку, и то, как она стояла в молельнѣ, в толпѣ, с пріоткрытыми губами и розовой ленточкой на плечѣ, и старушек... Вездѣ была она, Асунта. Ее рисовал Савелій, и на нее смотрѣл Марк Варли. Она пріоткрыла конверт, чтобы вложить рукопись и увидала в нем еще один, сложенный вчетверо, листок, вынула его, развернула и прочла:

"Друг мой Савелій, я вам сказал прошлой ночью и теперь повторяю, что мнѣ не удалось найти конца для моей сказки. Реальность не поддалась моей фантазіи, и напрасной, неубѣдительной кажется мнѣ самому ссылка на то, что собачка залаяла и помѣшала мальчику войти в пещеру-часовню, благодаря чему Ларисѣ пришлось увидать то, что грезится умирающим в крайнія секунды агоніи, и вернуться в наш трехмѣрный мір. Может быть вам удастся то, что мнѣ оказалось непосильным. И теперь разскажу вам о том, как все было на самом дѣлѣ, за двадцать три года до того, как Лариса — которую в дѣйствительности звали Аннэттой — разбилась в Пиренеях. Ея мать была родом из департамента Дром, дочерью владѣльцев больших виноградников. Властными, несдержанными, взбалмошными были ея родители и непремѣнно им хотѣлось выдать дочь за богатаго и, если возможно знатнаго парижанина. Чтобы найти жениха они много принимали, многих приглашали. И попался таки в их сѣти как раз подходящій молодой человѣк. Состоялась помолвка. Но через три дня, лучше присмотрѣвшись, невѣста испугалась: очень уже был глуп этот богатый сноб! И бѣжала и от него, и от неистовых отца и матери в ту самую деревню, гдѣ спустя 21 год, не доѣхав до цѣли, Лариса вышла из автокара. В гостиницу ежедневно приходил в сущности уже не очень

молодой человѣк, с которым она говорила за столом, который ее успокаивал, ее понял и сразу к ней привязался. Потом сказал, что у него неподалеку есть домик, что в деревнѣ он бывает только чтобы обѣдать и ужинать, и что в его домикѣ ей было бы легче прятаться. Она пришла к нему в тот же вечер и осталась. Но ея родители разыскали ее и там, и так ея отец был грозен и неистов, что она не посмѣла ослушаться, и ее увезли в большом черном автомобилѣ, и выдали-таки замуж за состоятельнаго парижскаго сноба, который, слишком всегда занятый своей персоной, ни о чем не догадался! На то, как ее усаживали в автомобиль, и на то, как автомобиль катился по мокрой, в тот день, дорогѣ, владѣлец домика смотрѣл в окно и думал, что все невѣрно, что во всем ошибка, что не так должно было бы быть, что что-то надо исправить, выпрямить, по другому сочетать и что только тогда наступает настоящее спокойствіе, когда можно навсегда уйти. И, не зная, куда уйти, впервые подумал о мальчикѣ-проводникѣ. Он встрѣтит, возьмет за руку и доведет по тропинкѣ до самаго края. А там очень хорошо! — Друг мой Савелій, у вас больше сил и вашей фантазіи реальность подчинится лучше чѣм моей, стариковской. Прошу Вас найдите конец сказкѣ про мальчика-проводника, земной или неземной, но конец".

— Во всяком случаѣ, — сказала Асунта, дочитав, — во всяком случаѣ, нельзя, чтобы это прочел Савелій! Не его это все, мое! Да и не я ли на всѣх его рисунках?

И, вложив все в конверт, спрятала его на самое дно чемодана, под платья и бѣлье.

40. — ПЕРЕМѢНА.

В теченіе трех, послѣдовавших за этим, дней Асунта выходила только за покупками. Кое-какую, самую простую пищу для Христины она готовила тайком, на спиртовкѣ, сама же питалась крутыми яйцами, вядчиной, колбасой и хлѣбом. По большей части она лежала, погрузившись в мысли, у которых не было ни начала ни конца, похожія даже не на сны, а на воспоминанія о снах. Над всѣм висѣло тревожное ожиданіе возвращенія Савелія и вѣстей от Филиппа, котораго она хотѣла бы сдѣлать участником происходящаго, смутно надѣясь, что он во-время примет какія-то все устраивающія мѣры. Она начала даже ему письмо, но, написав нѣсколько строк, разорвала бумагу и бросила в корзину.

— Надо сначала узнать, как отнесется Савелій, — пробормотала она, — без этого о чем, в сущности, писать?

Савелій появился около двух часов пополудни. Он громко постучал в дверь и открыл ее, не ожидая отвѣта. Он показался Асунтѣ еще болѣе сгорбленным, неуклюжим, чѣм всегда, и монгольскія черты его лица были особенно замѣтны. Надвинутый на лоб берет прикрывал его жидкіе волосы и в глазах, узких как щелочки, почти похожих на шрамы, едва

мерцал озлобленный взгляд. Челюсти были крѣпко сжаты, и жилы на шеѣ казались вздутыми.

— Тебѣ непремѣнно надо было покинуть квартиру Варли до моего пріѣзда? — спросил он, и интонаціи его были вопросительно-враждебны.

Асунта молчала.

— Только о самой себѣ думала? — продолжал он. — Меня дождаться не могла?

— Не могла, — проговорила Асунта.

— Не могла? И не могла догадаться, что если тебя не будет, меня в квартиру уже не впустят? И что вот это барахло (он указал на чемодан и на узел, положенные им у двери) окажется всѣм, что я смогу выцарапать? Ты же вѣдь видѣла, какіе они оба...

— О, да! Видѣла!

— Что там нѣсколько наших стульев осталось, и книжек, и полочек, это мнѣ все равно, можешь быть увѣренной. Не в них дѣло...

— А в рукописях и рисунках... — прервала его Асунта, и сама испугалась: в ея голосѣ было чуть-чуть насмѣшки.

— Именно!

Он судорожно потянул носом воздух.

— Теперь кончено, — проговорил он, с трудом. — Из-за тебя кончено. На оберточную бумагу все пойдет. На растопку...

Он взял чемодан и узел и переступил через порог.

"Мое молчаніе, — сказал он себѣ, — было только временной самозащитой, придется его превратить в безразличіе, иначе мнѣ с собой не совладать".

Она же больше всего боялась, как бы не попал в его руки конверт.

— Мнѣ ничего не оставалось другого дѣлать, как бѣжать, — проговорила она, — Царство видѣній было разрушено.

— А? Царство видѣній?! — отозвался Савелій с рѣзкостью. — Когда мы там оба были, ты его, кажется, своим вниманіем не удостаивала. Честь его чистить и убирать выпала на мою долю; теперь тебѣ никуда бѣжать не придется. Ты поѣдешь со мной в Гравборон, гдѣ не Царство, а старый дом, который подметать будешь ты, а не я. А я буду замѣшивать цемент.

— В Гравборон?

— Да, в Гравборон. И мы выѣзжаем сегодня вечером.

— Сегодня вечером?

— Именно. И по той простой причинѣ, что жить не работая нельзя, а там мнѣ обѣщана работа. И там есть крыша над головой. Кромѣ того, племянница навѣрно опротестует завѣщаніе, так что лучше быть на мѣстѣ.

Христина стала хныкать.

— Пойди к папѣ, — подозвал ее Савелій, и, когда она подошла, разсѣянно ее поцѣловал.

— Это твоя дочь, — пробормотала Асунта.

Он не отвѣтил, сѣл на край кровати и, казалось, ничего больше не замѣчал.

Ей хотѣлось напомнить ему, что она ждет второго ребенка. Но она не рѣшалась. Этот второй ребенок был, в ея сознаніи, как-то связан с конвертом и, значит, с опасеніем, что Савелій его обнаружит. — "Конверт мой, мой, — повторяла она себѣ, — нельзя, чтобы он узнал о нем". Кромѣ того, жизнь в деревнѣ, которая нѣсколько дней тому назад казалась ей страшной, невозможной, даже немыслимой, теперь начинала представляться в другом свѣтѣ: там могло возникнуть убѣжище, там могло ждать "продолженіе" и даже "окончаніе".

— Укладывай вещи, — произнес Савелій.

— До вечера есть время, — возразила она.

— Укладывай вещи. Мы поѣдем на вокзал и будем ждать отхода поѣзда в буфетѣ.

— Почему?

— Потому, что я не хочу оставаться в этом кварталѣ и в этой комнатѣ.

Асунта вытащила чемодан из-под кровати и принялась располагать бѣлье и платье.

— Иду расплатиться и за такси, — проговорил Савелій и стремительно вышел.

"Началась главная перемѣна", — думала она, испытывая нѣкоторое удовлетвореніе от сознанія, что конверт надежно спрятан. В дверь тихонько постучали.

— Войдите, — отозвалась Асунта.

Вошел Ламблэ.

— Вы? — произнесла она, с изумленіем. — Зачѣм? Что вам надо? Опять порученіе? Говорите. Говорите же!

— Здравствуйте, мадам, — сказал Ламблэ, — и не пугайтесь, прошу вас. Никакого порученія нѣт. Просто я проѣздом в Парижѣ и позволил себѣ зайти к вам, чтобы засвидѣтельствовать уваженіе.

Глядя на нее он чувствовал, что его тревожат и темное поблескиваніе глаз, и сдержанное дрожаніе голоса, и изсиня черные локоны, и, больше всего, ожиданіе — почти просьба — сквозившее в чертах молодой женщины. Он припомнил холодность пріема у Крозье и ему, на мгновеніе, показалось, что если он всего еще не понимает, то к полному пониманію довольно близок.

— Меня перевели в другую колонію, — продолжал он, — и я пріѣхал в Париж недѣли двѣ тому назад, но был очень занят. Завтра двигаюсь дальше. Непремѣнно хотѣл вас повидать до отъѣзда и вырвал минуту...

— Как вы меня нашли?

— Я побывал на улицѣ Байяр... (он слегка замялся). Мнѣ дали ваш адрес у Варли и оттуда направили сюда.

— Мы сейчас уѣзжаем.

— А! Вы сейчас уѣзжаете. Куда?

— В деревню.

— В какую деревню?

— Не знаю. Мой муж получил там в наслѣдство дом.

— Дом?

— Да. Маленькій дом. Он будет работать на постройках, а я заниматься хозяйством. Но мы не увѣрены, что останемся. Мы не знаем. Это не от нас зависит. И мы не знаем, от кого это зависит, или от чего.

Ея волненіе возрастало с каждой секундой, она почти сбивалась в словах. На щеках ея выступили пятна. Наконец, не в силах больше с собой справляться, она протянула сложенныя руки точь-в-точь как тогда, в памятный вечер на улицѣ Байяр.

— Гдѣ Филипп? — спросила она.

— Я его недавно видѣл, в Вьерзонѣ, в его бюро. Он почти совсѣм поправился. Но все-таки хромает и ходит опираясь на палку.

— На палку? Больше не на костыли?

— На палку, с локтевым упором, но не на костыль.

— И что он дѣлает?

— Занимается фабрикой. Парижское отдѣленіе он закрывает.

— Парижское отдѣленіе закрывает?

— Да. Он очень много работает, как он мнѣ сказал. Разныя у него трудности и непріятности. Его жена больна. (Ламблэ почувствовал, что говорит лишнее).

— Серьезно больна? — прошептала Асунта.

— Не знаю. Он не сказал.

— Он спросил обо мнѣ?

— Нѣт.

Асунта присѣла на край кровати. Глаза ея потухли, кровь отхлынула от щек. Не зная как быть, Ламблэ, не двигаясь, стоял посреди комнаты. Дверь распахнулась, вошел Савелій. Оглянув Асунту, он остановил на Ламблэ взгляд столь же упорный, сколь враждебный.

— Что вы еще разсказали моей женѣ? — спросил он, глухо.

— Ничего страшнаго, — промямлил Ламблэ. — Я проѣздом в Парижѣ и счел себя обязанным сдѣлать вам визит. Никакой перемѣны...

— Перемѣны! — оборвал Савелій. — Никакой перемѣны? Перемѣны это — сущность жизни. Послѣ смерти перемѣн не будет. Поспѣшим с перемѣнами, пока не поздно. А вообще говоря, это вас не касается.

Он, с явным злорадством, возвращался к своему резонерскому тону.

Вдруг вскочив, выпрямившись, Асунта воскликнула:

— Перемѣны? Онѣ в нас. Во мнѣ. В тебѣ. Внутри!

— Укладывай вещи, — прошипѣл Савелій, — и не вмѣшивайся не в свое дѣло. Я не с тобой, с ним говорю о перемѣнах. И надоѣли мнѣ твои капризы, надоѣли! Слышишь? Держи их при себѣ... внутри. Запирай чемодан. Мы уѣзжаем, такси у двери.

И, обернувшись к Ламблэ, добавил:

— Эта вот перемѣна — отъѣзд — не в нас. Она во-внѣ. И очень даже во-внѣ: среди полей и холмов. Что вы скажете, господин выполнитель порученій?

Он срывался с нарѣзов. Сжав кулаки, стиснув челюсти, громко втягивая носом воздух, он во всем напоминал разсвирѣпѣвшаго азіата.

— Успокойтесь, — проговорил Ламблэ.

— Это вас не касается! — почти крикнул Савелій. — Мнѣ нечего с вами церемониться. Хотѣл бы я только знать, как вы нас нашли?

— От улицы Байяр, через Царство видѣній сюда прямая дорога, — рѣзко вмѣшалась Асунта.

— Ты молчи! Тебя я не спрашиваю! А вы, господин выполнитель порученій, можете быть спокойны. Скрывать мнѣ нечего, и я не уѣду не оставив адреса. Если вам это интересно — вот он: Гравборон, Дром, Францiя, Европа. Так вам, в случаѣ чего, искать не придется. И продолжать слѣдствіе будет проще простого. Вы удовлетворены, надѣюсь?

— Вполнѣ удовлетворен, м-сье Болдырев.

— Теперь моя очередь испытать удовлетвореніе попросив вас о выходѣ.

— Савелій! — крикнула Асунта.

— Ты молчи, я тебѣ уже сказал. Одѣвай Христину. Готовь перемѣну! И готовься к перемѣнѣ. Вот!

— Ваша манера обращаться с м-м Болдыревой угнетающа, — попробовал вставить Ламблэ.

— Я уже вам сказал, что это вас не касается!

41. — ДОСАДА.

Послѣдовало нѣсколько восклицаній и насмѣшливых, в той или иной мѣрѣ приближавшихся к ругательствам, замѣчаній. Затѣм, хлопнув дверью, Ламблэ вышел в коридор, спустился по лѣстницѣ, чувствуя и злобу, и униженіе. Увидав хозяина гостиницы, который, как ему показалось, смотрѣл на него с насмѣшкой, он раздражился еще больше. Фабричные дымы, разстилавшіеся над унылой улицей, отнюдь не поспособствовали улучшенію его настроенія и, идя большими, ускоренными шагами, он оглядывал встрѣчных больше чѣм с непріязнью. Нѣкоторое облегченіе ему доставила иронія. "А-а, — думал он, — сначала порученіе Крозье! Вышло, что я был вѣстником несчастій. Оскальпировало его, а расплатился я. В тот же вечер, в гостях у истерички. Выслушал влюбленный бред. При этом мнѣ, другу искалѣченнаго, и осторожным надо было быть, и соболѣзнованіе выражать, в общем заняться сентиментальной хирургіей, не болѣе и не менѣе. И мнѣ же еще попало за то, что я будто бы не все говорил, скрывал, хитрил. Затѣм Крозье в Вьерзонѣ, привѣтливѣйшій, любезнѣйшій, сердечнѣйшій: ни

дать, ни взять, тюремныя ворота. Так, казалось бы, и довольно. Но вот, выходит, что нѣт. Пришлось мнѣ еще...". Но тут лукавое пособничество ироніи обрывалось, так как Ламблэ должен был признаться себѣ в побужденіях, приведших его вторично на улицу Байяр и припомнить, что клочек бумажки с новым адресом Болдыревых он тщательно спрятал в бумажник и что только что срочно по этому новому адресу съѣздил и, оттуда, поспѣшил в гостиницу. «Proprio motu», — пробормотал он, мысленно. — "Не надо было смотрѣть. Надо было лучше понять Крозье, вспомнившаго о ней под обломками поѣзда. И, что еще хуже, нѣт ли нѣкоторой связи между тѣм, как Крозье меня принял в Вьерзонѣ и тѣм, что он мнѣ говорил и моим образом... мыслей, даже дѣйствій, даже, скажу прямо, поведеніем? Недопустимое поведеніе! Стыдно признаться! Но Крозье? Можешь быть увѣренным, оскальпированный директор: обо всем тебя поставлю в извѣстность. И о манерах азіатскаго мужа, и о том, что она ничего не забыла. Выполнитель порученій? Вѣстник несчастій? Им я останусь. Только направленіе будет другое".

От этих домыслов его досада уменьшилась и ему удалось заставить себя думать о предстоявшем на другой день отъѣздѣ в колонію и о послѣдних приготовленіях к нему.

42. — НА НОВОМ МѢСТѢ.

Когда, утром слѣдующаго дня Болдыревы вышли в Гравборон из автокара, Савелій прежде всего купил провизію и сдѣлал, окончившуюся неудачей, попытку нанять хотя бы тачку. Узлы погрузили в дѣтскую колясочку Христины, а два чемодана Савелій связал веревкой, которую перекинул через плечо.

— А Христина? — спросила Асунта.

— Возьмешь ее на руки.

— Она тяжелая, ты знаешь.

— Будешь отдыхать по дорогѣ.

— Ты помнишь, что я ожидаю ребенка?

Он не отвѣтил и они пустились в путь. Пока шли по улицѣ Гравборона, жители их оглядывали с очевидным любопытством, но молча. На околицѣ Асунта испытала внутреннюю тревогу (в чем себя, впрочем, сразу упрекнула) касательно направленія: было ли оно тѣм самым, в котором, взяв за руку мальчика с собачкой, пошла Ларисса?

— Разузнаю потом, — сказала она себѣ и стала искать глазами домик.

— Далеко итти? — спросила она у Савелія.

— Немного больше двух километров. Отсюда не видно.

Но когда они вышли за поворот, домик показался. Дорога отступала от подошвы холма, оставляя его справа. Расположенный метрах в пятидесяти-шестидесяти от нея, домик был у начала склона долины.

Пейзаж казался спокойным, широким, открытым, вездѣ виднѣлись виноградники, фруктовые сады, воздѣланныя поля и огороды.

— Ключ у меня, — замѣтил Савелій, — мнѣ удалось его получить у нотаріуса. Но в том, что предстоят трудности, сомнѣній нѣт. Племянница навѣрно опротестует завѣщаніе. Теперь, самое главное, въѣхать.

Они пошли дальше. Но вскорѣ Асунта потребовала отдыха.

— Дорога прямая, — сказал Савелій, — и ты видишь как итти. Я отправляюсь вперед.

Ее охватило безпокойство. Если он первый придет в домик, то откроет чемоданы, начнет раскладывать вещи и обнаружит конверт. А конверта ему видѣть не слѣдует, ему нельзя увидѣть конверта! Ни в коем случаѣ конверт не должен попасть в его руки!

Ея теперь было царство, а не его, в особености в связи с "перемѣной". Да и не молчал ли Савелій, послѣ стычки с Ламблэ, о рукописях? И теперь, увидав домик, гдѣ он, по волѣ Варли, должен был посвятить себя работѣ над ними, он ни словом о них не обмолвился.

И вдруг найдет конверт?

"В сущности, — подумала она, — в домикѣ будет двѣ области: его и моя. И моя, не его область, настоящая. В ней будет продолжаться Царство".

— Я не хочу, чтобы ты шел вперед, не хочу оставаться на дорогѣ, хочу, чтобы мы вмѣстѣ вошли в домик.

— Вздор. Я затоплю плиту.

— Я не хочу тут оставаться.

— Почему? Мы теряем из-за этого время.

— Я не хочу тут оставаться.

— Но ты вѣдь видишь, что теперь не так далеко. Видишь крышу, два окна, каменную стѣну. Ошибиться невозможно.

— Я не хочу тут оставаться.

Он посмотрѣл на нее с раздраженіем, потом скинул с плеча чемоданы и, вынув из кармана пачку папирос, закурил.

— Ты теперь куришь? — удивилась она.

— Начал курить сегодня утром и буду курить сколько захочу.

Послѣ десятиминутнаго отдыха Асунта заявила, что может итти дальше. Но вскорѣ она снова устала, и снова пришлось остановиться. Так повторилось еще нѣсколько раз. Когда, наконец, они проникли во дворик домика, Асунта была у края сил и Христина плакала. Савелій растворил дверь. Пахнуло сыроватым и прохладным воздухом и, так как ставни были закрыты, к непріятному этому дыханію присоединилась полутьма. В кухнѣ были плита, каменный судомойный стол, стулья, полки, на которых стояла запыленная и непривлекательная посуда.

— Давно бы уже затопил, — пробурчал Савелій, недовольно.

Распахнув ставни, они обошли комнаты с низкими потолками, с цементным полом. Обстановка была примитивной. На всем лежал слой

пыли и все казалось отсырѣвшим. В окна виднѣлся окруженный низкой каменной стѣной двор, с развѣсистой сосной посерединѣ, нѣсколькими кипарисами по краям и очень живописная долина. В одной из комнат мебель была лучше и Асунта заключила, что именно в ней надо было бы расположить папки с рукописями, если б онѣ уцѣлѣли. Она перенесла в нее чемоданы, сунула тот, в котором был конверт, под кровать, достала простыни, постелила и уложила Христину. Потом, преодолѣв усталость и неохоту, навела нѣкоторый порядок, вытерла кое-гдѣ пыль, подмела. Из кухни донесся шум, запахло дымом и Асунта сказала себѣ, что предстоит первый завтрак, который положит начало жизни с глазу на глаз с нелюбимым мужем, в непривѣтливом домѣ, гдѣ ни она, ни он никогда не станут ничего хорошенько устраивать, гдѣ все останется, если не враждебным, то безразличным.

— Я забыл купить соль, — сказал Савелій. — Пойду попросить немного у итальянца.

— У итальянца?

— Это наш сосѣд. Каменщик. Его зовут Біамафта. Вѣроятно, я буду с ним работать, он согласен взять меня помощником на постройках.

Савелій ушел. Асунта осмотрѣла посуду, поправила огонь в плитѣ и принялась чистить картофель. Но все у нея валилось из рук. Плита дымила, и она от этого раздражалась. Рѣшив, что Савелій, вернувшись, займется готовкой, она прошла в свою комнату и стала искать, куда бы спрятать конверт. По счастью был шкаф с выдвижным ящиком внизу, куда она и положила конверт, прикрыв его бумагой и бѣльем. Ящик она заперла на ключ, спрятала его в сумочку и вышла во двор. Несильный вѣтерок слегка качал вѣтви сосны и кипарисов, что расположило ее к мечтательности. Через низкую каменную стѣну она увидала шедшаго вдоль дороги Савелія. Асунту немного удивил контраст между его нескладной фигурой и рѣшительностью его походки.

"Был он мечтателем и "философом", — подумала она, — а теперь, кажется, почувствовал под ногами твердую почву".

Обернувшись, она с вниманіем осмотрѣла дом.

— Что он тут стал бы дѣлать с папками и рукописями? — спросила она себя. — Выдумки? Сны наяву? Ханы Рунки, Зевесы, котловины с бабочками? Все это пропало не потому, что пропали рукописи, а потому, что Варли умер. В ту самую минуту пропало, как он умер. Единственное, что уцѣлѣло, это мальчик-проводник. Но он во мнѣ, он не выдумка, не писательское воображеніе, не хитрость разсказчика, он реальность.

И в который раз она припомнила первую ночь в квартирѣ Варли, когда, полусонная, она была под властью недосказанной сказки, и в который раз подумала об обманѣ, почти от нея не зависѣвшем, самостоятельно возникшем, странно связавшем и ее, и Савелія и, казалось ей, того, другого и даже самого, еще не родившагося, ребенка.

Потом она возстановила в памяти все, что было в утаенной рукописи, — в которой нехватало заключенія, — о "перемѣнѣ" в Савеліи, о его раздраженіи, о его грубости. Нѣсколько удивленная, почти испуганная новым оборотом своих мыслей, она снова взглянула на дорогу и увидала мужа входящим к Біамафта. Увидала она и маленькое бѣлое облако над холмом и ей легко было допустить, что оно пріостановилось как раз над пещерой-часовней. Подумала, что до могилы Варли не далеко и что он поручил Савелію найти конец сказки. "Как его найти? — спросила она себя. — Гдѣ, в чем? Вѣдь Ларисса, которую мальчик-проводник довел до пещеры-часовни, не умерла в тот же день, как должны умирать всѣ, кому встрѣтился мальчик. Может быть кто-нибудь другой за нее умер и Савелію как раз про это и надо было написать? Только рукопись у меня и он этого не знает. Не знает даже, что рукопись уцѣлѣла, и не догадывается, что не ему, а мнѣ предстоит искать конец сказки".

Она вышла за ограду и побрела вдоль нея с наружной стороны. Скромные полевые цвѣточки пестрѣли тут и там и она, сдѣлав небольшой букетик, подумала, что при случаѣ отнесет его на могилу Марка Варли; но тотчас же упрекнула себя в сентиментальности, бросила букетик и, с внезапным раздраженіем, пробормотала:

— Я не встрѣтила ни мальчика-проводника, ни его собачки, я даже не могла их встрѣтить. Меня тут не было!

Кругом природа развертывала свои холсты и гравюры, свои гуаши и акварели, свои литографіи и офсеты, но она на все это почти не смотрѣла. А потом ей больше не хотѣлось вообще ни на что смотрѣть.

Вернувшись в дом, она заперлась в прилегавшем к кухнѣ темном чуланчикѣ, и, чтобы совсѣм сосредоточиться, закрыла глаза. Тотчас же, пространство заполнили воображаемые образы и звуки — отблески и отголоски другого міра. Вторая жизнь в ней, которая еще только складывалась, уже была помѣчена обманом, единственным, у порога жизни, возможным, обманом о самом ея возникновеніи. И Асунта спросила себя, не лучше ли сказать Савелію, что его подозрѣніе лишь результат случайнаго умственнаго затменія, и что только оттого оно длится, что она сама, Асунта, не находит в себѣ сил чтобы преодолѣть наважденіе?

"Не поздно ли? — спросила она себя. — Довѣрія не вернуть, перемѣна, происшедшая в Савеліи, кажется, неисправима".

Да и не хотѣла она, чтобы он вернулся к тому, чѣм был раньше.

43. — ЗНОЙ.

Послѣдовали дни и недѣли, — трудные для Савелія, потому, что непривычная работа в жару была утомительной, трудные для Асунты, потому, что пассивное ожиданіе и деревенское уединеніе плохо сочетались с ея экзальтированной натурой. Время текло для нея гомеопа-

тическими порціями. Она ждала разрѣшенія от бремени и ей казалось, что с этим сроком связано рѣшительно все. Усилія и работа Савелія оставляли ее равнодушной, и на то, что он возвращался очень усталым, она не обращала вниманія. Между тѣм он сил своих не щадил. Всегда вставал первым, сам приготовлял утренній завтрак и уходил до вечера. Вернувшись, прежде всего хорошенько мылся и мѣнял одежду. За обѣдом он почти ничего не говорил, развѣ что давал нѣсколько оцѣнок своего хозяина, называя его вѣрным, участливым, надежным. Иной раз он касался вопроса наслѣдства, но всегда вскользь и Асунта не знала, опротестовала племянница завѣщаніе, или не опротестовала. Ей, впрочем, это было безразлично. С другой стороны, род молчаливаго уговора позволял им не касаться больного вопроса о ребенкѣ. Если Савелій находил в себѣ еще достаточно сил, чтобы немного поработать, послѣ обѣда, на огородѣ, то Асунта удѣляла хозяйственным заботам как можно меньше времени. Даже Христиной она занималась небрежно. — "Силой обстоятельств, — думала она, — эта дѣвочка оказалась предназначенной для жизни в деревнѣ, так пусть же и растет по-деревенски, сама по себѣ"

Иной раз, удивившись овладѣвшему ей почти полному равнодушію к дочери, она себѣ говорила, что тогда, послѣ Васко де Гама, душа ея осталась чуждой. Но не осталась ли она еще болѣе чуждой в первую ночь на квартирѣ Варли? Только этот будущій ребенок мог быть концом сказки про мальчика-проводника, котораго не успѣли найти ни Марк Варли, ни Савелій.

Лѣто стояло особенно знойное. Торжествующее солнце источало невообразимое количество лучей, частиц и колебаній; земля стала враждебной, рѣчки и источники пересохли; деревья томились. Из-за душных ночей, не приносивших отдыха, Савелій сдѣлался мрачным, раздражительным, злым. Иной раз какой-нибудь пустяк приводил его в ярость. Он быстро с собой справлялся, но потом еще больше уходил в себя и днями не произносил ни слова. Только складка губ и немерцающій взгляд узких, как щелки, глаз говорили о готовой прорваться жестокости. Не раз Асунтѣ становилось страшно.

44. — ПОДКРѢПЛЕНІЕ.

Как-то, особенно знойным августовским днем, Асунта неосторожно напилась очень холодной воды и заболѣла. У нея поднялась температура и ей пришлось лечь. То немногое, что она дѣлала по хозяйству и уход за Христиной взял на себя и без того перегруженный работой Савелій. Доктор нашел плеврит и болѣзнь грозила затянуться. Сокращеніе рабочих часов у Біамафта, на которое тот согласился, чтобы позволить Савелію ухаживать за больной, больше длиться не могло и

Савелію надо было принять мѣры. По счастью, Біамафта, обосновавшійся во Франціи послѣ міровой войны, был, как многіе итальянцы, многосемеен (что позволяло ему одновременно и хозяйничать, и брать подряды на постройки. В его отсутствіи за полевыми работами смотрѣла его очень энергичная жена, но, в конечном счетѣ, все зависѣло от него самого, от его распоряженій, а был он человѣк властный). Среди многих обитателей фермы была тридцатилѣтняя Розина, его свойственница, родившаяся во Франціи итальянка, которая отличалась от остальных тѣм, что в свое время неудачно пыталась получить среднее образованіе, что и оставило неизгладимый слѣд на ея усердіи в полевых работах. Так что, когда, теперь, Савелій попросил Розину ему помочь ухаживать за Асунтой, присмотрѣть за Христиной и заняться хозяйством, Біамафта не только не возразил, но был доволен. Рабочіе часы Савелія возстановились полностью.

Когда он привел Розину домой и представил Асунтѣ, та нисколько не удивилась. К тому же правильныя черты лица итальянки были, в общем, привѣтливы.

— Здравствуйте, — произнесла она довольно низким, пріятным голосом, — как вы себя сегодня чувствуете?

Смотрѣть на ея широкія плечи и розовыя щеки было успокоительно и обнадеживающе. Конечно, совсѣм деревенским облик ея не был и одѣта она была слегка на городской лад. Но здоровьем от нея вѣяло очень явственно.

— Здравствуйте, мадам, — произнесла Асунта.

— Я не мадам, а мадемуазель, — отвѣтила Розина. — И называйте меня просто по имени, прошу вас.

Она очень скоро со всѣм освоилась, ни о чем не спрашивая, сама находя гдѣ что лежит, принялась за хозяйство. Принесла Асунтѣ таз для туалета, одѣла дѣвочку, подмела, накачала из колодца воды, растопила плиту, что-то скоренько постирала. Асунта сначала было удивилась, потом ее охватило опасеніе: легкость, с которой Розина входила в колею, подсказывала не то сравненія, не то подозрѣнія. И хотя она и говорила себѣ, что "у Савелія всѣ права" и что ей надо быть безразличной, совсѣм безразличной она не была и искала, и находила в памяти чьи-то слова о неизбѣжности того, что каждому в области чувств предназначено.

Как-то Розина заглянула к ней, чтобы взять на прогулку Христину, сидѣвшую у постели матери. Погруженная в свои мысли Асунта была у края слез. Но Розина этого не замѣтила.

— Идем гулять, — сказала она дѣвочкѣ и, внимательно на нее посмотрѣв, прибавила:

— Какіе у нея глаза.

— Глаза? — прошептала Асунта.

— Такіе глаза бывают у послушниц. Дѣвочки с такими глазами, когда подрастают, часто уходят в монастырь.

Только тогда Розина замѣтила, что Асунта плачет.

— О! Простите! Я сдѣлала вам больно? Простите, — проговорила она.

— Мнѣ кажется, что я недостаточно люблю свою дочь, — тихо сказала Асунта. — Я от этого плачу, а не от ваших слов.

— Недостаточно любите? Не может быть.

— Да, недостаточно и не так, как надо.

Розина увела дѣвочку. Послѣ этого разговора отношенія между обѣими женщинами как бы застыли: одна помогала и заботилась, другая принимала и помощь, и заботы, но ни та, ни другая никаких попыток к сближенію не дѣлали.

Зато у Савелія и Розины установилась отличная дружба. Он постоянно повторял, что никогда еще завтраки и обѣды не были такими сытными и вкусными и Христина такой чистенькой и веселой.

45. — ОГОНЬ.

Было ли это похоже на обвал, или на землетрясенье, или на какую нибудь иную катастрофу? Или на объявленіе войны, на стремительное и кровопролитное сраженіе, за которым слѣдует краткое перемиріе, позволяющее подобрать раненых и убитых?

Асунта поправлялась и проводила много часов в тѣни липы, во дворѣ, гдѣ установили старое соломенное кресло. По большей части Христина играла тут же. В тот день все началось мирно. Розина хлопотала на кухнѣ. Савелій ушел на довольно удаленную постройку и к завтраку его не ждали. Появился он в неурочный час из-за непредвидѣннаго перерыва в работѣ. Асунта видѣла, как он, ея не замѣтив, пересѣк двор и вошел в дом. Она вспомнила тогда, что утром, чтобы перебрать бѣлье, выдвинула ящик шкафа, в котором был конверт, и потом его не задвинула и конверта не прикрыла, так что, войдя в комнату, Савелій не мог его не замѣтить. А что он войдет, было очень вѣроятно, — он всегда, возвращаясь, заходил чтобы поцѣловать Христину.

Сердце Асунты заколотилось. Собрав силы она, в свою очередь, вошла в дом и проникла в комнату. Савелій был там. В лѣвой рукѣ его был конверт, правой он вынимал из него исписанные Варли листки и свои собственные рисунки. Услыхав, что Асунта вошла, он повернул голову и взглянул ей в глаза.

Он больше казался удивленным, чѣм разсерженным.

— Что это такое? — спросил он. — Почему это тут?

Неизбѣжность откровеннаго объясненія пробудила в Асунтѣ рѣшительность: отвѣты на вопросы, которых не могло не послѣдовать, складывались сами собой.

— Как это сюда попало? — повысил Савелій голос.

— Конверт был в моем чемоданѣ и я не хотѣла, чтобы ты об этом знал.

— И с каких пор ты это прятала? — закричал он.

— С тѣх пор как покинула квартиру Варли, — крикнула она, в свою очередь, — с тѣх пор как там кончилось твое "царство видѣній".

Дверь в кухнѣ с шумом раскрылась и послышались скорые шаги: встревоженная слишком громкими восклицаніями Розина спѣшила узнать в чем дѣло.

— Что такое? — спросила она, растерянно.

— Уходи, — прохрипѣл Савелій и, обратясь к Асунтѣ, продолжал:

— Мое "царство видѣній"? И ты смѣешь говорить о моем царствѣ видѣній?

— Оно досталось мнѣ, — отвѣтила она, негромко, но без всякаго колебанія. — Тебѣ достался только дом. И огород.

— И ты вскрыла конверт, на котором стояло мое имя? Украла?

Он шагнул в ея направленіи и ей стало страшно от исказившей его черты ненависти. Он посѣрѣл, шея его надулась, в глазах мелькнули желтоватыя искорки.

— Зачѣм он тебѣ был нужен? — спросил он рѣзко.

— Чтобы его хранить.

— Зачѣм тебѣ нужно его хранить?

— Потому, что он мой. Мальчик — мой.

Не спуская с нея взгляда, не обращая вниманія на то, как дрожат ея рѣсницы, он, наощупь, нашел край конверта, всунул листки и разорвал на двѣ, потом на четыре части.

— Иди, — сказал он, крѣпко взяв Асунту за локоть. Так он провел ее до кухни, гдѣ перепуганная Розина не смѣла произнести ни слова. Савелій отодвинул одну из кастрюль, посмотрѣл на пылавшіе угли и бросил в них конверт.

— Вот твое царство, — услыхала Асунта, — и это еще не все.

Он вытолкнул ее во двор.

— Что вы дѣлаете? — воскликнула Розина.

— Это тебя не касается!

Было жарко, было душно, солнце, приближаясь к зениту, сверкало

ослѣпительно. В небольшой тѣни липы, что-то лепеча и робко смѣясь, играла Христина. Увидав отца и мать, она умолкла.

— Что ты хочешь сдѣлать? — спросила Асунта, чувствуя, как все больше болит локоть. Он не отвѣтил. Он, как ей показалось, не совсѣм владѣл своими мыслями. Он то смотрѣл на нее, то на вышедшую на порог Розину, то на Христину, то оглядывал двор и дом.

— Говори, — приказала тогда Асунта.

Но он не послушался. Отпустив ея локоть, он выбѣжал со двора, большими шагами дошел до дороги, пересѣк ее и скрылся за перелѣском.

— Мнѣ больно, — простонала Асунта.

Все ея тѣло стало ей в тягость и она готова была его, со всѣми его радостями и горестями, смѣхом и слезами, сном и безсонницами, без колебаній покинуть. Кругом ея открывалось другое и стон ея был, в извѣстном смыслѣ, тѣм же, чѣм бывает первый крик новорожденнаго, испуганнаго вдруг отовсюду подступившей неизвѣстностью.

Розина подошла к ней и тронула ея руку.

— Идем, — сказала она. — Вам надо отдохнуть.

Она помогла ей раздѣться, уложила, укрыла, дала холоднаго питья.

Через час раздались шаги. Дверь распахнулась и, не входя, с порога, все такой же напряженный и жестокій, Савелій проговорил:

— Я хотѣл тебя выгнать из *моего* дома. Я только оттого тебя не выгнал, что ты ждешь ребенка. Имѣй это в виду.

Она не отвѣтила.

Послѣ завтрака, когда он ушел, она долго лежала и ей казалось, что теперь надо что-то предпринять. Но что? Не угадывала. Потом присѣла к столу и начала было, по памяти, возстанавливать сказку о мальчикѣ-проводникѣ. Напрасно. Образы этой сказки, хотя и были ей близки, были все же не ея, а чужими образами, и слишком их было много. Слова не складывались в фразы, фразы в размѣренный разсказ. Тогда, для себя неожиданно, она отмѣтила на верху листка дату и начала дневник.

"Односторонняя любовь — не любовь, — написала она, — только получать или только давать недостаточно. Нужно взаимное проникновеніе и нужно еще, чтобы силы были, с обѣих сторон, одинаковыя".

Перечтя она разсердилась и хотѣла было листок разорвать. Вмѣсто этого прибавила: "если такого проникновенія не было, то пострадают оба. Но согласіе (или отказ) не от нас зависят, не от того, чего мы хотим или не хотим. Так с нами случается, как вообще все со всѣми случается. Неожиданныя встрѣчи, от которых может навсегда остаться радость или горечь, угнетающія или радостныя воспоминанія, упреки себѣ, боль, которых нельзя забыть? И вѣдь, иной раз, надо

продолжать и мириться. Конечно, по настоящему чудесной, может быть лишь реальность. И сейчас именно реальность для меня главное. Жаль только, что она связана с унизительным воспоминаніем, тогда как видѣнія Варли и Савелія служили им обоим источником удовлетворенія. Это несправедливо".

Снова перечтя она снова на себя разсердилась, так как отдала себѣ отчет в неумѣніи своем, подумала, что пишет напрасно. Но листка не разорвала, а тщательно его сложив, спрятала в тот самый ящик, гдѣ хранила конверт.

16. — ПОВЫШЕНІЕ.

В концѣ сентября, совсѣм поправившаяся Асунта продолжала относиться к материнским и хозяйственным своим обязанностям так же безразлично, как во время болѣзни. Розина приходила ежедневно. Жара и засуха продолжались и только по вечерам стекавшія с холмов струи свѣжаго воздуха напоминали о приближеніи осени. Сбор винограда был в полном разгарѣ, вездѣ между лозами слышались шутки, восклицанія и смѣх. Но в домѣ Савелія было тихо, развѣ что, время от времени, робко смѣялась Христина. Савелій, который и раньше говорил мало, послѣ сожженія конверта почти не разжимал рта, и если обращался к Асунтѣ, то лишь в случаѣ необходимости. Его отношенія с Розиной продолжали крѣпнуть. По вечерам, до того, как уйти, она подолгу с ним болтала у ворот. Асунта удѣляла нѣкоторое время своему дневнику: он начинал приносить ей удовлетвореніе.

"Как превратить горечь пораженія в тихую радость? — записала она как-то, когда тоска особенно ее сжала. — Как сдѣлать привлекательным сомнѣніе? Можно ли отрицать очевидность и не замѣчать того, что слишком ясно? Погрузиться в воображеніе настолько, чтобы оно замѣнило дѣйствительность...".

Думая о своем подчиненіи обстоятельствам, она заключила, что раз это подчиненіе неизбѣжно, то поиски внутренняго смысла излишни. Лишь два раза во время этих подавляющих недѣль, когда она все больше и больше уходила в себя, когда ей казалось, что все сосредоточилось гдѣ-то за ней, а впереди не было ничего, ей пришлось — по поводам противуположным — выйти из своего оцѣпенѣнія. В первый раз это была врученная ей почтальоном разноцвѣтная открытка, с пляжем, морем, купальщицами и купальщиками. При первом взглядѣ нѣсколько, написанных незнакомым и неразборчивым почерком, строчек ничего ей не сказали. Чтобы как слѣдует прочесть, она прошла в свою комнату и там ей пришлось подавить вдруг начавшееся сердцебіеніе, так как, все-таки, несмотря на все, она подумала: "наконец!". В зеркалѣ она видѣла свои черные волосы, свои рѣсницы, свои глаза, и в них и ожи-

данiе, и надежду, и вопрос. На ея щеках выступили красныя пятна. Но когда прочла, то волненiе смѣнило отвращенiе. Открытка была от Ламблэ: "Смѣю о себѣ напомнить, шлю наилучшiя пожеланiя...". Она ее раздраженно разорвала, вынула из ящика дневник и записала: "Что дальше? Если он обо мнѣ забыл, если он меня вычеркнул из памяти и сердца, то вѣдь это оттого, что он занят дѣлами и строит на засохшем илѣ фабрики, мастерскiя, склады. Вот и все. Надо ли сравнивать и сказать себѣ, что мое ожиданiе и моя надежда на встрѣчу с ним очень похожи на его ожиданiе и надежду все больше зарабатывать, богатѣть? Каждый мѣрит будущее по-своему. Но всѣ забывают, что ближе всего к вѣчности настоящее, что оно с ней просто сливается. Надо ли мнѣ желать умереть в родах? Тогда вышло бы, что мальчик-проводник, мой ребенок, проводит меня в пещеру-часовню".

Во второй раз она покинула заколдованный круг из-за Савелiя, который обратился к ней даже не холодно, даже не по резонерски, как говорил раньше, а каким-то речитативом, без интонацiй, без ударенiй. Произошло это во время обѣда.

— Должен тебѣ сказать, — начал он, — что Бiамафта покупает грузовичок и что ему нужен шофер. Так как я умѣю немного править, он предлагает это мѣсто мнѣ. Что я не опытен, его не пугает, опыт, говорит он, придет. Кромѣ того я буду работать больше не на постройках, а по дому: колоть дрова, подмазывать, чистить земледѣльческiя машины, чинить. Буду на всѣ руки. Соотвѣтственно буду больше получать. Но мои отсутствiя удлиняться, так как я буду столоваться у Бiамафта. Я прошу Розину продолжать приходить до родов. Ты согласна, Розина?

— Конечно да, — отвѣтила Розина.

— Ладно. Теперь о главном. С нотарiусом все идет хорошо. Но надо уплатить пошлину, а денег у меня нѣт. Я вступил по этому вопросу в переговоры с Бiамафта, предложив уступить ему огород с тѣм, что он поможет мнѣ расплатиться. Но точно все еще не условлено. Я хотѣл вас обѣих поставить в курс, так как завтра мы ѣдем получать грузовик, на слѣдующей недѣлѣ я вступлю в мою новую должность.

На минуту замолкнув, Савелiй прибавил, иронически взглянув на Асунту:

— Ты мнѣ сказала, что дом мой и царство твое. Так как рукописи пропали и мнѣ над ними работать, как того хотѣл Варли, не придется, то я на раздѣл соглашаюсь.

"Сегодня мнѣ предложено, — записала Асунта вечером, — войти в тѣнь, которую отбрасывает все хорошо видимое и самой стать невидимой. Я согласна".

47.

"ДЛЯ МЕНЯ ОДНОЙ".

"А. — Предварительное.

Я только что перечла нѣсколько страниц из моего дневника и не нашла, что мысли, которыя я, так неумѣло, пробовала выразить, противорѣчат основѣ моего тогдашняго существованія. Но настоящая реальность, та, которая мнѣ открылась теперь, в этих строках почти не отражена. Из перечитыванія я дѣлаю один вывод: мнѣ хотѣлось писать, и началось все с попытки возстановить сказку Варли. Мнѣ казалось, что если я ничего не напишу, мальчик-проводник, котораго я ждала, не будет вышедшим из царства видѣній. Потом меня охватывало отчаяніе и я хотѣла умереть в родах. Так конец сказки осуществился бы сам собой. Как можно мнѣ было настолько заблуждаться, быть такой почти обезумѣвшей? Кому моя слѣпота могла итти на пользу и кто удовольствовался бы маловѣріем? Передо мной бѣлая бумага. Но дневник мой кончен. То, что я теперь напишу, — дневником не будет. Это будет разсказ, котораго я никому никогда не дам прочесть.

B. — Злоключеніе.

Все было едва переносимо. Савелій стал ненавистным, Розина насмѣшливо-лукавой. Стоявшая все лѣто неимовѣрная жара вдруг спала, уступив мѣсто сѣрой погодѣ, потом дождям и вѣтрам. Мой огромный живот меня мучил. Он был как упрек, как порча, как символ ненужнаго обмана, превращал правду в ироническую насмѣшку. Время шло непостижимо медленно. Никогда я не думала, что время может итти так медленно. И — признаюсь — у меня есть надежда, что никогда больше мнѣ не придется переносить пытки временем, так сказать, закрытым для будущаго. Потуги начались перваго ноября. Савелій попросил у Біамафта грузовичок и отвез меня в родильный пріют в Вэн. Было просто ужас как тяжело. И страшно мнѣ было, и больно, я боялась, что мы опоздаем и что мнѣ придется родить у края дороги, на вѣтру, под дождем. Не могу сказать, что меня больше терзало: упреки ли, которые я сама себѣ дѣлала, или нѣсколько насмѣшливое отношеніе Савелія, присутствіе ли в грузовичкѣ Розины (Христину поручили Біамафта), или слишком долгое ожиданіе, начинавшее превращаться в надежду на чудо. И я себѣ говорила, что настает моя очередь послать вѣсть с края жизни (так как я хотѣла умереть) и я над собой смѣялась, когда думала, что возлѣ меня нѣт никого, кому я могла бы поручить передать эту вѣсть. Меня помѣстили в общую палату, гдѣ я провела три дня в невыразимых мученіях. Наконец, третьяго ноября, я разрѣшилась. Роды были очень трудными. Пришлось накладывать щипцы, потом еще что-то дѣлать, потом было сильное кровотеченіе. Я, как мнѣ сказали, долго оставалась без сознанія. А когда слух и зрѣніе верну-

лись, я не могла ни двинуться, ни говорить, я хотѣла, чтобы меня снова поглотил только что выпустившій меня хаос. Дочка! Не мальчик, а дѣвочка! Реальность не заступила видѣній Марка Варли и Савелій не нашел конца сказки, ни я ея не нашла. Собрав силы я подозвала сестру, и когда она ко мнѣ наклонилась, прошептала: "назовите ее Аннеттой", и снова впала в безпамятство.

С. — Снѣг.

Не знаю, что вдохновило в этом году мѣстных жителей, но наплыв в родильный дом был так велик, что меня выписали при первой возможности. Чуть что не в очереди были роженицы!

Когда Савелій за мной пріѣхал, силы мои еще далеко не вернулись. Уже смеркалось, было холодно, шел снѣг. В Гравборонѣ грузовичок скользнул, ударился колесом о край тротуара, послѣ чего ѣхать стало невозможно. Савелій устроил меня на ночь в гостиницѣ.

— Тебѣ отвели ту самую комнату, в которой умер Варли, — сказал он.

И ушел, чтобы поставить Біамафта в курс происшедшаго.

Горничная мнѣ помогла с устройством колыбели для Аннетты и я поспѣшила лечь, довѣрившись, для того, чтобы кормить дѣвочку, будильнику. Я засыпала, просыпалась, снова засыпала. В серединѣ ноября солнце встает около семи и для меня, ослабленной, час этот был ранним. Но как только утром я увидала сквозь щели ставень свѣт, то испытала нѣчто вродѣ толчка. Вот она заря! Вот она та самая заря, когда Ларисса встала, чтобы итти смотрѣть на бѣлый Гравборонскій свѣт. И я сама, лежавшая в комнатѣ "отца" мальчика-проводника Марка Варли, была уже не Асунтой, а Лариссой. Я кое-как одѣлась, посмотрѣла на спавшую Аннетту и тихонько открыла дверь. В коридорѣ не было никого и я, без помѣх, вышла на улицу. Лежал снѣг, все было бѣло. — "Другой тут снѣг, — подумала я, — чѣм снѣг, на который я смотрѣла из окна гостиницы. Он точно бѣлый свѣт. Я нашла бѣлый свѣт". Но у околицы, которой я достигла через нѣсколько минут, никто меня не ждал: ни мальчик в коротеньких штанишках, ни Чайка, его бѣлая собачка. Я долго смотрѣла на дорогу описанную Варли: поднимающуюся, проходящую между холмами, потом заворачивающую. Я была очень слаба и сомнѣвалась, надо ли продолжать. Что-то шевельнулось метрах в ста передо мной, и я подумала, не Чайка ли это? Собрав силы я пошла дальше, глядя на холмы, в надеждѣ, что увижу восход солнца. Но тучи были низки и темны. Солнце не выглянуло и если все кругом бѣлѣло, то не из-за свѣта, а из-за снѣга. Когда я приблизилась к мѣсту, гдѣ что-то двигалось, — то с грустью увидала, что это не Чайка, а кусок бумаги, зацѣпившійся за придорожную колючку, и который слегка шевелил вѣтер. "Еще разочарованіе, — сказала я себѣ. — Неужели же прав Савелій, который предпочел царству видѣній простой деревенскій дом?". Оставалась

послѣдняя провѣрка: вяжущія под окнами своих домов старушки, не отвѣчающія на вопросы. Ни одной старушки ни под одним окном не было. Да и как могли бы онѣ, по такому холоду, сидѣть под окнами и вязать? Головокруженіе, меня ни на минуту не покидавшее, стало усиливаться и у входа в гостиницу я слегка пошатывалась. По счастью никто мнѣ не встрѣтился. Сознаюсь теперь: я обращалась с вопросами к дѣйствительности не прямо, а косвенно, почти не честно. Она же, когда наступил срок, о себѣ заявила без малѣйших уловок. И еще сознаюсь: я не знаю, испытала я от этого ущерб, или не испытала.

Савелій появился незадолго до полудня, в сопровожденіи Розины.

— Я починил грузовик, — сказал он, — ѣдем.

Розина обратила преимущественное вниманіе на Аннетту.

— О! Какая прелесть, — повторила она нѣсколько раз подряд, — и какая смирная, не капризничает. Не плачет. Ну прелесть, ну восхищеніе. Но посмотри, посмотри, Савелій, она как маленькая китаянка. Твои глаза, и щечки такія же как у тебя, со скулами. И волосики льняные. Ничего у нея нѣт от матери.

Не могла она знать какой лила мнѣ в душу бальзам, думая, что унижает.

И она продолжала в таком же духѣ, завѣряя, что будет няньчить Аннетту, будет ее любить, сдѣлает ее счастливой...

Дома я узнала, что Розина перебралась от Біамафта в самый день моего отъѣзда.

— Так было условлено, — счел нужным пояснить Савелій. — Я тебѣ об этом уже говорил, кажется. Все принимает свою форму.

Он и не ждал никакого отвѣта.

С перваго же вечера я снова попала под власть неподвижнаго времени. Дни? Да не было никаких дней. Недѣли? Не было и недѣль, так же как не было часов или минут. Точно бы мою душу залила мутная жидкость, в ней затвердѣвшая и сдѣлавшая невозможным всякое проявленіе внутренней жизни. Температура не падала. Молоко мое пропало почти сразу и соску дѣвочкѣ согрѣвала и давала Розина. Она же мѣняла пеленки и их стирала. У меня на устах были прежде всего отрицаніе, несогласіе, отказ. Так, по крайней мѣрѣ, мнѣ припоминается этот отрѣзок времени. Я, в сущности, не знала, что дѣлала, так все было машинально, так все было далеко от мыслей и чувств. Вѣроятно, я приближалась к состоянію животному, если не растительному.

Если ожиданіе ребенка было испытаніем, то то, что послѣдовало за его рожденіем, походило на присланный из ада задаток. Иной раз говорят о нѣкоей оборотной сторонѣ жизни, видѣть которую дано лишь избранным. Мнѣ кажется, что я кое-что об этом знаю, если не по своему опыту, то по чужому, по опыту Марка Варли и Савелія до его "перемѣны". Не жили ли они в обществѣ призраков, бабочек в котловинѣ, Хана Рунка, молельщиков и молельщиц, Терма, Зевса, мальчика-проводника?.. Не проникла ли Лариса в пещеру-часовню? Нѣт, нѣт, нельзя отрицать существованія оборотной стороны жизни и увѣрять,

что она только результат разстроеннаго воображенія. Если лишь разстроенному воображенію это все доступно, то это еще не доказательство, что этого нѣт. Просто неразстроенное воображеніе слѣпо. Громоздкіе и в себѣ увѣренные в узкія двери пройти не могут. Все совсѣм, до конца, ясное, совсѣм очевидное так же страшно, как невидимое и недоказуемое. Я увѣрена, что "второе зрѣніе" существует. Но чтобы оно проявилось, ему нужны ему видимые предметы. В моем мірѣ неподвижнаго времени их не было. Я ничего больше не ждала. Всѣ сроки миновали, всѣ опроверженія были сдѣланы. Мнѣ оставалось подчиниться. Савелій, его дом, мои дочери и Розина одолѣли царство видѣній. Я не хотѣла быть Асунтой. Я больше ничѣм не хотѣла быть.

D. — На мокрой от дождя дорогѣ.

В тот день на холм спустились тучи, на которыя я смотрѣла из окна. Потом пошел дождь. Вѣтви деревьев покачивались и немного шумѣли.

— Плохая погода, — произнесла Розина равнодушно.

И в то же почти мгновеніе я увидала как длинный черный автомобиль остановился на дорогѣ как раз у тропинки, которая вела к нашим воротам. Дверца распахнулась. Филипп Крозье вышел и, опираясь на палку, хромая, направился к дому. Я испытала внутренній толчок, сильный но краткій, и единственный. Все потом стало ясно и просто. Я была готова подчиниться всѣм рѣшеніям, которых могли потребовать обстоятельства. Я надѣла непромокаемый плащ и пошла навстрѣчу Филиппу.

— Ты долго себя заставил ждать, — сказала я, когда мы друг к другу приблизились.

— Я не мог поступить иначе, — отвѣтил он.

— Мы уѣзжаем?

— Да.

Он хотѣл повернуться, но задержался на минутку, чтобы посмотрѣть на дом.

— Он ваш? — спросил он.

— Он Савелія... мое...

— Твое?

— У меня нѣт *дома*. У меня *царство*.

— Это правда. У тебя царство. И так трудно было в него проникнуть!

— Оно не всѣм открыто. Но тебѣ — всегда.

Савелій и Розина, с Аннеттой на руках, вышли на порог.

— Кто эта женщина? — спросил Филипп.

— Это любовница Савелія. Ее зовут Розина.

— А ребенок?

— Это моя дочь. Ее зовут Аннеттой. Я ее отдала Розинѣ.

— А гдѣ Христина?

— Ее я тоже отдала Розинѣ. Она будет монахиней. Я не люблю моих дочерей. Их любит за меня Розина. Все очень просто. Все очень естественно. Мы можем уѣзжать.

Но, еще чего-то ожидая, мы не двигались.

— А твоя жена? — спросила я.

— Она умерла.

Слова эти были как, не имѣющій ничего общаго с земными измѣреніями, знак. А, может быть, даже распоряженіе. Или требованіе. Я, в самом дѣлѣ, не знала, чему или кому подчинилась, спросив:

— Когда она умерла?

— Третьяго ноября.

Значит, оно все-таки случилось, чудо, котораго я так долго, так упорно, так вѣрно ждала! Я откинула голову чтобы дождь мог лучше обмыть мнѣ лицо. Но может быть не только лицо, но и душу? — "От всего сердца я вас прошу, не сдѣлайте его несчастным" — звучало в ушах моих, и я видѣла, как, встав со стула, ко мнѣ повернулась грустная и смиренная женщина. Мнѣ хотѣлось вѣрить, что так долго остававшіяся непонятными слова эти донеслись до меня из-за туч, за которыми навѣрно вѣдь сверкало яркое солнце, и я была благодарна дождевым капелькам, смѣшивавшимся с моими слезами.

— Недурно, — произнес Савелій.

— Они уѣзжают, — прибавила Розина. — Она мнѣ своих дочерей подкидывает. Обѣих.

Я хотѣла было ей отвѣтить, что у нея родятся еще и еще, и дочери и сыновья, и что их будет много. И что если дом Савелія станет тѣсен, то они сдѣлают пристройку. Но предпочла промолчать.

— Г-н Болдырев, — произнес Филипп, — я был поставлен в курс ваших отношеній моим другом Ламблэ и все позволяло думать, что с вашей стороны не возникнет никаких препятствій. Вижу, что Ламблэ не ошибся. Так ли?

— Так, — отвѣтил Савелій.

— Я поручу моему юрисконсульту заготовить нужныя бумаги, которыя будут вам доставлены.

Когда мы вышли со двора и направились к автомобилю, Филипп спросил, есть ли у меня багаж.

— Нѣт, — отвѣтила я, ощупывая в карманѣ листки моего дневника, с которым никогда не разставалась. Я думала о том, что покидаю только дом и что всѣ сокровища царства остаются при мнѣ. Дождь усилился, вѣтер крѣпчал. Шофер распахнул дверцу, я вошла первой и сразу опустилась на подушку.

— Что с тобой, Асунта? — спросил он, когда, с нѣкоторым запозданіем из-за своего увѣчія, послѣдовал за мной.

— Радость и горе. Счастье и грусть. Ожиданіе и конец его. Слова и молчаніе. Развѣ всего этого не довольно? — отвѣтила я, глотая слезы, смѣясь, и снова глотая слезы. Дождь, намочившій мое лицо, мои руки, мои волосы, мое платье, смывал стыд улицы Васко де Гама.

Я вспоминала о разстегнутой кофточкѣ и лифчикѣ, о поднятой юбкѣ, о тошнотѣ, я заново пережила горечь и боль перваго объятія. "Оно мнѣ осквернило душу", — думала я и смѣялась, сознавая, что настоящая любовь, которой я так долго ждала, до меня теперь достигла, что она всѣ преодолѣла препятствія, что Мадлэн, за меня умершая третьяго ноября, навѣрно откуда-то издалека и о Филиппѣ, и обо мнѣ позаботилась: "От всего сердца прошу вас — не сдѣлайте его несчастным..." и открыла нам дверь, за которой мы так долго ждали.

— Это ужас до чего я тебя люблю, — прошептала я, и услыхала в его молчаніи отвѣт: "я тоже".

Шофер спросил, куда ѣхать.

— Куда тебѣ хотѣлось бы? — сказал Филипп, и так ласков, так нѣжен был его голос, что я почти удивилась. Он это замѣтил и пояснил, что горестное ожиданіе и постоянныя дѣловы заботы и непріятности были до той поры причиной нѣкоторой его холодности, нѣкоторой твердости, неизбѣжных в таких обстоятельствах, но что теперь это все позади и ни твердости, ни холодности ему больше не нужно. Что теперь он стал самим собой, таким, каким родился и каким ему пришлось, по не от него зависившим причинам, перестать быть.

— И твердость, и холодность замѣнит совсѣм другое. Уже замѣнило.

— Что?

Он посмотрѣл на меня и прошептал:

— Ты знаешь.

Я знала. Я с первой минуты как и он знала и ждала, и, как и он, дождалась.

— Куда тебѣ хотѣлось бы теперь поѣхать? — повторил он свой вопрос.

— В какой-нибудь большой город, гдѣ много людей, гдѣ движеніе, гдѣ голоса, гдѣ шумы, — отвѣтила я.

Мнѣ казалось, что так лучше будет положен конец одиночеству, конец непрерывной обращенности в саму себя, конец ненужной тишинѣ.

— Тогда в Марсель, — произнес Филипп.

Узость дороги затрудняла поворот, но из-за того, что он продлился нѣсколько секунд, я лучше смогла посмотрѣть, в послѣдній раз, на дом, на мокрыя черепицы, на слегка качавшіяся вѣтви сосны, на опустѣвшій двор. В этом брошенном мной жильѣ оставались обѣ мои дочки. — "Когда захочу, тогда их и увижу", — подумала я. Потом мной стал все больше и больше овладѣвать ритм движенія, который по мѣрѣ того, как возрастала скорость, слился в успокаивающую и непрерывную мелодію. Я закрыла глаза и отдалась — всецѣло, безраздѣльно, всей душой своей, никогда мной, до того мгновенія, не испытанному, счастью. Я шла по царству, которое теперь становилось моим до самых дальних, до самых еще неизвѣданных предѣлов.

Е. — Посвященіе.

О! Как я им владѣла. Никто не мог в него проникнуть без моего разрѣшенія и всякаго мнѣ неугоднаго я могла из него удалить. Я могла всѣм о нем все разсказать, или все о нем замолчать, тѣм или иным подѣлиться, то или иное скрыть. И уже я знала, что нѣт надобности говорить Филиппу, что его жена умерла как раз в тот день, когда я сама вернулась к жизни. Для него это было бы болью, а я в этом видѣла и объясненіе, и первый шаг на пути к выполненію завѣщанія: "сдѣлайте его счастливым, сдѣлайте то, чего я сдѣлать не смогла или не сумѣла".

— Почему ты так долго молчал? — спросила я у Филиппа.

— Я не знал гдѣ ты. В послѣднюю мою поѣздку в Париж я был у Варли, откуда меня направили в гостиницу. Но там не знали, куда вы уѣхали. Позже мнѣ написал Ламблэ, сообщившій ваш адрес... и не только адрес. Он мнѣ еще написал, как он у вас был в гостиницѣ, что видѣл и слышал...

— Но раньше, почему ты мнѣ не писал?

— Раньше я не мог.

Я поняла. Как мог он писать о том, чего ждал?

— Она уходила постепенно, становясь все болѣе и болѣе безсознательной, — пояснил он. — Ее перевезли в клинику, гдѣ за ней ходили день и ночь, все дѣлая, чтобы она не мучилась. Потому, что она мучилась и молчала. Говорить она уже не могла и я не знаю — никто не знает, — слышала она, что ей говорили, или нѣт. Но, кажется, она все видѣла. Ты понимаешь, что я не мог... что я совсѣм ничего не мог.

— Понимаю. Я все понимаю.

— А между тѣм, вот я и уклонился от чистой правды. Так как я все-таки кое что сдѣлал.

— Что?

— Я продал проклятую фабрику.

— Проклятую?

— Да, проклятую. Я больше не дѣловой человѣк. Я покинул Вьерзон. И никогда туда не вернусь.

— Гдѣ мы будем жить?

— Я хотѣл купить виллу в горах.

— О нѣт, о нѣт, не в горах! Я хочу равнину. У меня такая душа, что я хочу равнину. Мнѣ от гор страшно, онѣ меня давят.

Он посмотрѣл на меня с удивленіем. А я думала об еще одной тайнѣ моего царства: зачѣм мнѣ было говорить Филиппу о смерти Аннетт, разбившейся в Пиренеях?

— Гдѣ ты хочешь, там мы и будем жить, — произнес он, спокойно. — Чего я хочу, так это чтобы ты была совсѣм, совсѣм довольна. Чтобы ты была счастлива.

И оба, задумавшись, мы прислушивались к мелодіи движенія. Мы

были соединены, будущее нам открывалось, но настоящее было таким, что я не в силах была ни о чем практическом думать. Закрыв глаза, я старалась точно себѣ представить все, что могла пережить в пещерѣ-часовнѣ Лариса, как ей радостно могло быть отдаваться отовсюду к ней подступавшему спокойствію. И думала о приближеніи минуты, когда мнѣ будет так сладко не только не отказывать, но самой желать того, чего у меня попросят. Дождь перестал и на все лег легкій и чудесный туман, придавшій холмам, виноградникам, садам и тут и там виднѣвшимся фермам особую мягкость, особую грацію. Перелѣски, деревни, через которыя мы проѣзжали, повороты, на которых осторожный шофер немного замедлял ход, прямые, когда он давал автомобилю волю, спуски, подъемы... На все ложился смягченный дымкой свѣт, и отвѣты на тихіе вопросы, которые изрѣдка задавал он, или задавала я, отвѣты похожіе на отзвуки, отвѣты, которых было даже не надо потому, что всегда они были подтвержденіями. Мое было царство и все в нем мнѣ было покорно. Позже выглянуло солнце и по сторонам стали появляться бѣлыя скалы, дома один к другому приблизились, слились в пригородныя улицы, загроможденныя грузовиками, трамваями, обыденныя, простонародныя, грязноватыя, лѣнивыя... Потом по обѣим сторонам появились подстриженныя деревья и улицы превратились в аллеи, впадавшія и выходившія из симметрических или неправильной формы, площадей.

— В Старый порт, — сказал Филипп.

Мы вошли в прославленный ресторан, оба взволнованные, оба друг другу подчиненные, и, не в силах говорить, я подошла к окну и стала смотрѣть на чаек, кружившихся над синеватой водой, над лодками, над набережными, над складами...

"Чайка, — думала я, — бѣлая собачка с черным пятном вокруг глаза, почему ты залаяла, когда Ларисса вошла в пещеру-часовню? Что ты увидала? Теперь мнѣ кажется, что я догадываюсь, но развѣ можно быть увѣренной?".

А чайки кружились, поднимались, падали почти до самой воды, что-то хватали, улетали, прилетали. Как души, которым потом дадут имена: Мадлэн, Аннетт... еще какія? Еще чьи имена? Я мечтала, мнѣ почти казалось, что я сама между небом и землей, или над морем, или еще гдѣ-то, в деревнѣ, в большом городѣ, над городом... Я была в моем Царствѣ, рядом с Филиппом, котораго так сильно, так горячо любила.

— А Ларисса, — сказала я ему, — Ларисса, дочь моего Царства, которая побывала в пещерѣ и вернулась? Не мнѣ ли зваться Лариссой?

На улицѣ загремѣло, застучало, заревѣло — рабочіе привели в движеніе пневматическую машину, которой разбивают мостовую. Филипп не мог понять. И не разслышал.

— Царица? — спросил он. — Не понимаю. О какой царицѣ ты говоришь?

Машина на улицѣ на секунду утихла.

— Я больше не хочу быть Асунтой, — сказала я, — я хочу быть

Лариссой. Можно мнѣ быть Лариссой? Называй меня не Асунта, а Ларисса. Хорошо?

— Ну конечно, если ты хочешь, если тебѣ так нравится, так будешь Лариссой.

Машина снова загрохотала. Но Филипп уже разслышал "Ларисса" и "царица" осталась для меня одной".

48. — ЗАВЕРШЕНІЕ.

Асунту похоронили на Гравборонском кладбищѣ рядом с Марком Варли. В самый день похорон Савелій, войдя в ея комнату, нашел рукопись "для меня одной", которая была спрятана на днѣ того самаго ящика, откуда он извлек, чтобы его сжечь, скрытый Асунтой конверт, и прочел ее. Потом, до поздней ночи, он оставался в глубоком раздумьи. "Так вот было, — говорил он себѣ, — когда мы проводили ночи с Марком Варли, в его квартирѣ, да, да, вот именно так было". Но он знал, он отлично знал, что самого себя обманывает. Царства видѣній больше не было. Ларисса-Іарица, наслѣдница, умерла и, вмѣстѣ с ней, оно исчезло. Все ей написанное было только для нея одной. Она одна, только она одна, — чувствуя, что конец недалек, знала его настоящую причину: горе, котораго она не смогла преодолѣть, и послѣдствіе неосторожной попытки посмотрѣть на бѣлый свѣт и встрѣтить мальчика-проводника. Взглянула на реальность и ушла.

Что до него, до Савелія, то ему пришлось остаться в своем домѣ. Для того, чтобы продолжать жить, у него было одно средство: не думать об Асунтѣ, не думать о пропавших рукописях, не думать об исчезновеніи царства. Он купил большой конверт, вложил в него рукопись Асунты, и записочку: "Прилагаю к сему текст, составленный моей покойной женой незадолго до кончины. Думаю, что он может вас заинтересовать. Савелій Болдырев". Пакет этот он отправил "Промышленнику Филиппу Крозье. Вьерзон, Шер". Отвѣта не послѣдовало, но было ли это из-за недостаточно точнаго адреса или из-за равнодушія получателя, Савелій не узнал. В теченіе долгих мѣсяцев он тщетно старался найти внутреннее равновѣсіе. Оказавшись через год по дѣлам в Марселѣ, он встрѣтил пріятеля, который легко уговорил его уѣхать в Сеуту и записаться в армію генерала Франко. Он не вернулся, и ни Розина, ни его дочери никогда не узнали: был ли он убит, взят в плѣн и разстрѣлян, или умер от ран или болѣзней?

КОНЕЦ.

ACHEVÉ D'IMPRIMER SUR LES PRESSES DE
L'IMPRIMERIE BÉRESNIAK
18-20, FAUBOURG-DU-TEMPLE - PARIS-XIe
LE 1er JANVIER 1967 - No D'ÉDITEUR 32.234